

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

891.81

S677dr

1972

B

862,300

DLEVSKIJ

**DREVNIJ CERKOVNO-SLAVJANSKIJ
JAZYK · FONETIKA**

Sobolevskii, Aleksei Ivanovich

ДРЕВНІЙ

ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКІЙ
ЯЗЫКЪ.

ФОНЕТИКА.

ИЗЪ ЛЕКЦІЙ

А. И. Соболевскаго,

ординарнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульв.

1891.

891.815
5677dr
1972

Unveränderter fotomechanischer Nachdruck der Originalausgabe 1891

ZENTRALANTIQUARIAT
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK
LEIPZIG 1972

Druck: (52) Nationales Druckhaus VOB National, 1055 Berlin, DDR
Ag 509/167/72 2638

с9534103-192

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Предисловіе.	
Введеніе.....	1— 2
I. Что такое церковно-славянскій языкъ?.....	3—11
II. Источники	12—20
III. Звуки церковно-славянскаго языка.....	21—51
Гласные.....	25
Согласные.....	42
IV. Отношеніе звуковъ церк.-слав.яз. къ звукамъ родствен- ныхъ индо-европейскихъ яз.....	52—85
1. Гласные.	55
2. Чередуванія гласныхъ	62
I. Группа А.....	62
II. Группа Ј.....	68
III. Группа У.....	71
3. Согласные.....	76
V. Обще-славянскія измѣненія звуковъ	86—132
1. Гласные.	87
Переходъ о и е въ э и ѣ.....	87
Образованіе носовыхъ гласныхъ.....	89
Удлиненіе ѣ и е передъ плавными согласн.	94
Измѣненія гласныхъ подъ вліяніемъ ј и мягкихъ со- гласныхъ.....	99
Переходъ ѣ въ и.....	104
Отожествленіе двухъ ѣ.....	105
Стяженіе гласныхъ.....	106
Количество обще-славянскихъ гласныхъ.....	107
2. Согласные.....	108
Переходъ с въ х.....	108
Первое смягченіе гортанныхъ.....	109

IV

Второе смягченіе гортанныхъ	112
Смягченіе свистающихъ	117
Смягченіе зубныхъ	118
Смягченіе группы <i>кш</i>	120
Переходъ <i>ј</i> въ <i>л</i>	—
Ассимиляція согласныхъ	121
Неорганическіе согласные въ началѣ и среднѣ словъ	127
Исчезновеніе начальныхъ согласныхъ	129
Исчезновеніе конечныхъ согласныхъ	130
VI. Церковно-славянскія измѣненія звуковъ.	133—148
1. Измѣненія въ до-историческую эпоху	133
2. Измѣненія въ историческую эпоху	138
Исчезновеніе глухихъ гласныхъ	138
Переходъ глухихъ въ чистые	140
Образованіе плавныхъ гласныхъ	143
Отожествленіе <i>ь</i> съ <i>ъ</i>	144
Измѣненія согласныхъ	145
Изъ литературы предмета	149—153

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Наша ученая литература такъ бѣдна трудами по церковно-славянскому языку и то, что имѣется въ ней, оригинальное и переводное, такъ кратко и неполно, что изданіе въ свѣтъ части нашего университетскаго курса не представляется намъ излишнимъ.

Въ своемъ трудѣ мы постоянно имѣемъ въ виду, рядомъ съ церковно-славянскимъ, также русскій языкъ, съ тою цѣлю, чтобы этотъ трудъ могъ быть органически связанъ съ другимъ нашимъ трудомъ—по исторіи русскаго языка.

Мы отнюдь не претендуемъ на новизну и оригинальность взглядовъ и выводовъ. Мы старались воспользоваться всѣми старыми и новыми трудами по славяновѣдѣнію и сравнительному языковѣдѣнію, но воспользовались ими лишь настолько, насколько наши наблюденія надъ исторіею языка позволили намъ согласиться съ выводами ученыхъ.

Спб.
1891 г.

Наблюденія надъ жизнію языка показываютъ, что языкъ съ теченіемъ времени измѣняется въ звукахъ. При этомъ, на основаніи своего собственнаго опыта, мы удостоверяемся, что говорящіе вовсе не хотятъ измѣнять языка и что всѣ измѣненія въ немъ происходятъ помимо ихъ воли. При изслѣдованіи этихъ измѣненій становится яснымъ: 1) что не имѣя желанія измѣнять свой языкъ, мы тѣмъ не менѣе стремимся къ наиболее легкому и удобному для насъ произношенію звуковъ и образованію словъ и формъ, и такимъ образомъ, незамѣтно для себя, измѣняемъ и тѣ и другія, и 2) что измѣненія въ языкѣ бываютъ двоякаго характера.

Въ однихъ случаяхъ звуки словъ и формъ измѣняются постепенно, переходя изъ одного отгѣнка въ другой, въ зависимости отъ измѣненій въ положеніи органовъ рѣчи. Это естественныя измѣненія звуковъ, измѣненія физиологическаго характера. Къ нимъ принадлежатъ, напримѣръ, измѣненіе *к* въ *ч* передъ мягкими гласными: печемъ, 1 л. мн. (корень *пек*).

Въ другихъ случаяхъ измѣненія звуковъ имѣютъ свою причину аналогію, вліяніе однихъ словъ и формъ на другія, и состоятъ въ простой замѣнѣ одного звука другимъ. Такъ, форма род. ед. отъ слова *сынъ* первоначально звучала въ славянскомъ языкѣ съ *у* на концѣ: *сыну*, но съ теченіемъ времени подъ вліяніемъ многочисленныхъ формъ род. ед. на *а* (*вѣлка* и т. п.), *у* этой формы было замѣнено черезъ *а*, такъ что образовалась новая форма *сына*. Эти измѣненія — психологическаго характера.

Измѣненія перваго рода въ значительномъ большинствѣ имѣютъ мѣсто во всей массѣ тождественныхъ явленій; такъ, мы находимъ измѣненіе *к* въ *ч* во всѣхъ словахъ славянскаго языка передъ *е*. Такимъ образомъ большинство измѣненій физиологическаго характера подчинено законамъ. Меньшинство этихъ измѣненій наблюдается

лишь въ той или другой части тождественныхъ явленій и отличается случайностью; такъ, мы наблюдаемъ рядомъ переходъ *з* въ *ы* передъ *ј* въ добрыи (изъ добръ-ји) и отсутствіе этого перехода въ добрай.

Измѣненія втораго рода отличаются полною случайностью, что впрочемъ не мѣшаетъ имъ иногда имѣть мѣсто въ очень значительномъ количествѣ тождественныхъ явленій. Аналогія препятствуетъ дѣйствию звуковыхъ законовъ и производитъ исключенія изъ этихъ законовъ. Такъ, *у* въ славянскомъ языкѣ никогда не измѣняется въ *а*; но благодаря вліянію формъ род. на *а*, мы видимъ въ формѣ сына звукъ *а* на мѣстѣ *у*.

Должно имѣть въ виду, что законы измѣненія звуковъ не отличаются постоянствомъ. Они въ одномъ и томъ же языкѣ могутъ быть въ различныя эпохи его жизни различными (до извѣстныхъ предѣловъ). Такъ, въ одну, древнѣйшую эпоху жизни славянскаго языка *к* передъ мягкими гласными перешло въ *ч*: печемъ, а въ другую оно при тѣхъ же условіяхъ дало *ц*: пѣци.

Ссылки на Зографское и Маринское Евангелія дѣлаются нами по изданіямъ Ягича, на Саввино Ев. — по изд. Срезневскаго, на Ассеманово Ев. — по изданію Чрнчича, на Синайскіе памятники — по изд. Гейтлера, на Клоцовъ Сборникъ — по изд. Кошитаря и (гдѣ буква М) Миклошича, на Супрасльскую рукопись — по изд. Миклошича. *Здѣсь цифры означаютъ страницы.* Прочіе памятники, церковно-славянскіе и средне-болгарскіе, если не указаны печатный источникъ, цитуются нами по подлинникамъ, и *здѣсь цифра означаетъ листъ* рукописи. Древне-русскіе памятники цитуются нами такъ же, какъ въ «Лекціяхъ по исторіи русскаго языка».

1. Что такое церковно-славянскій языкъ?

Церковно-славянскій, или старо-славянскій, или древне-болгарскій языкъ — тотъ языкъ, на который славянскіе первоучители свв. Кирилъ и Меодій перевели съ греческаго книги священнаго писанія и богослужебныя и который, послѣ ихъ кончины, сдѣлался литературнымъ языкомъ болгарь, сербовъ и русскихъ.

У болгарь онъ нашелъ себѣ широкое употребленіе въ X вѣкѣ, при царѣ Симеонѣ. Въ это время, въ золотой вѣкъ болгарской письменности, на него было переведено значительное количество произведеній какъ духовной, такъ отчасти и свѣтской византійской литературы и, сверхъ того, на немъ было написано нѣсколько оригинальныхъ произведеній. Послѣ эпохи Симеона, около половины XII вѣка, церковно-славянскій языкъ, измѣнившійся подъ вліяніемъ живыхъ болгарскихъ говоровъ въ звукахъ, формахъ, словахъ, перешелъ въ такъ называемый средне-болгарскій языкъ. Въ своемъ новомъ видѣ онъ долгое время былъ употребляемъ для новыхъ переводовъ съ греческаго и для оригинальныхъ сочиненій, и значеніе литературнаго языка болгарь было сохраняемо имъ до XVII столѣтія.

У сербовъ церковно-славянскій языкъ, измѣнившійся согласно съ особенностями сербскаго языка, былъ употребляемъ какъ литературный языкъ и въ эпоху наибольшаго развитія сербской письменности, въ XIV и XV вѣкахъ, и въ эпоху послѣдующую; даже въ нынѣшнемъ столѣтіи, прежде чѣмъ укоренилась въ Сербіи реформа Вука Караджича, онъ, съ русскою окраскою, лежалъ въ основаніи сербскаго литературнаго языка.

Русскіе познакомились съ церковно-славянскимъ языкомъ очень рано. Уже первые русскіе христіане пользовались церковно-славян-

скими богослужебными книгами, какъ показываетъ, между прочимъ, папская булла 967 года, упоминающая о славянскомъ богослуженіи у русскихъ; древнѣйшіе дошедшіе до насъ письменные памятники русскихъ — переводы договоровъ съ греками кievскихъ князей Олега 912 г. и Игоря 945 г. — написаны на смѣси церковно-славянскаго языка съ русскимъ, едва ли не священниками-болгарами, жившими въ Кіевѣ. Послѣ принятія христіанства всею Русью при святомъ Владимірѣ, церковно-славянскій языкъ, съ болѣе или менѣе сильною русскою окраскою, сдѣлался русскимъ литературнымъ языкомъ и продолжалъ быть имъ въ теченіе многихъ столѣтій, почти до половины XVIII вѣка. Сверхъ того, значительное количество его звуковыхъ, формальныхъ и словарныхъ особенностей вошло въ языкъ русскаго образованнаго общества и вмѣстѣ съ тѣмъ въ современный русскій литературный языкъ.

Такимъ образомъ церковно-славянскій языкъ былъ въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій общимъ литературнымъ языкомъ южнаго и восточнаго славянства. Онъ остается до сихъ поръ языкомъ богослуженія у всѣхъ православныхъ славянъ (а равнымъ образомъ у униатовъ и немногихъ католиковъ), и болгары, сербы, русскіе пользуются въ наши дни одними и тѣми же церковно-славянскими богослужебными книгами.

Сообразно съ употребленіемъ у разныхъ славянскихъ племенъ церковно-славянскій языкъ имѣетъ нѣсколько типовъ.

Собственно церковно-славянскій языкъ, т. е. сравнительно чистый церковно-славянскій языкъ, сохранился въ немногихъ памятникахъ болгарскаго происхожденія, о которыхъ будетъ сказано ниже; этотъ языкъ составляетъ предметъ настоящаго труда.

Церковно-славянскій языкъ, принявшій въ себя особенности болгарскихъ говоровъ XII и послѣдующихъ столѣтій, или церковно-славянскій языкъ болгарскаго извода, находится въ памятникахъ болгарскаго происхожденія, такъ называемыхъ средне-болгарскихъ; изъ нихъ древнѣйшій съ датою относится къ концу XII или къ началу XIII вѣка; это Болонская Псалтырь. Главная характеристическая особенность средне-болгарскихъ текстовъ сравнительно съ собственно церковно-славянскими — мѣна юсовъ, или употребленіе послѣ j и

мягкихъ согласныхъ ж вмѣсто л и на оборотъ—л вмѣсто ж: языкъ вмѣсто языкъ, моуж вмѣсто момъ (родит. п. ед. женск. р.); любля вмѣсто любльж (1 л. ед. ч.), мом вмѣсто момъ (вин. п. ед. ж. р.).

Церковно-славянскій языкъ, измѣнившійся подъ влиянiемъ особенностей сербскаго языка, или церковно-славянскій языкъ сербскаго извода, находится въ памятникахъ сербскаго происхожденiя, изъ которыхъ старшiе съ датами — два Евангелiя, Мирославово и Волканово — относятся къ концу XII вѣка. Главныя особенности текстовъ сербскаго извода: употребленiе у (ю) и е вмѣсто церк.-слав. ж и л: рука вмѣсто ржака, языкъ вмѣсто языкъ; употребленiе и вмѣсто церк.-слав. ѡ: бити вмѣсто быти; употребленiе мягкихъ к (ћ) и з (ѣ) вмѣсто церк.-слав. шт (изъ т) и жд (изъ д): свѣка вмѣсто свѣшта, мею вмѣсто между.

Церковно-славянскій языкъ, принявшiй въ себя особенности русскаго языка, или церковно-славянскій языкъ русскаго извода, является въ огромномъ количествѣ памятниковъ русскаго происхожденiя. Древнѣйшiе изъ нихъ съ датами, дошедшiе до насъ въ оригиналахъ, относятся ко второй половинѣ XI вѣка. Это: Остромирово Евангелiе 1056—1057 гг., Святославовъ Сборникъ 1073 года, Святославовъ Сборникъ 1076 года и Архангельское Евангелiе 1092 года. Главныя особенности текстовъ русскаго извода: употребленiе у (ю) и я (а) вмѣсто церк. слав. ж и л: рука вмѣсто ржака, саду вмѣсто садъ, чадо вмѣсто чадю, и употребленiе ж и ч вмѣсто церк.-слав. шт (изъ т) и жд (изъ д): свѣча вмѣсто свѣшта, межую вмѣсто между.

Кромѣ церковно-славянскаго языка болгарскаго, сербскаго и русскаго изводовъ, нѣкогда существовалъ церковно-славянскій языкъ западно-славянскаго или, точнѣе, моравскаго извода. Онъ сохранился только въ двухъ небольшихъ памятникахъ, писанныхъ глаголицею— въ кievскихъ отрывкахъ, вѣроятно, XI вѣка и въ пражскихъ отрывкахъ, вѣроятно, XI—XII в. и отличается отъ собственно церковно-славянскаго языка главнымъ образомъ употребленiемъ ц и з вмѣсто церк.-слав. шт (изъ т) и жд (изъ д): свѣца вмѣсто свѣшта, мезю вмѣсто между.

Конечно, церковно-славянскій языкъ принадлежитъ къ славянской группѣ языковъ, слѣдовательно, находится въ ближайшемъ родствѣ съ живыми языками (ново-)болгарскимъ, сербо-хорватскимъ,

словинскимъ, русскимъ, польскимъ, чешско-словенскимъ и лужицкими. Но гдѣ онъ былъ въ живомъ употребленіи и какой вѣтви славянскаго племени принадлежалъ?

Одни изъ славистовъ — особенно словинцы Копитаръ и Миклошичъ — полагаютъ, что онъ былъ языкомъ тѣхъ славянъ, которые въ IX вѣкѣ обитали между Дунаемъ и Дравою, т. е. въ предѣлахъ древней Панноніи, и на которыхъ распространялась проповѣдь Кирилла и Меѳодія. По мнѣнію этихъ ученыхъ, славяне, говорившіе на церковно-славянскомъ языкѣ, были или предки нынѣшнихъ словинцевъ, или славянское племя уже не существующее, ближайшимъ образомъ родственное со словинцами и болгарами.

Другіе слависты, по преимуществу русскіе, а также нѣмецъ Шлейхеръ, видятъ въ церковно-славянскомъ языкѣ языкъ солунскихъ славянъ, на которомъ «чисто бесѣдовали» всѣ греки-солунцы, современники Кирилла и Меѳодія, и вмѣстѣ съ ними, конечно, и сами наши первоучители; слѣдовательно, они признаютъ церковно-славянскій языкъ языкомъ древне-болгарскимъ.

Такимъ образомъ вопросъ о родинѣ церковно-славянскаго языка — вопросъ спорный. Для рѣшенія его мы располагаемъ слѣдующими данными.

1) По свидѣтельству древнихъ житій нашихъ первоучителей, извѣстныхъ подъ именемъ паннонскихъ, составленныхъ или ихъ учениками, или людьми ихъ хорошо знавшими, Кириллъ былъ въ Панноніи, во владѣніяхъ князя Коцела, сравнительно небольшое количество времени, проѣздомъ изъ Моравіи въ Римъ; а Меѳодію, хотя онъ и былъ посвященъ папою въ епископы Панноніи, почти совсѣмъ не пришлось жить въ своей епархіи. Они были посланы императоромъ Михаиломъ въ при-дунайскія земли по просьбѣ моравскаго князя Ростислава, дѣйствовали главнымъ образомъ въ Моравіи, во владѣніяхъ Ростислава, и, при переводѣ священнаго писанія и богослужбныхъ книгъ, должны были имѣть въ виду прежде всего жителей Моравіи, предковъ нынѣшнихъ моравянъ и словаковъ. Такимъ образомъ, создавая литературный языкъ славянскій, они не могли имѣть не только основанія, но даже и возможности воспользоваться языкомъ паннонскихъ славянъ и отдать ему предпочтеніе передъ языкомъ своей моравской паствы или передъ хорошо знакомымъ имъ съ дѣтства языкомъ солунскихъ славянъ. Иначе говоря, приступая

къ переводу священнаго писанія и богослужебныхъ книгъ, первоучители могли выбирать только между моравскимъ говоромъ чешскаго языка и солунскимъ болгарскаго языка.

2) Тѣ же паннонскія житія даютъ намъ повяты, что первоучители прибыли въ Моравію съ готовымъ славянскимъ переводомъ нѣкоторой части священнаго писанія и что они докончили переводъ священнаго писанія и богослужебнаго чина вскорѣ по прибытіи къ своей новой паствѣ. Такимъ образомъ оказывается, что евангеліе, апостолъ, псалтырь, служебникъ и требникъ, а вѣроятно, и другія богослужебныя книги, были ими переведены прежде, чѣмъ они могли освоиться съ языкомъ моравянъ, слѣдовательно, на языкъ не моравянъ, а солунскихъ болгаръ. Во всякомъ случаѣ, Кирилль и Меѳодій имѣли уже готовый переводъ священнаго писанія и главныхъ богослужебныхъ книгъ раньше своего посѣщенія Панноніи во время путешествія изъ Моравіи въ Римъ и ознакомленія съ языкомъ паннонскихъ славянъ.

3) Взаимная близость славянскихъ нарѣчій въ эпоху дѣятельности Кирилла и Меѳодія, во второй половинѣ IX вѣка, была еще настолько велика, что безъ сомнѣнія, говорившій на одномъ изъ нихъ могъ свободно понимать говорившаго на другомъ. Въ виду этого славянскимъ первоучителямъ, владѣвшимъ болгарскимъ языкомъ, не было особой надобности учиться языку при-дунайскихъ славянъ и вводить его особенности въ свои болгарскіе тексты. Они могли довольствоваться съ одной стороны — тѣмъ, что сами понимали свою паству, и съ другой — тѣмъ, что паства достаточно понимала ихъ рѣчь и книги. Само собою разумѣется, ученики первоучителей, при-дунайскіе уроженцы, перенимая переведенныя ихъ наставниками книги, могли вносить въ нихъ нѣкоторыя черты своихъ говоровъ, точно такъ же, какъ послѣ сербскіе и русскіе переписчики взмѣняли, согласно съ особенностями своихъ языковъ, церковно-славянскіе тексты; но нельзя сомнѣваться, что при-дунайскія черты были и случайны, и малочисленны: въ дошедшихъ до насъ древнихъ церковно-славянскихъ памятникахъ мы не находимъ ничего такого, въ чемъ можно было бы признать, съ достаточнымъ вѣроятіемъ, особенность того или другаго изъ при-дунайскихъ говоровъ. Форма повелѣт. накл. *виэжь* = *виждь*, напоминающая собою древне-чешскую форму *виъ* (*viž*) и находящаяся въ Маріинскомъ Евангеліи, можетъ

быть простою опискою; слова: розьство (Клоцовъ Сборникъ 23, Маринское Ев. 48) = рождьство, невѣзство (Синайск. Псалт. 46) = невѣждьство, кажущіяся съ перваго взгляда моравизмами, могутъ быть легко объяснены изъ церковно-славянской фонетики: въ нихъ з могло развиться изъ жд, послѣ исчезновенія звука ъ, вслѣдствіе ассимиляціи жд съ послѣдующимъ с; сравни церк.-слав. бѣство (Ассеман. Ев.), бѣство изъ бѣжьство, церк.-слав. блдннѣство (Супр. рук. 99) изъ блдничьство, древне-русск. розьство, розество (галицкая грамота 1409 г.) изъ рождьство, рязкыи изъ рижьскыи, варязьскыи изъ варязьскыи и т. п. Во всякомъ случаѣ, з и въ визжь, и въ розьство, и въ невѣзство не можетъ быть признано паннонизмомъ, или словинизмомъ.

4) Языкъ древнихъ церковно-славянскихъ текстовъ, вышедшихъ изъ подъ пера первоучителей (евангелія и псалтыри), не отличается ничѣмъ существеннымъ отъ языка текстовъ, переведенныхъ послѣ первоучителей въ Болгаріи и дошедшихъ до насъ какъ въ церковно-славянскихъ спискахъ (Клоцовъ Сборникъ, Супрасльская рукопись), такъ въ средне-болгарскихъ и древне-русскихъ. Словарный матеріалъ кирилло-меоодіевскихъ переводовъ — тотъ самый, который находится въ трудахъ жившаго при царѣ Симеонѣ Іоанна Экзарха болгарскаго и въ церковно-славянскихъ переводахъ твореній отцовъ церкви, сдѣланныхъ въ Болгаріи и дошедшихъ до насъ въ древнихъ спискахъ. Среди этого матеріала находится нѣсколько словъ, въ которыхъ сторонники паннонскаго происхожденія церковно-славянскаго языка видятъ паннонизмы. Это *братъ* братъ, *балии* врачъ, *небесьскъ* небесный, *схлнати* просить, *искръ* близъ, *миса* блюдо, *оцѣтъ* укусъ и др. Но эти слова, находящіяся въ древнихъ текстахъ кирилло-меоодіевскаго происхожденія (въ евангелія и псалтыри), не имѣютъ значенія для рѣшенія вопроса: они сравнительно нерѣдки въ текстахъ происхожденія послѣ-кирилло-меоодіевскаго, появившихся несомнѣнно въ Болгаріи, а нѣкоторыя изъ нихъ существуютъ въ современныхъ болгарскихъ говорахъ; поэтому они могутъ считаться столько же паннонизмами, сколько и болгаризмами. Такъ, слова *братъ* (рядомъ съ *братъ*) и *балии* мы находимъ въ Клоцовомъ Сборникѣ; слово *небесьскъ* встрѣчается въ Клоцовомъ Сборникѣ, въ Супрасльской рукописи, въ Богословіи Іоанна Дамаскина, переведенномъ Іоанномъ Экзархомъ, по русскому списку XII вѣка (*Чтенія* 1878 г. 90, 102,

114, 115), въ Пандектахъ Антіоха по русскому списку XI вѣка (библіотека Воскресенскаго монастыря, листь 20 об.), въ Словахъ Григорія Богослова по русскому списку XI вѣка, въ толкованіи Θεодорита на псалтырь по русскому списку XI—XII в. (Толковая Псалтырь Имп. Публ. Библ. f. 23, лл. 27, 48, 65); слово *хлжпати* находится въ Лѣствицѣ Іоанна Лѣствичника по русскому списку XII вѣка (Румянцевскаго Музея); слово *искръ* отмѣчено нами въ Пандектахъ Антіоха по русскому списку XI вѣка (дѣвство *искръ* есть цѣломудрія, 51 об.); слово *миса* принадлежить къ числу греческихъ словъ (это латинск. *mensa*, *mēsa*, передѣланное въ византійскомъ греческомъ въ *μήσα, μήσα*), перешедшихъ въ славянскій языкъ, прежде всего, конечно, въ болгарскіе говоры, и существующее до сихъ поръ, въ видѣ *мѣса*, въ болгарскомъ языкѣ; слово *оцѣтъ*, происходящее отъ лат. *acetum*, употребляется, въ видѣ *оцѣтъ*, до нынѣ въ болгарскихъ говорахъ Македоніи, вблизи Солуны.

5) Нѣкоторыя звуковыя особенности церковно-славянскаго языка: смягченіе *т* и *д* въ *ит* и *жд*: свѣ*ита*, междю, и частое отсутствіе *ј* передъ начальнымъ *а*: азъ, агода, свойственны исключительно болгарскому языку и неизвѣстны другимъ славянскимъ нарѣчіямъ, въ томъ числѣ предку или ближайшему родичу языка паннонскихъ славянъ — словинскому; въ послѣднемъ на мѣстѣ церк.-слав. *ит* мы обыкновенно находимъ *ч*: свѣ*ча*, и на мѣстѣ церк.-слав. *жд* всего чаще встрѣчается *ј*: пе*ји*; въ немъ нѣтъ словъ безъ *ј*, въ родѣ азъ, агода. Нѣсколько славянскихъ словъ въ мадыарскомъ языкѣ съ *ит* и *жд*: *moštoha* = ц.-слав. *маштеха*, русск. *мачеха*; *pešt* = ц.-слав. *пешть*, русск. *печь*; *gožda* = ц.-слав. *ръжда*, русск. *ржа*, *ржавчина*, — не даютъ основанія думать, что въ какомъ-либо говорѣ славянъ древней Панноніи или ближайшихъ къ ней мѣстъ *т* и *д* смягчались по-болгарски: эти слова (ихъ всего три), вѣроятно, заимствованы мадыарами у болгаръ, которые нѣкогда жили значительно сѣвернѣе, чѣмъ теперь — въ мѣстахъ поселенія нынѣшнихъ румынъ.

Равнымъ образомъ тожество *ъ* и *я*, наблюдаемое нами во всѣхъ глаголическихъ и въ одномъ кирилловскомъ памятникѣ собственно церковно-славянскаго языка, свойственно исключительно нѣкоторымъ болгарскимъ говорамъ и чуждо всѣмъ другимъ славянскимъ языкамъ.

6) Всѣ вообще важнѣйшія звуковыя черты церковно-славянскаго языка находятся въ самой тѣсной связи съ соотвѣтствующими чер-

тами средне-болгарскаго языка. Такъ, церковно-славянскій языкъ обыкновенно отличаетъ носовыя гласныя (юсы) отъ чистыхъ гласныхъ; то же мы видимъ въ средне-болгарскихъ памятникахъ XII, XIII, XIV вв., между прочимъ въ грамотахъ, писанныхъ на живомъ болгарскомъ языкѣ; остатки носовыхъ гласныхъ сохраняются до нынѣ въ ново-болгарскомъ языкѣ, по преимуществу въ юго-западныхъ македонскихъ говорахъ. Или, въ церковно-славянскомъ языкѣ звукъ, обозначаемый буквою *ъ*, нерѣдко находится въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ всѣ другія славянскія нарѣчія, въ томъ числѣ русскій языкъ, имѣютъ *а*, *я*: воля, имсп. ед. женск. р., морь, род. ед. средн. р., *ъко* = *яко*; то же мы видимъ въ средне-болгарскомъ языкѣ, между прочимъ въ языкѣ грамотъ царя Иоанна Асѣня первой половины XIII вѣка: *Въднъль*, род. ед. муж. р., *ъко* = *яко*, и царя Константина Асѣня второй половины того же вѣка: *понавлъти* = *понавлѣти*, царь, род. ед. муж. р. Или, церковно-славянскому языку свойственно такъ называемое смягченіе губныхъ согласныхъ (посредствомъ мягкаго *л*), но не вполне, такъ что въ немъ употребляются рядомъ *люблж* и *любкж*, *възлюбленъ* и *възлюбенъ*; то же мы наблюдаемъ въ средне-болгарскихъ памятникахъ, въ томъ числѣ въ грамотахъ: грамота царя Иоанна Асѣня XIII в.: *куплж*, твор. ед. женск. р., и *зема*, вин. ед. женск. р.

Приведенныя данныя, взятая вмѣстѣ, на нашъ взглядъ, даютъ право сдѣлать тотъ выводъ, что церковно-славянскій языкъ въ своемъ основаніи есть не что иное, какъ солунскій говоръ древняго болгарскаго языка, говоръ, можетъ быть, съ теченіемъ времени вымершій, можетъ быть, сохраняющійся донынѣ въ остаткахъ, въ смѣшеніи съ другими болгарскими говорами, въ мѣстахъ около родины Кирилла и Меѳодія. Кириллъ и Меѳодій по тѣмъ или другимъ причинамъ (между прочимъ, потому, что будучи греками, они могли не знать всѣхъ его мелкихъ чертъ) не могли или не хотѣли воспользоваться въ своихъ текстахъ всѣмъ тѣмъ матеріаломъ, который находился въ солунскомъ говорѣ, и, можетъ быть, употребивъ однѣ формы, игнорировали другія. Такъ, можетъ быть, взявъ формы косвенныхъ падежей членныхъ прилагательныхъ на *аго*, *ууму* и т. п., они не воспользовались существовавшими рядомъ съ этими формами въ солунскомъ говорѣ формами на *ого*, *ому*; или, употребивъ формы 2 лица ед. ч. на *ши*, они оставили внѣ литературнаго употребленія формы

того же лица на *шь*. Такимъ образомъ церковно-славянскій языкъ кирилло-меоодіевскаго перевода, сдѣлавшійся послѣ кончины первоучителей литературнымъ языкомъ въ Болгаріи, съ самаго начала своего литературнаго употребленія былъ до извѣстной степени отличенъ отъ живаго болгарскаго языка и заключалъ въ себѣ не весь грамматическій (и, конечно, не весь словарный) матеріалъ, который находился въ этомъ послѣднемъ.

Современники первоучителей, употреблявшіе церковно-славянскій языкъ, именовали себя *с л о в ѣ н а м и* (имен. ед. *словѣнинъ*, им. мн. *словѣне*), названіемъ, употреблявшимся въ древности и употребляющимся теперь у многихъ славянскихъ племенъ (у новгородскихъ русскихъ, у моравскихъ словаковъ, у паннонскихъ словинцевъ); отсюда древнее названіе этого языка *с л о в ѣ н ь с к ѣ*, находящееся въ паннонскихъ житіяхъ Кирилла и Меоодія, у Іоанна Эварха болгарскаго, у переводчика Толковой Псалтыри Феодорита и у другихъ древнихъ болгаръ, перешедшее отъ нихъ къ русскимъ и у этихъ послѣднихъ передѣланное сперва, въ XVI в., подъ вліяніемъ словъ сходнаго образованія, — въ словянскій (словяне изъ словѣне — по образцу горожане, римляне; лѣтописные своды и хронографы XVI и XVII вв.), потомъ, подъ вліяніемъ неосновательнаго сближенія съ словомъ *слава*, — въ славянскій.

II. Источники.

Собственно церковно славянскій языкъ дошелъ до насъ въ небольшомъ количествѣ памятниковъ, изъ которыхъ одни писаны кириллицею, другіе глаголицею. И тѣ, и другіе представляютъ собою жалкіе остатки нѣкогда, безъ сомнѣнія, обширной двухъ-азбучной древне-болгарской письменности, случайно сохраненные судьбою отъ гибели въ разныхъ мѣстахъ внѣ предѣловъ своей родины и дошедшіе до насъ въ самомъ неприглядномъ видѣ: въ отрывкахъ, безъ начала, безъ конца, съ вырванными листами. Большая часть этихъ собственно церковно-славянскихъ памятниковъ отличается малымъ форматомъ, сравнительно мелкимъ письмомъ, чуждымъ всякой претензіи на изящество, скудостью или отсутствіемъ украшеній, что бросается въ глаза всякому, кто знакомъ съ роскошными памятниками древне-русской письменности XI и XII вв., въ родѣ Остромирова и Мстиславова Евангелій. Только одна Супрасльская рукопись имѣетъ сравнительно богатую внѣшность: она писана въ малый листъ, крупнымъ, четкимъ и красивымъ уставомъ; она даетъ намъ возможность составить себѣ нѣкоторое понятіе о тѣхъ погибшихъ церковно-славянскихъ рукописяхъ, которыя послужили образцами для рукописей древне-русскихъ.

Три изъ сохранившихся собственно церковно-славянскихъ памятниковъ — евангелія; одинъ представляетъ собою отрывокъ евангелія; одинъ — псалтырь; въ нихъ мы имѣемъ дѣло съ текстами, несомнѣнно принадлежащими перу нашихъ первоучителей, разумѣется, значительно (особенно въ правописаніи) измѣненными при перепискѣ. Далѣе, одинъ памятникъ представляетъ собою часть требника, именно молитвы при разныхъ мелкихъ чинопослѣдованіяхъ: при постриженіи волосъ младенцу, при побратимствѣ, при посадкѣ винограда, надъ сѣвшимъ скверное, надъ страдающими разными неду-

гами и т. п. Хотя главные чинослѣдованія требника, безъ сомнѣнія, были переведены Кирилломъ, но дошедшій до насъ текстъ, вѣроятно, не принадлежитъ ему и переведенъ послѣ него, въ Болгаріи. Далѣе, три памятника заключаютъ въ себѣ переводы житій святыхъ и твореній св. отцовъ; одинъ изъ нихъ — такъ называемая мѣсячная минея - четья; другой, вѣроятно, отрывокъ изъ минеи или какого-либо сходнаго съ минеею сборника; въ нихъ мы не имѣемъ ни малѣйшаго права видѣть трудъ первоучителей; это, конечно, — памятники переводческой дѣятельности послѣдующей эпохи, вѣка царя Симеона.

Итакъ, собственно церковно-славянскихъ памятниковъ дошло до насъ 9. Они называются:

1) **Зографское Евангеліе**. Это — евангеліе-тетръ (расположенное по евангелистамъ). Оно писано глаголицею на 340 листахъ, безъ начала и многихъ листовъ въ срединѣ; изъ числа утраченныхъ листовъ 17 (съ 41 по 57) еще въ древности были пополнены новыми листами, съ глаголическимъ письмомъ и съ небольшимъ количествомъ средне-болгарскихъ особенностей въ языкѣ. Зографское Евангеліе издревле, по меньшей мѣрѣ съ XIV вѣка, до недавняго времени находилось въ библиотекѣ болгарскаго Зографскаго монастыря на Аѳонѣ; теперь хранится въ Императорской Публичной Библиотекѣ. Этотъ памятникъ изданъ Ягичемъ въ Берлинѣ въ 1879 г.

2) **Саввино Евангеліе**. Это — евангеліе-апракосъ, т. е. расположенное по недѣлямъ, безъ начала и конца, дополненное русскими прибавленіями XI и XIV вв., которыя указываютъ на находженіе его издавна въ Россіи. Оно писано кириллицею на 129 листахъ и имѣетъ приписку, писанную какимъ-то попомъ Саввою (не писцомъ); вѣроятно принадлежало Середкину монастырю подъ Псковомъ; въ настоящее время хранится въ Московской Типографской Библиотекѣ, подъ № 15. Этотъ памятникъ изданъ Срезневскимъ въ Петербургѣ въ 1868 г.

3) **Ассеманово, или Ватиканское Евангеліе**. Это — также евангеліе-апракосъ, безъ конца (вѣроятно безъ одного послѣдняго листа), писанное глаголицею, на 159 листахъ. Оно было приобрѣтено нѣкимъ Ассеманомъ въ Иерусалимѣ въ 1736 году отъ лица славянскаго происхожденія; теперь хранится въ Ватиканской библиотекѣ, подъ № 3. Судя по упоминанію въ его календарѣ о Несторѣ Солунскомъ, Дими-

три Солунскомъ, Теодоръ Солунской, Климентъ епископъ Величскомъ, Тимоѳеѣ, Теодоръ и Евсевіи Струмицкихъ, мѣстныхъ святыхъ Македоніи, писецъ этого памятника былъ родомъ изъ Македоніи, изъ мѣстъ не вдалекѣ отъ Солуны. Ассеманово Евангеліе издано въ первый разъ Рачкимъ въ Загребѣ въ 1865 г. (глаголицею), во второй Черничемъ въ Римѣ въ 1878 г. (въ латинской транскрипціи).

4) Евангельскіе Листки Ундольскаго. Это—отрывокъ изъ евангелія-апракосъ, состоящій всего изъ 2 листовъ, писанный кириллицею. Листки принадлежали покойному русскому библиографу Ундольскому, послѣ котораго, вмѣстѣ со всею его рукописною библіотекою, поступили въ Московскій Публичный Музей, гдѣ хранятся подъ № 961. Они изданы Срезневскимъ въ Петербургѣ въ 1868 г.

5) Синайская Псалтырь. Этотъ памятникъ писанъ глаголицею на 177 листахъ и дошелъ до насъ безъ конца. Онъ хранится въ библіотекѣ монастыря св. Екатерины на Синаѣ, подъ № 38 Изданъ Гейтлеромъ въ Загребѣ въ 1883 г.

6) Синайскій Требникъ. Это—остатокъ большой рукописи, писанной глаголицею, лишенный начала (гдѣ было около 152 листовъ) и конца, содержащій въ себѣ 106 листовъ и хранящійся въ томъ же монастырѣ св. Екатерины, подъ № 37. Отрывокъ его, въ три листа, былъ вывезенъ съ Синая епископомъ Порфириемъ и теперь находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Требникъ изданъ Гейтлеромъ въ Загребѣ въ 1882 г.

7) Клоцовъ Сборникъ. Это—также остатокъ большой рукописи, писанной глаголицею, состоящій изъ 13 листовъ. Онъ принадлежалъ въ XV вѣкѣ владѣльцу острова Крка (у береговъ Далматіи) графу Франкопану; послѣ, въ количествѣ 12 листовъ, былъ въ рукахъ графа Клоца въ Тридентѣ. 13-й листъ былъ отысканъ въ недавнее время Миклошичемъ. Сборникъ, вѣроятно, состоялъ изъ житій святыхъ и поученій, и сохранившійся остатокъ заключаетъ въ себѣ одно цѣлое слово и два отрывка словъ Іоанна Златоустаго и отрывокъ слова Епифанія Кипрскаго. Этотъ памятникъ изданъ Копитаромъ въ Вѣнѣ въ 1836 г.

8) Супрасльская Рукопись. Это—минея-четыре за мѣсяць мартъ, безъ начала и конца, писанная кириллицею на 285 листахъ и заключающая въ себѣ 24 житія святыхъ, 20 словъ Іоанна Златоустаго, одно слово Епифанія Кипрскаго и одно патріарха Фотія. Полная

рукопись нѣкогда принадлежала Супрасльскому монастырю, близъ Бѣлостока, изъ котораго была выдана для изслѣдованія униатскому канонику въ Вильнѣ Бобровскому и потомъ перешла въ собственность разныхъ лицъ. Значительная часть ея находилась въ рукахъ извѣстнаго Копитара и послѣ него поступила въ библіотеку Люблинской гимназіи; другая часть попала въ библіотеку графа Замойскаго въ Варшавѣ; двѣ тетради (16 листовъ) составляютъ собственность академика Бычкова. Супрасльская рукопись вся напечатана Миклошичемъ въ Вѣнѣ въ 1851 г., а отрывокъ, принадлежащій Бычкову, сверхъ того, изданъ въ фотолитографированномъ снимкѣ Обществомъ древней письменности (подъ № 49).

9) **Хиландарскіе Листки**. Это—два сильно пострадавшіе отъ времени листа, писанные кириллицею и содержащіе въ себѣ два отрывка изъ словъ Кирилла Іерусалимскаго. Они прежде принадлежали Хиландарскому монастырю на Аѳонѣ, откуда въ сороковыхъ годахъ перешли къ покойному слависту Григоровичу; а въ настоящее время хранятся въ библіотекѣ Новороссійскаго университета, подъ № 23. Они изданы, между прочимъ, Срезневскимъ въ 1868 г.

Къ этимъ девяти памятникамъ должно присоединить еще два, равные съ ними по важности для изученія церковно-славянскаго языка:

1) **Великолѣнное Остромирово Евангеліе** 1056 — 1057 гг., апракосъ, написанное на 294 листахъ большаго формата и хранящееся теперь въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Это—памятникъ русскаго извода, заключающій въ себѣ значительное количество несомнѣнныхъ, но безъ послѣдовательности проведенныхъ руссизмовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняющій много чертъ своего церковно-славянскаго оригинала. Послѣдній былъ едва ли не древнѣе всѣхъ извѣстныхъ намъ собственно церковно-славянскихъ текстовъ. Вслѣдствіе этого Остромирово Ев. имѣетъ такіа архаическія особенности церковно-славянскаго языка, какія или не встрѣчаются ни въ одномъ собственно церковно-славянскомъ памятникѣ: *имаамъ*, *имааши* и т. д. съ двумя *а* (53 раза), или рѣдки въ собственно церковно-славянскихъ памятникахъ (имперфектъ на *аахъ* и др.). Остромирово Евангеліе издано въ первый разъ Востоковымъ въ Петербургѣ въ 1843 г., во второй и третій — Савинковымъ въ Петербургѣ въ 1883 и въ 1889 гг. (въ фотолитографированномъ снимкѣ).

2) **Маринское**, или Аеонское, или Григоровичево Евангеліе. Это — евангеліе-тетръ, писанное глаголицею, безъ начала и конца. Оно нѣкогда находилось въ святѣ Пресвятой Богородицы на Аеонѣ, откуда два листа перешли въ собственность австрійскаго консула въ Константинополь Михановича, а остальная часть рукописи къ Григоровичу. Въ настоящее время указанные два листа принадлежать Миклошичу, а остальные 171 хранятся въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ, подъ № 1683. Этотъ памятникъ въ древности былъ въ рукахъ сербовъ, какъ видно изъ кирилловскихъ приписокъ на поляхъ. Нѣкоторое количество сербизмовъ (оу вмѣсто ж и на оборотъ) показываетъ, что рукопись была написана сербомъ и принадлежитъ къ числу памятниковъ сербскаго извода. Это не мѣшаетъ Маринскому Евангелію сохранять много особенностей своего церковно-славянскаго оригинала, между прочимъ такихъ, которыя очень рѣдки въ другихъ церковно-славянскихъ текстахъ (поставиты и, въдасты и и т. п. формы 3-го лица съ *ы* изъ *ѡ*). Этотъ памятникъ изданъ Ягичемъ въ Петербургѣ въ 1883 г.

Остромирово Евангеліе несомнѣнно относится къ половинѣ XI вѣка. Что до названныхъ нами собственно церковно-славянскихъ текстовъ, то ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ никакой хронологической даты. Время, позже котораго они не могли быть написаны, можно опредѣлить приблизительно. Старшіе памятники болгарскаго происхожденія (кирилловскіе), означенные годомъ, относятся къ концу XII — началу XIII в.; они уже имѣютъ въ своемъ языкѣ главную средне-болгарскую особенность — мѣну юсовъ. По сравненію съ ними и кирилловскіе, и глаголическіе церковно-славянскіе памятники представляются болѣе древними, и потому они должны быть отнесены ко времени не позже половины XII в. Но время, раньше котораго эти памятники не могли быть написаны, по неизмѣннѣю данныхъ, сколько-нибудь точно опредѣлить невозможно. Впрочемъ едва ли позволительно сомнѣваться, что они относятся къ XI вѣку или началу XII в.

Такимъ образомъ дошедшіе до насъ собственно церковно-славянскіе памятники могутъ быть считаемы написанными приблизительно между концомъ X и половиною XII столѣтій. Если основываться на особенностяхъ ихъ языка (которыя въ данномъ случаѣ мало надежная опора: изъ двухъ переписчиковъ, писавшихъ одновременно,

одинъ могъ подновлять свой оригиналь, другой— оставлять его почти безъ измѣненія), Зографское и Саввино Евангелія, оба съ малымъ количествомъ случаевъ употребленія *o* или *e* на мѣстѣ *ъ* или *ь*, увидѣли свѣтъ раньше Ассеманова Евангелія, обоихъ синайскихъ рукописей, Клоцова и Супрасльскаго сборниковъ. О Листкахъ Ундольскаго и Хиландарскихъ, въ виду незначительности ихъ объема, нельзя сказать ничего опредѣленнаго, но первые, кажется, могутъ быть причислены къ старшей группѣ.

Ни одинъ изъ собственно церковно-славянскихъ памятниковъ не сохранилъ намъ во всей полнотѣ и чистотѣ первоначальнаго кирилло-меоодіевскаго языка и правописанія. Ни въ одномъ изъ нихъ мы не находимъ языка и правописанія тождественныхъ съ языкомъ и правописанія другаго; иначе говоря, всѣ эти памятники имѣютъ небольшія отличія другъ отъ друга въ употребленіи *ъ*, *з*, твердаго *л* передъ *ж*, мягкаго *л* при губныхъ, архаическихъ формъ аориста и т. п.; при этомъ Супрасльская рукопись имѣетъ наибольшее количество отличій сравнительно съ другими. Несомнѣнно, въ собственно церковно-славянскихъ памятникахъ мы имѣемъ дѣло съ кирилло-меоодіевскимъ языкомъ, измѣнившимся подъ перомъ переводчиковъ и переписчиковъ и подъ вліяніемъ живыхъ говоровъ Болгаріи X — XI — XII вв., т. е. съ одной стороны принявшимъ въ себя такія черты, которыя во времена первоучителей ему еще не были свойственны (какъ замѣна *ъ* и *ь* черезъ *o* и *e*), съ другой — утратившимъ нѣкоторыя изъ особенностей, принадлежавшихъ ему въ кирилло-меоодіевскую эпоху. Вслѣдствіе этого собственно церковно-славянскіе памятники вмѣстѣ съ Остромировымъ и Маріинскимъ Евангеліями не даютъ отвѣта на многіе вопросы о церковно-славянскомъ языкѣ; на примѣръ, на основаніи однихъ этихъ памятниковъ мы не можемъ опредѣлить, какъ первоначально проносилось по церковно-славянски: брати, или бѣрати, или бѣрати; мрж, или мѣрж, или мѣрж; деснѣ, или десѣнѣ, или десѣнѣ.

Отвѣтъ, конечно, не на всѣ, но лишь на нѣкоторые изъ подобныхъ вопросовъ, можетъ быть данъ при помощи памятниковъ не принадлежащихъ къ числу собственно церковно-славянскихъ.

Кромѣ собственно церковно-славянскихъ памятниковъ, въ той или другой степени важны для изученія церковно-славянскаго языка многіе памятники разныхъ изводовъ, особенно болгарскаго и русскаго.

Изъ многочисленныхъ памятниковъ болгарскаго извода, или среднеболгарскихъ, имѣютъ особенное значеніе древнѣйшіе, XII и XIII вѣковъ, такъ какъ ихъ языкъ лишь очень немногимъ (главнымъ образомъ взаимною мѣною юсовъ) отличается отъ языка памятниковъ собственно церковно-славянскихъ и особенности ихъ письма и правописанія нерѣдко проливаютъ свѣтъ на значеніе разныхъ особенностей церковно-славянскихъ текстовъ. Къ числу этихъ среднеболгарскихъ памятниковъ, писанныхъ, безъ сомнѣнія, въ тѣхъ же мѣстахъ Болгаріи, гдѣ писаны и собственно церковно-славянскіе тексты,— принадлежатъ, между прочимъ: 1) Евангеліе Григоровича XII в. (Московскій Публичный Музей, № 1690), 2) Охридскій Апостолъ XII в. (тамъ же), 3) Слѣпченскій Апостолъ XII в. (Публичная Библиотека), 4) Македонскій Апостолъ XIII в. (Чешскій Музей), 5) Болонская Псалтырь конца XII или начала XIII в. (библиотека Болонскаго университета) и 6) Паремейникъ Григоровича XII—XIII в. (Московскій Публичный Музей).

Изъ еще болѣе многочисленныхъ памятниковъ русскаго извода наиболѣе важны тѣ, въ которыхъ сохранилось много чертъ ихъ церковно-славянскихъ оригиналовъ и которыхъ языкъ въ той или другой степени уклоняется отъ обычнаго славяно-русскаго типа. Это — 1) Святославовъ Сборникъ 1073 г., 2) Святославовъ Сборникъ 1076 г., 3) Слова Григорія Богослова XI в., 4) Пандекты Антиоха XI в., 5) Реймское Евангеліе XI в., 6) Лѣствица Іоанна Лѣствичника XII в. (Московскій Румянцевскій Музей, № 198).

Но особенно важны древнѣйшіе списки русскихъ нотныхъ книгъ (болгарскихъ и сербскихъ нотныхъ книгъ, сколько мы знаемъ, не сохранилось).

Это—обыкновенныя богослужебныя книги, содержащія въ себѣ равнаго рода богослужебныя нѣснопѣнія православной церкви и приспособленныя къ употребленію пѣвцами: пѣснопѣнія въ нихъ положены на ноты. Едва ли можно сомнѣваться, что приспособленіе ихъ для пѣнія сдѣлано вскорѣ послѣ утвержденія христіанства въ Болгаріи, не позже эпохи царя Симеона, во всякомъ случаѣ еще въ ту пору, когда церковно-славянскій языкъ сохранялъ во всей полнотѣ свои гласные звуки. Точно также едва ли можно сомнѣваться, что соединенный съ нотами церковно-славянскій текстъ, за все время своего употребленія въ Болгаріи, не потерпѣлъ никакихъ сколько

сначала священникомъ, а потомъ епископомъ въ Болгаріи. Оно дошло до насъ въ большомъ количествѣ русскихъ списковъ, изъ которыхъ старшій (Московской Синодальной Библіотеки) — XII в., съ измѣненнымъ правописаніемъ; но восстановление послѣдняго дѣло нетрудное. Размѣръ этого произведенія — шестистопный ямбъ, утратившій у грековъ византійской эпохи свой древній характеръ и имѣвшій въ своемъ основаніи единственно условное признаніе однихъ буквъ (не звуковъ: византійцы уже не знали различія звуковъ по количеству) за долгія, другихъ за краткія, третьихъ за обоюдныя. Вслѣдствіе этого размѣръ стихотворенія Константина заключается лишь въ томъ, что каждый стихъ состоитъ изъ 12 слоговъ, въ всякой связи съ удареніемъ. Изъ него мы можемъ видѣть то же, что и изъ нотныхъ книгъ, т. е. сколько слоговъ или гласныхъ звуковъ заключалось въ извѣстномъ церковно-славянскомъ словѣ въ древнѣйшую эпоху историческаго существованія церковно-славянскаго языка, эпоху жизни учениковъ славянскихъ первоучителей. Сверхъ того, стихотвореніе Константина замѣчательно тѣмъ, что оно написано съ акростихомъ; именно, каждый его стихъ начинается отдѣльною буквою славянской азбуки, въ обычномъ ея порядкѣ. Вотъ начало этого стихотворенія въ нашемъ восстановленіи:

Азъ словомъ симъ молжса Богу:
Боже всемъ твари и зиждителю
Видимымъ и невидимымъ.
Господа Духа посьли живжштаго,
Да въздхнеть въ сердце ми слово....

Нѣсколько другихъ подобныхъ стихотвореній, написанныхъ съ тѣмъ же азбучнымъ акростихомъ и потому называемыхъ толковыми азбуками, не имѣютъ для насъ большаго значенія. Они находятся въ большомъ количествѣ русскихъ рукописей поздняго времени (не раньше конца XV в.), гдѣ нерѣдко приписываются «Константину Философу», т. е. первоучителю Кириллу. Текстъ ихъ уже настолько искаженъ переписчиками, что восстановление его возможно лишь для небольшого количества стиховъ. Послѣдніе показываютъ, что эти стихотворенія составлены приблизительно въ одно время съ стихотвореніемъ Константина и имѣютъ одинакій съ нимъ языкъ и размѣръ.

III. Звуки церковно-славянскаго языка.

Одна часть церковно-славянскихъ памятниковъ писана кириллицею, другая глаголицею. Трудно рѣшить, которая изъ этихъ двухъ древнихъ азбукъ была употребляема Кирилломъ и Меѳодіемъ. То обстоятельство, что единственные два памятника моравскаго извода — глаголическіе, какъ будто свидѣтельствуемъ объ употребленіи глаголицы на мѣстѣ апостольскихъ подвиговъ первоучителей въ Моравіи и такимъ образомъ много говоритъ въ пользу этой азбуки какъ азбуки первоучителей; на оборотъ, слова мнѣха Храбра, заставшаго еще въ живыхъ тѣхъ лицъ, которые видѣли Кирилла и Меѳодія, и перечислившаго буквы, взятая изъ греческаго алфавита, и буквы, изобрѣтенныя Кирилломъ для исключительно славянскихъ звуковъ, прямо указываютъ на употребленіе первоучителями кириллицы. Равнымъ образомъ трудно рѣшить вопросъ о сравнительной древности и взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ азбукъ.

Кириллица, безъ сомнѣнія, есть не что иное, какъ пополненное нѣсколькими новыми буквами греческое уставное письмо того типа, въ какомъ оно является въ рукописныхъ богослужебныхъ книгахъ IX и X, отчасти XI вѣковъ (старшая изъ нихъ, дошедшая до насъ съ датой, — Псалтырь 862 года; младшая относится къ 1118—1143 году). Кирилловскія буквы для звуковъ общихъ славянскому языку съ греческимъ въ церковно-славянскихъ и древне-русскихъ памятникахъ не только сходны, но иногда даже тождественны съ соотвѣствующими имъ греческими (напримѣръ, въ Псалтыри 862 года). Что до кирилловскихъ буквъ для звуковъ неизвѣстныхъ или малоизвѣстныхъ греческому языку, то относительно е можно съ рѣшительностію сказать, что это одна изъ разновидностей β, встречающаяся въ греческихъ рукописяхъ (напримѣръ, въ Псалтыри

862 г. и въ Евангелии 995 года); *ѣ* или *з*, позже *з* (*зѣло*),—конечно, видоизмѣненіе *з*; *ж* по всей вѣроятности восходитъ къ *ѣ*, утратившему свою нижнюю часть и получившему, въ интересахъ симметріи, продолженіе верхней черты; *ц* и *ш* очень сходны съ еврейскими *צ* (*цадэ*) и *ש* (*шинъ*) и, вѣроятно, восходятъ къ этимъ послѣднимъ (палеографическая таблица, сдѣланная Хвольсономъ, при его «Сборникѣ еврейскихъ надписей», Спб. 1884, показываетъ, что евр. *ש* въ IX—X вв. иногда писалось почти тождественно съ кирилл. *ш*); *у*, вѣроятно, восходитъ къ *ц* (которое въ Супрасльской рукописи пишется все въ строкѣ, сходно съ нашею цифрою 4); *щ* — безъ сомнѣнія, вязъ (соединеніе) *ш* и *т* (рядомъ съ нимъ, но рѣже встрѣчается другая вязъ *тѣхъ* же буквъ—*ш* съ *надписаннымъ* надъ нимъ *т*, между прочимъ въ Савв. Ев., Супрасл. рук., др.-р. Словахъ Григорія Богослова XI в. и др.-р. Пугачиной Минеѣ XI в.); *ю* — сокращеніе *юу* = греч. *ιου*; изъ остальныхъ буквъ *ъ*, *ь*, *ѣ* должны восходить къ одному и тому же знаку, а *ж* долженъ быть видоизмѣненіемъ *л* (промежуточная ступень—*ж*, у котораго нижняя половина тождественна съ *л*, въ Святославовомъ Сборникѣ 1073 г. и въ др.-р. Юрьевскомъ Ев. ок. 1120 г.).

Глаголическія буквы въ полномъ ихъ составѣ не имѣютъ по своему типу ничего сходнаго ни съ одною изъ извѣстныхъ азбукъ. Изъ многочисленныхъ попытокъ ученыхъ указать источникъ глаголицы ни одну нельзя признать достаточно удачно. Новѣйшая попытка произвести глаголицу отъ греческой скорописи IX в. (точнѣе: отъ такъ называемаго минускульнаго письма), сдѣланная Тейлоромъ и подхваченная Ягичемъ, на нашъ взглядъ такъ же неудачна, какъ и другія. Помимо того, что глаголица уставное письмо и что уже по одному этому затруднительно считать ея источникомъ скорописи, должно имѣть въ виду, что значительное большинство глаголическихъ буквъ не обнаруживаетъ сколько-нибудь близкаго сходства съ греческими скорописными и что въ этомъ случаѣ Тейлору и Ягичу не помогаютъ ни сочиненіе не встрѣчающихся въ греческой скорописи вязей (соединеній нѣсколькихъ буквъ въ одно начертаніе), ни грубыя натяжки, въ родѣ производствъ глаголическаго *б* изъ греч. *μβ*, *ж* изъ *ϑϑ*, *з* изъ *ϑ*, *ц* изъ *ζ*, *ч* изъ *τσσ*, *ш* изъ *σσ* и т. д.: греки, первые начавшіе передавать славянскіе звуки греческими буквами и бывшіе, безъ сомнѣнія, учителями славянъ, въ IX — X вв. держались уже

извѣстной системы и довольно послѣдовательно передавали слав. б черезъ свое β (у Константина Багрянороднаго: βούγαρος, Βορίσης и др.; срв. передачу греческаго β черезъ слав. б: рабби Зографск. Ев. 74, Бера фрячскааго, Библа града Свят. Сборн. 1073 г. 263, 263 об., въ Берѣ Путатина Минея XI в. 61, Бенедикту Охридскій Ап. XII в. 104 об., указывающую на существованіе у грековъ IX—XI вв. спорадическаго произношенія β, безъ предыдущаго μ, — какъ б), слав. ж и з черезъ свое ζ (у Константина: ζουπάνος = жу-панъ, ζάκων = законъ), слав. и и ч черезъ свое τζ (у Константина: Κοτζίλης = Коцль, Κριβίτζοι = Кривичи, Βιτετζέβη = Витечевъ и др.), ш черезъ σ (у Константина: Βουσεγυραδέ = Вышеградъ).

Едва ли не болѣе удачна старая попытка произвести глаголицу изъ кириллицы. Кирилловскія буквы для звуковъ, существующихъ и въ славянскомъ яз. и въ греческомъ, въ общемъ не лишены сходства съ глаголическими: сравни слав. а (писавшееся нерѣдко — напимѣръ, въ Листкахъ Ундольскаго — сходно съ нашимъ печатнымъ ђ безъ праваго овала, все въ строкѣ) и ѧ, д (писавшееся иногда все въ строкѣ) и ѡ, е и ѣ, ї и Ѥ, л и ѡ, м и Ѯ, п и Ѣ, р и Ѥ, с и Ѧ, т и Ѯ. Большая же часть кирилловскихъ буквъ для звуковъ неизвѣстныхъ или малоизвѣстныхъ греческому языку настолько сходны съ глаголическими, что въ ихъ генетической связи нѣтъ возможности сомнѣваться: сравни б и ѡ, ж и ѡ, ѣ и ѣ, џ (написанное все въ строкѣ) и ѣ, у и я ѣ, ш и ш, џ (иногда писавшееся все въ строкѣ) и Ѯ, ю и Ѣ. При этомъ кирилловскія буквы оказываются или очень близкими къ своимъ греческимъ первообразамъ (б, ѣ), гораздо болѣе близкими, чѣмъ глаголическія, или вполне ясными по образованію (џ, ю), чего никакъ нельзя сказать объ ихъ глаголическихъ двойникахъ. Такимъ образомъ тождественное съ греческою β кирилловское б не можетъ быть объяснено изъ глаголическаго б, а глаголич б вполне можетъ быть объяснено изъ б; или, ясное по образованію кирилловское ю не можетъ быть объяснено изъ глаголич. ю, но на оборотъ — глагол. ю легко объясняется изъ ю, и т. д. Сверхъ того, мы должны обратить вниманіе на слѣдующій фактъ, указывающій по меньшей мѣрѣ на очень древнее вліяніе кирилловскаго письма на глаголическое. Древніе кирилловскіе памятники (въ числѣ ихъ Остромирово Ев.) иногда имѣютъ ѣ (ижицу) вмѣсто оу въ качествѣ сокращенія оу (котораго не было въ употребленіи у грековъ). То же мы находимъ въ

важѣйшихъ глаголическихъ памятникахъ—въ Зографскомъ, Ассемановомъ, Маріинскомъ Ев., Син. Пс.: богу Зогр. 6, сѣдар Асс. 176 чловѣку Син. Пс. 227 и др., хотя глаголическое ѿ = кирилл. ѹ не имѣеть ничего общаго съ глагол. ѿ = оу.

Какъ бы то ни было, старая взаимная связь двухъ славянскихъ азбукъ не подлежитъ сомнѣнію. Въ глаголицѣ, какъ бы въ подражаніе кириллицѣ, тамъ гдѣ эта послѣдняя является слишкомъ точною, въ ущербъ смыслу, кошею греческой азбуки, — мы находимъ нѣсколько буквъ лишнихъ: двѣ (или, точнѣе, три) буквы для означенія звука *i*, двѣ буквы для означенія звука *o*, буквы ѿ = *ϕ*, ѡ = *ϕ*, ѡ = *ϕ*, ѡ = *ϕ*. Въ свою очередь, въ кириллицѣ, какъ бы въ подражаніе глаголицѣ, рядомъ съ изображеніемъ іотированныхъ гласныхъ по латинно-греческому способу—сложными іотированными буквами ѡ, ѡ, ѡ (=греч. *α*, *ε*, *ιου*) и т. д., есть стремленіе передавать нѣкоторые изъ этихъ гласныхъ особыми простыми буквами; такъ, іотированный малый юсь передается иногда буквою а. Помимо всего этого, буквы той и другой азбуки издревле излагались въ одномъ и томъ же порядкѣ, почти тождественномъ съ порядкомъ греческой азбуки и вполне тождественномъ съ порядкомъ современной азбуки русской. Точно также буквы и той, и другой имѣли числовое значеніе. Кириллица вполне слѣдовала своему греческому оригиналу, и въ ней только буквы греческаго происхожденія, въ порядкѣ греческой азбуки, означали числа: а = 1, в = 2, г = 3, д = 4, е = 5, з = 7, н = 8, ѡ = 9, і = 10 и т. д., а новыя буквы для славянскихъ звуковъ (кромѣ л = 900) оставались безъ числоваго значенія. При этомъ для означенія 6 употреблялась греч. ζ (стигма, потомокъ древней дигаммы), а для означенія 90—греч. ς (коппа), изъ которыхъ потомъ ς = 9, замѣнивъ собою ѡ, з, з, стала не только цифрою, но и буквою (з въ свою очередь какъ у южныхъ славянъ, такъ и въ древней Руси получило значеніе цифры 6: Савв. Ев., др.-р. Минея 1096 г.), а ς съ теченіемъ времени было замѣнено буквою у. Въ глаголицѣ же гсѣ буквы, кромѣ нѣсколькихъ послѣднихъ, были вмѣстѣ съ тѣмъ цифрами: а = 1, б = 2, в = 3, г = 4 и т. д.

Большая часть буквъ кириллицы и глаголицы имѣли постоянно одно и то же значеніе и употребленіе, но нѣкоторыя въ разныхъ памятникахъ употреблены разнo, едва ли не потому, что ихъ зна-

ченіе еще не успѣло установиться. Это—кирилловскія **а** и **а**, глаголическія **ѣ** и **ѣѣ**.

Кирилловское **а** въ Листкахъ Ундольскаго (не знающихъ іотированныхъ гласныхъ) употребляется и въ значеніи не іотированнаго **а**, и въ значеніи **я**; Саввино Евангеліе и Супрасльская рукопись знаютъ эту букву въ значеніи **я**; Хиландарскіе же Листки и Остромирово Евангеліе ставятъ **а** только послѣ согласныхъ и отличаютъ его отъ **я**.

Кирилловское **а** въ Саввиномъ Евангеліи и Супрасльской рукописи имѣетъ значеніе не іотированнаго гласнаго и ставится послѣ согласныхъ; въ Хиландарскихъ Листкахъ оно означаетъ **я**. Кирилловское **а**, находящееся въ Саввиномъ Ев., — вариантъ **я**, имѣющій одно съ нимъ значеніе.

Глаголическое **ѣ** въ Зографскомъ, Ассемановомъ и Маріинскомъ Евангеліяхъ, въ Синайскомъ Требникѣ и въ Клоцовомъ Сборникѣ имѣетъ значеніе не іотированнаго **а**; въ Синайской же Псалтыри эта буква употреблена почти исключительно въ словѣ *ангелъ*, на мѣстѣ согласнаго **н** (67, 69, 205, 215, 302).

Глаголическое **ѣѣ** въ тѣхъ памятникахъ, гдѣ **ѣ** = **а**, означаетъ **я**; въ Синайской же Псалтыри оно имѣетъ значеніе какъ іотированнаго, такъ и не іотированнаго **а**, т. е. обыкновенно употреблено въ значеніи **а**.

Гласные. Кирилловское **а**, глаголическое **ѣ** означало звукъ *a* въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не имѣлъ передъ собою *j* или мягкаго согласнаго. Судя по тому, что греческое *a* словъ въ родѣ *στανῶς*, *παράδεισος*, *Λάζαρος* нерѣдко передается въ церковно-славянскихъ памятникахъ черезъ *o*: *сотона*, *порода*, *Лазорь*,—церк.-слав. *a* было звукомъ рѣзкимъ и очень открытымъ.

Кирилловское **я**, употребляющееся въ Саввиномъ и Остромировомъ Евангеліяхъ, въ Супрасльской рукописи и въ Хиландарскихъ Листкахъ, означало *a* съ предшествующимъ *j*: *яко* = *јако*, или мягкимъ согласнымъ: *нынѣ*.

Кирилловское **е**, глаголическое **ѣ** означало звукъ *e*, который, по видимому, нерѣдко звучалъ закрыто и, сверхъ того, былъ близокъ къ современному великорусскому и ново-болгарскому *e*, въ томъ от-

ношеніи, что произносился мягко и постоянно имѣлъ передъ собою мягкій согласный. Вслѣдствіе этого въ церковно-славянскихъ памятникахъ нѣтъ стремленія различать *e* и *je*—*je*, и послѣдняя буква неизвѣстна въ глаголическихъ памятникахъ и мало употребительна въ кирилловскихъ. Изъ послѣднихъ Листки Ундольскаго ея совсѣмъ не знаютъ; въ Саввиномъ Евангеліи она является всего нѣсколько разъ, а въ Хиландарскихъ Листкахъ—два раза (послѣ гласной); но Супрасльская рукопись употребляетъ *je* почти постоянно въ началѣ словъ и въ серединѣ словъ послѣ гласныхъ: *ѡште, коѡму, знаменіе* и т. п., вполне сходно съ Остромировымъ Евангеліемъ и другими древне-русскими памятниками. Старшіе средне-болгарскіе памятники или совсѣмъ не знаютъ *je*, или употребляютъ его рѣдко; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, вмѣсто *je*, въ значеніи *je* пишется особое большее *e* (Болонская Псалтырь, Охридскій Апостолъ), встрѣчающееся также въ древне-русскомъ письмѣ (Реймское Евангеліе, Галицкое Евангеліе 1143 г.).

Супрасльская рукопись показываетъ, что церковно-славянское *e* въ началѣ словъ и въ серединѣ словъ послѣ гласныхъ обыкновенно имѣло передъ собою *j*: *ѡму, коѡго*. Но кажется, было нѣкоторое количество случаевъ отсутствія *j* передъ *e* въ окончанияхъ формъ членныхъ прилагательныхъ, формъ 3-го л. ед. ч. настоящаго врем. и т. п. По крайней мѣрѣ формы въ родѣ *добраго, добръѡмъ*, подобають предполагать существованіе формъ *добраго, добръѡмъ*, подобають, съ *e* безъ *j*. Сверхъ того, нѣсколько словъ въ Супрасльской рукописи, вмѣсто *je*, изрѣдка, безъ послѣдовательности, имѣютъ въ началѣ *e*: *еи, еда, езеро, елико, еша, еште, естъ, еста* (дв. ч.), *ему, еи* (дат. п.) и т. п.

То же въ Остромировомъ Евангеліи и во многихъ другихъ древне-русскихъ памятникахъ: *еи, еда, едѡва, езеро* (О. Е. 89, 99), *естеръ, еше* (при *ѡще*) и друг.; срв. русск. *муромск. эщо* и польск. *областн. eszcze*.

Вѣроятно, въ большей части этихъ случаевъ церковно-славянскій языкъ имѣлъ *e* безъ предшествующаго *j*, т. е. *e* близкое къ современному русскому *э* въ этотъ.

Немногіе находящіяся въ церковно-славянскихъ памятникахъ случаи употребленія *и* вмѣсто *e* и на оборотъ, не смотря на то, что они иногда совпадаютъ съ обычнымъ въ современныхъ болгар-

скихъ говорахъ произношеніемъ не ударяемаго *e* (изъ древняго *e* и изъ *a*) какъ *u*,—должны быть считаемы за ошибки или описки.

Кирилловскія *o*, *ω*, глаголическія *θ*, *Ϟ* означали одинъ звукъ *o*. Это былъ въ большинствѣ случаевъ звукъ открытый, подобный ударяемому *o* въ современномъ русскомъ литературномъ языкѣ, приближавшійся болѣе къ *a*, чѣмъ къ *y*, и казавшійся грекамъ похожимъ на *a*: ζάχανον = законъ, σθαβηνοι = словѣне, Πειραγαστός = Пирогость. Вслѣдствіе этого греческое *a*, нерѣдко произносившееся закрыто, иногда передавалось славянами черезъ *o*: порода = παρίδεισος, полата = παλάτιον, сотона = σατανᾶς, поганъ = παγανός, раганус (сравни у сирійцевъ: kopūnō = ханѡн, isogōgī = εἰσαγωγή и т. п.), а греческое *o*, особенно изъ *ω*, въ тѣхъ случаяхъ, когда оно произносилось также закрыто, близко къ *y*, иногда передавалось славянскимъ *y*: въ притворѣ соломуи Зогр. Ев. 156, румьсками Асс. Ев. 119 = ῥωμαῖος, икуж Син. Пс. 154 = εἰχών, работы фарауша Син. Тр. 9, урарь ῥάριον 70, ипискупъ Супр. р. 38 (сравни у сирійцевъ: kopūnō = ханѡн, hīgūnō = ἡγεμῶν, hedjūtō = ιδιώτης).

Рядомъ съ открытымъ *o* въ церковно-славянскомъ языкѣ эпохи памятниковъ, повидимому, уже существовало *o* закрытое, то, которое слышится въ современныхъ болгарскихъ говорахъ и которое, особенно при отсутствіи ударенія, можетъ звучать близко къ *y*. Церковно-славянскіе памятники не представляютъ данныхъ, которыя бы свидѣтельствовали объ существованіи закрытаго *o*: тькъму Зогр. Ев. 62, быть можетъ,—образование отличное отъ тькъмо; убу=убо, пуучатисл=поучатисл, грубу=гробу Мар. Ев. 228, 294, 308 (какъ и помили = помили, оченикъ, охо) — едва ли не простыя описки. Но одинъ средне-болгарскій памятникъ — Евангеліе Григоровича XII вѣка—имѣетъ рядъ случаевъ употребленія *y* вмѣсто *o*, совершенно согласнаго съ ново-болгарскимъ произношеніемъ: убидѣлъ 21 об., агтелумъ 45 об. (дат. мн.), рутитисл 67. Сверхъ того, въ средне-болгарскомъ Карпинскомъ Ев. XIII в. (Хлудова, № 28) мы читаемъ: възрадуватисл 7.

Буква *ω*, *Ϟ* въ однихъ памятникахъ употребляется рядомъ съ *o*, безразлично и въ греческихъ, и въ славянскихъ словахъ (Листки Ундольскаго); въ другихъ же мы ее видимъ только въ словахъ греческихъ, обыкновенно на мѣстѣ греческаго *ω*: Соломѡнъ, Моиси

Зогр. Ев. 6, 49, Θεοδoρѣ Супр. р. 47, Фараонѣ, Иосифѣ 57, Иаанѣ Остр. Ев. 4 и т. п.

Кирилловскія и, ѡ, ѣ, глаголическія Ѣ, Ѥ, Ѧ произносились одинаково и въ кирилло-меодіевскую эпоху исторіи церковно-славянскаго языка постоянно означали гласный звук *и*. Древне-русскія нотныя книги знаменной системы всегда имѣють надъ буквою *и* нотный знакъ, все равно, соотвѣтствуетъ ли это *и* современному русскому *и*, или современному русскому *ѣ*, *ѡ*; въ нотныхъ книгахъ кондакарной системы мы нерѣдко находимъ повтореніе буквы *и* въ формахъ, напримѣръ, имен. п. ед. ч. муж. р. (твои), что, безъ сомнѣнія указываетъ на гласное произношеніе этой буквы; въ стихотвореніи Константина Болгарскаго *и* всегда составляетъ слогъ.—Въ эпоху дошедшихъ до насъ церковно-славянскихъ памятниковъ буквы *и*, ѡ, ѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, главнымъ образомъ въ концѣ словъ, могли означать уже не гласный звукъ *и*, а согласный *ѣ*, такъ какъ формы, напримѣръ, имен. п. ед. ч. муж. р. (краи, свои) въ эту эпоху произносились—какъ въ современномъ русскомъ языкѣ—съ *ѣ* на концѣ (краѣ, своѣ).

Нѣкоторые церковно-славянскіе памятники употребляютъ буквы *и*, ѡ, ѣ безразлично; таковы Ассеманово Евангеліе и Синайская Псалтырь; въ другихъ памятникахъ *и*, ѡ, ѣ отличаются другъ отъ друга и ставятся каждое въ извѣстныхъ случаяхъ (впрочемъ, безъ строгой послѣдовательности); такъ, въ Зографскомъ Евангеліи *и* обыкновенно ставится послѣ согласныхъ, а ѡ, ѣ въ началѣ словъ и въ серединѣ словъ послѣ гласныхъ; Саввино Евангеліе имѣетъ *и* послѣ согласныхъ и въ началѣ словъ, а ѣ послѣ гласныхъ: фарисеѣ, своимъ, да ѣ сынъ твоѣ и т. п.; въ Супрасльской рукописи обыкновенно употребляется *и*, а ѣ встрѣчается изрѣдка послѣ *и*: третѣѣ, примѣте, и ишедъ и т. п.; Остромирово Евангеліе ставитъ ѣ очень рѣдко, главнымъ образомъ въ концѣ строки, при недостаткѣ мѣста для *и*.

По всей вѣроятности (употребленіе *и*, ѡ, ѣ не позволяетъ дѣлать никакихъ выводовъ), звукъ *и* въ серединѣ словъ послѣ гласныхъ очень часто имѣлъ передъ собою *ѣ* (своимъ = своѣимъ), а болѣе или менѣе часто *ѣ* находился и передъ начальнымъ *и* (имъ, можетъ быть, = ѣимъ).

Кирилловскія оу, ъ, глаголическое ѿ означали звукъ у. Этотъ звукъ, вѣроятно, тождественный съ современнымъ русскимъ и болгарскимъ у, въ церковно-славянскомъ языкѣ не приближался къ в, точно также какъ и в не приближалось къ у. Вслѣдствіе этого на оу въ словѣ *оугодья* и родственныхъ (Син. Треби.: *благооугоднѣ* 110; Супр. р.: *оугодившимъ* 121, *оугодивъ* 206, *оугождани* 123, *оугождати* 206, *оугодникъ* 142. 144, 152 и друг.; Святославовъ Сборн. 1073 г.: *оугодно* 82, *оугодитъ* 85 об., *оугодити* 91 об., *оугожьша* 91; Слова Григ. Богослова XI в.: *оугождж*, *благооугодны*, *оугодно*; Синадальн. Кормчая XII в. № 227; Богословіе Іо. Дамаскина XII в. и др.) и на у въ словѣ *уселеная* и родственныхъ (Син. Псалт. 29, 69, 202, 208, 216; Маріинск. Ев. 196; Святославовъ Сб. 1073 г.: *уселенуж* 9 об., *уселеную* 55 об., *уселенныя* 17, -ѣи 18, *уселяться* 37; Слова Григорія Бог.: *уселеная*, -ѣи, *уселипшися*)—слѣдуетъ смотрѣть какъ на префиксы оу и у.

Мы уже указали, что церковно-славянское у иногда передавало о греческихъ словъ.

Кирилловское ю, глаголическое ѱ изображало собою звукъ у съ предъидущимъ ј (въ началѣ словъ и въ серединѣ словъ послѣ гласныхъ) или мягкимъ согласнымъ (послѣ согласныхъ); такимъ образомъ церковно-славянское *ютро* = *јутро*, *люблж* = *л'ублж* (л'—л мягкое).

Кирилловское ѣ, глаголическое ѿ въ кирилло-меоодіевскую эпоху исторіи церковно-славянскаго языка постоянно означало звукъ. Древне-русскія нотныя книги знаменной системы имѣютъ нотный знакъ надъ каждою буквою ѣ; въ нотныхъ книгахъ кондакарной системы эта буква нерѣдко повторяется, что указываетъ на произношеніе ея наравнѣ съ другими гласными буквами; въ стихотвореніи Константина Болгарскаго каждый ѣ составляетъ слогу. Въ послѣ-кирилло-меоодіевскую эпоху, эпоху дошедшихъ до насъ церковно-славянскихъ памятниковъ, ѣ часто былъ только буквою и не означалъ никакого звука, такъ что во многихъ случаяхъ его роль была одинакова съ ролью ѣ въ современномъ русскомъ письмѣ.

Звукъ, изображавшійся этою буквою, въ кирилло-меоодіевскую эпоху отличался отъ звука о, но былъ до извѣстной степени близокъ къ нему. Вслѣдствіе этого въ слѣдующую эпоху онъ въ из-

вѣстныхъ случаяхъ перешель въ *o*: сонъ (изъ сѣнь), вонъ (изъ вѣнь), со мнош (изъ сѣ —) и т. п. Вѣроятно, зъ былъ глухимъ *o*, часто болѣе короткимъ, чѣмъ *o* и большая часть другихъ гласныхъ звуковъ. Современные болгарскіе говоры нерѣдко имѣютъ на мѣстѣ церк.-слав. зъ глухой звукъ, передаваемый на письмѣ буквами зъ и ж и звучащій въ однихъ изъ нихъ сходно съ нѣмецкимъ *ö* (если это послѣднее произнести гортанно), въ другихъ—какъ глухое или даже чистое *a*.

Кстати должно замѣтить, что писцы церковно-славянскихъ памятниковъ, подобно своимъ древне-русскимъ собратьямъ, имѣли обыкновеніе при переносѣ словъ дополнять строку буквою зъ (или ѣ), ставя ее послѣ согласной: кзвасу Савв. Ев. 46, осъноваль Син. Пс. 226, царькъве Мар. Ев. 37 (зърно Савв. Ев. 50, мърьत्वъ 55, жърьдми 87, оскъврнатса 103). Конечно, въ приведенныхъ написаніяхъ эта буква не имѣла никакого звуковаго значенія.

Кирилловскія ѡ, ѡи (рѣдко; Супр. рук.), ѡ (рѣдко; Супр. рук.), глаголическія ѡѢ, ѡѤ, ѡѢ (рѣдко; Син. Пс.) передавали звукъ если не тождественный съ современнымъ русскимъ и польскимъ *o* (мы не знаемъ качества ѡ, существующаго въ нѣкоторыхъ ново-болгарскихъ говорахъ; Изв. Спб. Слав. Общ. 1888 г. № 9),—то во всякомъ случаѣ близкій къ нему и до извѣстной степени сходный съ *u*. Вслѣдствіе этого послѣ *p* въ церковно-славянскихъ памятникахъ ѡ нѣсколько разъ находимъ *u* на мѣстѣ ѡ: рибѣ Зогр. Ев. 57; рибѣ, рибци Савв. Ев. 20 (при рыбж 21), гризеть 44, отъкрити 131; покриваше Клоц. Сб. 2, покриветь 4, съкрити 24, кривса 24 (при упокрыты Савв. Ев. 78, захарыино Син. Тр. 28, фарысѣи Кл. Сб. 10). Сравни въ Святославовомъ Сборникѣ 1073 года: прикривае 185, рива 251. Нѣсколько случаевъ *u* вмѣсто ѡ и на оборотъ: азици Син. Пс. 191, въ азицѣхъ 212, ликуими Супр. рук. 236 (1 л. мн.), власфѡмѣть Асс. Ев. 49, потрѣбѡтъса Син. Пс. 12, крѡвы 49 (род. п. ед.), иноплеменьныки 96, о несмыслѡни жидовине Клоц. Сб. 1, — не внушаютъ въ себѣ довѣрія и похожи на описки; ѡ въ Магдаляни Остр. Ев. 17 об., цсалтырь и т. п. обязано своимъ происхожденіемъ аналогіи исконныхъ славянскихъ словъ на ѡни и ѡрь (пустыни, пустырь).

• Единичный случай употребленія *oi* вмѣсто ѡ въ Саввиномъ Еван-

гели: мзѡікомъ 138 (сравни въ Святославовомъ Сборникѣ 1073 г.: помоіслѣтся 13),— безъ сомнѣнія, описка.

Тѣ же буквы означали также сочетанія *з* и *и*, вслѣдствіе чего иногда представляется затруднительнымъ рѣшить, какъ въ томъ или другомъ мѣстѣ слѣдуетъ ихъ читать.

Кирилловское *ь*, глаголическое *ѣ* въ кирилло-меоодіевскую эпоху по с т о я н н о означало гласный звукъ: подобно *з*, оно всегда имѣеть надъ собою ноту или повторяется въ древне-русскихъ нотныхъ книгахъ и составляетъ слогъ въ стихотвореніи Константина Болгарскаго; въ эпоху дошедшихъ до насъ церковно-славянскихъ памятниковъ буква *ь* играла ту же роль, что и *з*, т. е. иногда, будучи безъ ударенія, была только буквою. Звукъ, передававшійся *ѣ*-ремъ, первоначально былъ близокъ къ *е*; отсюда нерѣдкій переходъ его въ *е*: день (изъ днь), шедъ (изъ шьдъ), весь (изъ вьсь). Послѣ звукъ *ь* слился съ *з*, т. е. сталъ произноситься какъ глухое *о*: шадъ Савв. Ев. (изъ шьдъ), вслѣдствіе чего въ нѣкоторыхъ церковно-славянскихъ и въ большей части старшихъ средне-болгарскихъ памятниковъ мы встрѣчаемъ безразличное употребленіе буквъ *з* и *ь*, съ преобладаніемъ то той, то другой буквы; Слѣпченскій Апостолъ XII в. имѣеть только *з*. Современные болгарскіе говоры (если не всѣ, то большая часть) не знаютъ особаго звука *ь* и на мѣстѣ церковно-славянскаго *ь* имѣють тотъ же глухой гласный, который въ нихъ слышится на мѣстѣ церковно-славянскаго *з*.

Кирилловское *ѣ*, глаголическое *ѣ* означаетъ въ разныхъ церковно-славянскихъ памятникахъ разные звуки.

Глаголическіе памятники и кирилловскіе Листки Ундольскаго (также нѣсколько старшихъ кирилловскихъ средне-болгарскихъ памятниковъ: Слѣпченскій Апостолъ XII в., Македонскій Апостолъ XIII в., Парижскій Стихирарь XIII в.) не знаютъ *ѣ* и употребляютъ *ѣ* безразлично, на мѣстѣ какъ *ѣ* другихъ славянскихъ языковъ (въ томъ числѣ русскаго), такъ и *ѣ*. Такимъ образомъ мы въ нихъ читаемъ: бръѣтъ, съѣсти и ѣко, свѣѣ, воѣтъ (им. ед. женск. р.). Значеніе здѣсь *ѣ* можетъ быть опредѣлено на основаніи слѣдующихъ данныхъ:

1) Глаголическіе памятники нерѣдко имѣють рядомъ съѣѣти и съѣѣти, добралъ (им. мн. ср. р.) и добраѣѣ, чьѣѣ и чѣѣѣ и т. п., такъ что

въ нихъ *ъ* чередуется съ *а* и находится къ *а* въ томъ самомъ отношеніи, въ какомъ въ Саввиномъ и Остромировомъ Евангеліяхъ находится *ѡ* къ *а*: сѣѡти и сѣати, добраѡ и добраа. Изъ этого видно, что глаголическое *ъ* отличается отъ *а* только отсутствіемъ *ј* или мягкости въ предъидущемъ согласномъ.

2) Тѣ же памятники и Листики Ундольскаго нерѣдко имѣютъ въ греческихъ словахъ *ъ* на мѣстѣ *а*: дьѡвольтъ, Иротьѡда, Капѡфа, Иьковъ. Сравненіе этихъ написаній съ написаніями въ родѣ Іюда показываетъ, что въ нихъ *ъ* вполне соотвѣтствуетъ *ю* и отличается отъ *а* греческихъ написаній только нахожденіемъ передъ нимъ *ј*.

3) Въ нѣкоторыхъ глаголическихъ памятникахъ *е* при ассимиляціи съ *ъ* переходитъ въ *а*. Такъ, въ Ассемановомъ Евангеліи мы находимъ формы мѣстнаго пад. ед ч. прилагательныхъ членныхъ: вѣчнѡамъ 14, 16, 33, друзѡамъ 45, небеснѡамъ 47, грѣшнѡамъ 92, въ Маріинскомъ Евангеліи мы встрѣчаемъ не разъ формы 3-го лица ед. числа настоящаго времени: авлѡтъ, оставлѡтъ, кланѡтъ и т. п. и форму сравнительной степени добраа (=добре). Здѣсь *а*, несомнѣнно, образовалось изъ *е* вслѣдствіе ассимиляціи *е* съ предшествующимъ *ъ*. Этотъ послѣдній, ассимилируя съ собою *е*, могъ превратить его въ *а* только въ томъ случаѣ, если самъ звучалъ какъ *а*, т. е. означалъ *ѡ*.

4) Глаголическая Синайская Псалтырь и нѣкоторые средне-болгарскіе памятники изрѣдка имѣютъ *а* вмѣсто *ъ* послѣ согласныхъ: Синайская Псалтырь: наслаждствѡущіи 5 =наслѣд—, насладиши 184, праврати 172, правратишасѡ 174, пограбаѡи 176, врама 183; кирилловскій средне-болгарскій Слѣпченскій Апостоль XII в., совсѣмъ не знающій *ѡ*: само 5 =съмо; кирилловскій средне-болгарскій Македонскій Апостоль XIII вѣка, почти не знающій *ѡ* и употребляющій вмѣсто него *ъ*: вароваѡа = вър—, залѡ = зѡло, нѡза (дат. ед.), чравѡ, ѡцастити, рѡца (дат. ед.), рѡцате (2 л. мн.), чравѡ и т. п. (еще: прѡждро, о Христѡ).

5) Кирилловскій средне-болгарскій Паремейникъ Григоровича XII—XIII в., найденный въ Македоніи, употребляетъ *ъ* и *ѡ* безразлично, ставя одну букву вмѣсто другой безъ всякой послѣдовательности и, очевидно, въ одномъ и томъ же значеніи: ржкѡтворенаѡ (им.-вин. множ. ср. р.), распаденѡтъ, бытиѡ и дялати = дѡлати, вѡси = въси, вянецѡтъ, главаѡ (дат. ед.), себѡ (дат. ед.), посрѡдѡтъ, врама и т. п.

Сходное употребленіе *н* встрѣчается также въ сербскихъ рукописяхъ, списанныхъ съ средне-болгарскихъ оригиналовъ: въ Мирославовомъ Ев. конца XII в.: о свѣтъя = о свѣтъ, в міръ бя (рядомъ: ѣко, испльнениъ, вьсиль, и т. п.); въ Синаксарѣ 1330 г.: млякомь, разгнявавъ се, съвляче, повеля (аор.), повеляніе, оделяеть (= одо-лѣеть), руца (дв.), крѣща (Ламанскій, О славянскихъ рукописяхъ... въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ, 20—21).

Эти данныя показываютъ, что *н* глаголическихъ церковно-славянскихъ памятниковъ и Листковъ Ундольскаго произошло одинаково съ *и*, а и означало *а* съ предъидущимъ *ј*: ѣко, или съ мягкимъ согласнымъ. Нѣкоторые изъ южныхъ говоровъ современнаго болгарскаго языка, употребляемые въ мѣстахъ недалекихъ отъ Солуны (напримѣръ, говоръ рупаланъ), на мѣстѣ глаголическаго *н* постоянно имѣютъ *я*: гръшенъ = грѣшьнъ, дѣва = дѣва, дѣте = дѣта, рѣка = рѣка. Очевидно, эти говоры сохранили въ себѣ одну изъ особенностей кирилло-меѳодіевскаго языка.

Можетъ показаться, что противъ признанія *н* глаголическихъ памятниковъ равнымъ *я* говорить употребленіе *н* на мѣстѣ греческихъ *α* и *ε* (особенно *α*), распространенное въ нѣкоторыхъ изъ этихъ памятниковъ (особенно въ Зографскомъ Евангеліи): Галилея Γαλιλαία, фарисеи φαρισαῖος, Тадыи Θαδδαῖος, Вельзѣволъ Βελζεβούλ, иерѣи ἱερεῖς, Назарѣтъ Ναζαρέτ Зогр. Ев., трапиза Κλ. Сб., ефимѣриѣ ἐφημερία Мар. Ев., рядомъ съ которымъ мы находимъ въ тѣхъ же памятникахъ (и особенно въ Ассемановомъ Евангеліи) *ε*: Галилея, фарисеи, иереи и т. д. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ славянскою передачею греческаго *ε*, которое въ IX—X вѣкахъ иногда произносилось открыто, до нѣкоторой степени приближаясь къ церковно-славянскому *а* (на это указываетъ, между прочимъ, постоянная замѣна древне-греческаго *ε* въ началѣ словъ новогреческимъ *α*: др.-греч. ἐράτης—нов.-греч. ἀράτης); это греческое *ε*, не имѣя себѣ соотвѣтствующаго звука у славянъ, произносившихъ *н* какъ *я*, передавалось ими приблизительно, сходными звуками, — то *ε*, то *н* = *я* (сравн. современную нашу передачу англійскаго *th* приблизительно — то черезъ *т*, то черезъ *с*: Smith = Смитъ = Смишь).

Равнымъ образомъ можетъ показаться, что противъ признанія глаголическаго *н* = *я* говорить встрѣчающееся въ глаголическихъ памятникахъ употребленіе *н* вмѣсто *и* и на оборотъ. Но число слу-

чаевъ постановки ъ вмѣсто и и на оборотъ совсѣмъ незначительно: облацѣ Син. Пс. 29, вразѣ 201 (им. мн.), въ олѣѣ 207, моленѣѣ 257, въ крови своемъ 51, носі 151 (дв. ч.), кѣди есть богъ ихъ 117 (= кѣдѣ?), въ снѣѣ сватѣѣ 137, сотѣримъ Син. Тр. 180, и между ними одни — ошибки или описки, другіе, быть можетъ, — особыя формальныя образованія. Какъ бы то ни было, они не позволяютъ намъ дѣлать никакихъ заключеній объ качествѣ глаголическаго ъ.

Изъ числа кирилловскихъ памятниковъ Саввинѣ Евангеліе довольно рѣзко отличаетъ ъ отъ ѡ. Буква ѡ стоитъ въ немъ въ началѣ словъ и послѣ гласныхъ: ѡко, ѡсть, достоѡше, напѡметъ и т. п.; сверхъ того, мы видимъ эту букву послѣ м: нынѡ 2, ближнѡго 9, кланѡшеса 24, вышнѡго 38 и др. (рѣдко ѡ: испльнѡмса 140). Иногда ѡ стоитъ въ началѣ словъ и послѣ гласныхъ рядомъ съ ѡ, напр. въ глаголѣ ѡсти и производныхъ, такъ что мы имѣемъ и ѡсти. и ѡсти. — Буква ѡ постоянно употреблена послѣ согласныхъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она употребляется въ современномъ русскомъ языкѣ, и кромѣ того, тамъ, гдѣ въ русскомъ языкѣ слышится я, именно послѣ л и р: волю 8, 59, землю 30, тѣлю 44 (имен. ед.), кораблю 21, учителю 37 (род. ед.), дѣлю 74 = дѣля, помышляти 31 и др.; морю 21, чрѣва матерю 24 (род. ед.), смѣрѣмиса 52 и др.

Писецъ Супрасльской рукописи также рѣзко различалъ ѡ и ѡ, но онъ, повидимому, списывалъ съ оригинала, имѣвшаго правописание Листковъ Ундольскаго. Отсюда у него отсутствіе строгой послѣдовательности — съ одной стороны частое употребленіе ѡ въ началѣ словъ и послѣ гласныхъ и нерѣдкая постановка ѡ послѣ м, л: вышнѡго, поклонѡхжса, измѣнѡмса, нынѡ; мѡчителю 4, промышляю 9, моѡше 12, казателю 37; съ другой — ѡ тамъ, гдѣ мы ожидали бы ѡ: бѣѡше, видѣѡхѡ, огню 4, 5 (род. ед.), измѣнѡше 9, поклонѡмѣѡсѡ 9, поставѡм 36, капѡми 37, звѣрѡ 32, 36, прѣтварѡшеса и т. п. (цасарю 142 и бесѡдамъ 268, — вѣроятно. описки).

Въ Хиландарскихъ Листкахъ употребленіе ѡ и ѡ не сходно съ употребленіемъ ихъ ни въ Саввинѣ Евангеліи, ни въ Супрасльской рукописи; мы читаемъ въ нихъ съ одной стороны: ѡко, крѣщенѡ, дѡволѡ, съ другой: — уподобѡмса, нынѣпльнѡ (множ. ср. р.), полѡѡ (имен. ед.), т. е. находимъ ѡ постоянно въ началѣ словъ и послѣ гласныхъ, а ѡ также постоянно послѣ всѣхъ согласныхъ.

Остромирово Евангеліе обыкновенно употребляет *и* (съ его замѣною *а*) и *ъ* согласно съ русскимъ употребленіемъ звуковъ *я* и *ь*, но въ немъ сохранены нѣкоторыя черты его церковно-славянскаго оригинала, бывшаго по правописанію похожимъ на Саввино Евангеліе: *молѣахъ* 86, 95, *помышлѣете* 130, *творѣаше* 287, *ближнѣаго* 77, *вышнѣаго* 88 и др.

Изъ этого обзора употребленія *и* и *ъ* въ кирилловскихъ памятникахъ можно вывести только то заключеніе, что писцы этихъ памятниковъ различали по значенію *и* и *ъ*, т. е. что звуки, изображавшіеся этими буквами, не казались имъ тождественными, хотя не казались и рѣзко отличавшимися другъ отъ друга. По всей вѣроятности, звукъ *ъ* былъ для нихъ открытое мягкое *е*, въ значительной степени приближавшееся къ *а* и рѣзко отличавшееся отъ *е*, то *е*, которое во многихъ говорахъ современнаго болгарскаго языка (особенно въ восточныхъ) въ однихъ случаяхъ, подъ удареніемъ и передъ твердыми согласными, перешло въ *я*: *вѣра* = *вѣра*, въ другихъ превратилось въ обыкновенное *е*: *веришъ* = *вѣришъ*.

Во всякомъ случаѣ *ъ* въ кирилловскихъ памятникахъ не могъ смѣшиваться съ *е*, почему въ нихъ (кромя прѣждѣ Савв. Ев. 89, *сѣдникъ* Супр. р. 414 и одного примѣра въ Остромировомъ Евангеліи: *нести* 26, который, безъ сомнѣнія — руссизмъ) мы не находимъ замѣны *ъ* черезъ *е* или на оборотъ. Эта замѣна — большая рѣдкость даже въ старшихъ средне-болгарскихъ памятникахъ, и изъ нихъ мы можемъ указать ее только въ Охридскомъ Апостолѣ XII вѣка: *бе* 6 об., въ . . . *июденстѣи* 7.

Само собою разумѣется, *е* вмѣсто *ъ* и *ъ* вмѣсто *е* въ глаголическихъ памятникахъ: *темь* Асс. Ев. 67, *северь* Син. Пс. 197, *сѣвѣдѣтельствуетъ* Кл. Сб., *благовещнаго*, *слово твоѣ* Син. Тр. 14, 66, *агарѣнъ* Син. Пс. 185, — простыя описки, большая часть которыхъ произошла отъ употребленія писцомъ вмѣсто одной буквы — другой, съ нею сосѣдней; *всѣлѣеть* Син. Тр. 84, 89 — глагольная форма отличная отъ формы *вѣселяеть* (сравни чешск. *přesídliti*); *окамѣнилъ* Зогр. Ев. 161, Асс. 34, Мар. 369 — глагольная форма отъ прилагательнаго *камѣнь*, отличная отъ глагольной формы отъ существительнаго *камы*, *камень*; сравни въ средне-болгарскомъ Евангеліи Григоровича XII в.: *окамѣни* 29, и въ средне-болгарскомъ Паремейникѣ Григоровича XII—XIII вв.: *камѣнниа* (Срезневскій, Пам. 261).

Какъ бы ни произносился ѣ, во всякомъ случаѣ этотъ гласный, находясь въ началѣ словъ и въ срединѣ словъ послѣ гласныхъ, повидимому, постоянно имѣлъ передъ собою j. Единственный памятникъ, имѣющій іотированный ѣ, — древне-русскій Святославовъ Сборникъ 1073 года, ставитъ эту букву, безъ особой послѣдовательности, именно тамъ, гдѣ на нашъ взглядъ необходимо присутствіе j: псти 52, 160 об. и др., вседѣство 61, о свoitьѣѣмъ 231 об., о творитьѣѣмъ 232 и т. п.

Кирилловское ж, глаголическое ѣс означало гласный носовой звукъ. На это указываютъ какъ написанія церковно-славянскихъ памятниковъ въ родѣ сждарь = *σουδαρίον*, птьскъ = *πάντιος* Син. Тр. 90, Лжгинъ = *Λογγίνος* Остр. Ев., гдѣ черезъ ж передаются греческія *ουv, οv*, такъ и существованіе во многихъ (преимущественно южныхъ и юго-западныхъ) болгарскихъ говорахъ на мѣстѣ церковно-славянскаго ж небольшого количества носовыхъ гласныхъ: бзмдешъ = бждеши, гѣмба = гѣба, дѣмбъ = дѣбъ, сѣмбота = сѣбота. Сравни также сжндѣльникъ, въ сжндѣльныхъ сѣсждѣхъ, сжмделъни въ средне-болгарскомъ Слѣпченскомъ Апостолѣ XII в. и церк.-слав. сждѣль.

Повидимому, ж церковно-славянскихъ глаголическихъ памятниковъ былъ носовымъ о, какъ можно догадываться 1) на основаніи состава глаголической буквы ѣс, представляющей соединеніе глаголическаго ѣ = о съ глаголическимъ е, которое въ Синайской Псалтыри нѣсколько разъ употреблено вмѣсто и въ словѣ ангель, и 2) на основаніи употребленія изрѣдка о вмѣсто ж и на оборотъ: іно Зогр. Ев. 74 (вин. ед. женск.; также: приѣшла 54); бѣахо Асс. Ев. 4, градощааго 16; можемъ Син. Пс. 30, порогашася 40, ископтеимъ 45, оскодѣ 58, оскодѣша 203, въ гослехъ 63, одеснож 97, зѣлобо 110 (вин. п.), глумѣхоса 139, въ добровѣ 156, локъ 161, 174, помѣноша 171, потъ 179, поті 181, сѣтожажштла 182, 235, омотіхъ 195, роками 216, законпрѣстоппеніе 219, молитво 221, 239, 246, умодрѣтъ 231, прози 232, 248, помѣно 239, заблодіша 238 (также: жржѣѣ Син. Пс. 26, жржѣтемъ 96, подж множ 32, жтржба 58, възѣжтъ 182, сѣбож 192); озож Син. Тр. 19, отробж 152 (также: жржѣѣ 53, нѣжа = ножа 177); новож пѣснь Клоц. Сб. 1, могоште 2, всѣко правѣдъ, духовнож (вин. ед.) М. 10; бодеть Мар Ев. 15, 387, сѣбодетгса 45, боджтъ 69, рѣгахоса 27, прикосноса 133, радоваахоса

260, съмѣахо 291, содить 323, глаголаахо 345. Впрочемъ, изъ приведенныхъ случаевъ употребленія *о* вмѣсто *ж* многіе очень похожи на описки, а изъ случаевъ употребленія *ж* вмѣсто *о* едва ли даже одинъ заслуживаетъ полнаго довѣрія. Это *о* вмѣсто *ж*, указывающее, вѣроятно, на спорадическое ослабленіе носоваго элемента въ *ж*, имѣеть себѣ полное соотвѣтствіе въ томъ *о*, которое мы находимъ въ южныхъ и западныхъ ново-болгарскихъ говорахъ на мѣстѣ церковно-славянскаго *ж*: добъ = дѣбъ, потъ = пѣтъ, рока = рѣка, мошко дете = мѣжско дѣта.

Что до *ж* церковно-славянскихъ кирилловскихъ памятниковъ, то трудно сказать, какъ произносили этотъ звукъ ихъ писцы: *о* вмѣсто *ж* и на оборотъ въ нихъ почти не встрѣчается: сжпрогъ Савв. Ев. 47, владыко Супр. рук. 388, 392 (дважды, вин. ед.), режжжж 142, пржтивж 333, — вѣроятно, описки. Позволительно догадываться, что въ нихъ *ж* могъ звучать какъ носовой *з*; по крайней мѣрѣ, въ средне-болгарскихъ памятникахъ *ж* сравнительно нерѣдко стоитъ на мѣстѣ *з* и сливаясь съ нимъ *ъ* или замѣняется *з*-ромъ и *ъ*-ремъ: мѣзда Ев. Григоровича XII вѣка, 4 = ц.-сл. мѣзда, въ стѣгнахъ 28, бѣдите 43 об. = бѣдите, лѣжесвѣдѣтеле 66, тѣжницѣ 107 об. и друг.; възжпиль Охридскій Апостоль 6 = възпиль.

Тѣ ново-болгарскіе говоры, въ которыхъ еще слышатся носовые гласные, имѣютъ на мѣстѣ церковно-славянскаго *ж* носовой *з*: гѣмба = гѣба, дѣмбъ = дѣбъ и т. п., а изъ другихъ говоровъ, утратившихъ ринезмъ въ гласныхъ безъ остатка, въ большей части церковно-славянскій *ж* замѣненъ или простымъ *з* (последній передается иногда буквою *ж*), или замѣною *з*-ра — *а*: гѣба, дѣбъ, или габа, дабъ.

Большая часть церковно-славянскихъ памятниковъ имѣеть въ томъ или другомъ количествѣ *у* (*ю*) на мѣстѣ *ж* (*ж*) и на оборотъ. Но это обстоятельство лишено всякаго значенія. Пять случаевъ въ Зографскомъ Евангелии: отънуду 17, отътуду 59, иуду 155 = отънѣду и т. д., градушту 101, — на нашъ взглядъ, несомнѣнные описки, происшедшія отъ повторенія писцомъ сосѣдней буквы. Малочисленные случаи въ Ассемановомъ Евангелии: ржжж твою 48, заповѣдаю 141; въ Синайской Псалтыри: пишю 131 (вин. ед.), паучина 203, искръжжму 70, ржжж своею 175 (дв. ч.), ржжж твоеж 206 (дв. ч.); въ Синайскомъ Требникѣ: трѣвж сѣжжцю сѣма 22, кыпашцю водж 39, въ людѣ 99, силою 169; въ Клоцовомъ Сборникѣ: богонаученуѣ 1

жтробу 19 (вин. ед.), мѣдѣ 19, другужь М. 18, приду М. 22 (вор. 3 л. мн.); въ Супрасльской рукописи: имуштууму 279, говезапути 331, дръзнувъ 342, минувъшу 442, кажушту 448, джшу — душа, — также внушаютъ къ себѣ мало довѣрія и весьма похожи на ошибки или опески.

Церковно-славянскій ж, будучи носовымъ гласнымъ, не вполне соответствовалъ греческимъ ουυ, ου — сочетаніямъ чистыхъ гласныхъ еъ носовыми согласными, и потому въ немногихъ случаяхъ, въ родѣ пѣтьскѣ, Лжгнѣ, мы изрѣдка находимъ прибавленіе къ ж согласнаго и, несомнѣнно въ цѣляхъ болѣе точной передачи греческаго произношенія. Такъ, въ Зографскомъ Евангеліи мы читаемъ: пжм'тскому 42, 86; въ Супрасльской рукописи: при пжм'тствѣмъ 131.

Кирилловское ж, глаголическое ѿ означало ж съ предъидущимъ і или мягкимъ согласнымъ. Кое-гдѣ въ церковно-славянскихъ памятникахъ вмѣсто ж мы находимъ простой ж (между прочимъ, постоянно въ Листкахъ Ундольскаго).

Кирилловское л (а), глаголическое ѿ (ѿе) означало также носовой гласный звукъ, какъ показываетъ 1) передача черезъ л въ церковно-славянскихъ памятникахъ греческихъ ει, ευ: сентябрь = σεπτέμβριος, декабрь = δεκέμβριος, патикости (Остр. Ев. 54, Син. Тр. 114, 118) = πεντήκοστή и т. п., и 2) существованіе въ нѣкоторыхъ (южныхъ и юго-западныхъ) ново-болгарскихъ говорахъ, на мѣстѣ церк.-слав. л, носоваго е: чендо = чадѣ, гренде = граде(ть), ензыкъ = языкъ и т. п.

Это былъ звукъ двойкаго качества, или, точнѣе, это было два разныхъ звука.

Въ однихъ случаяхъ онъ звучалъ какъ е, вслѣдствіе чего въ церковно-славянскихъ глаголическихъ памятникахъ изрѣдка встрѣчается съ одной стороны употребленіе, вмѣсто л, простаго е: ужасише Зогр. Ев. 135, не етъ 151 = мѣтъ; езыці Син. Пс. 2 = языкци, на те 46, создашесѣ 64, отеготѣша 80, възложить 109, наслѣдегъ 143 (3-е л. мн. ч.), единого те 147, поштедѣтъ 150, съспешті 194, одръжаше 195; начельниче Син. Тр. 95; — съ другой стороны постановка, вмѣсто е, носоваго л: крѣсташа ѿ Зогр. Ев. 46 (имен. мн. муж. р.), врѣма своѣа 81, отамлжнштааго 92 = отем-, баштьдѣнь 125 = бештад-, довьлатъ 145 (3 л. ед.), не разумѣша что бѣаша

ѣже глаголаша имъ 155 = бѣаше, глаголаше; Ефремові Сян. Пс. 167 (при Ефремъ 175), аа = са 301; свое милосръдїи Сян. Тр. 114. Само собою разумѣется, большая часть приведенныхъ примѣровъ (между прочимъ тѣ, гдѣ, какъ въ Синайской Псалтыри, е поставлено вмѣсто эе, такъ какъ послѣдняя буква есть не что иное, какъ э = е + ѣ = а) могутъ быть простыми описками. — То же употребленіе, вмѣсто а, простаго е, указывающее на ослабленіе или исчезновеніе въ а носоваго элемента, встрѣчается въ средне-болгарскихъ памятникахъ: Охридскій Апостолъ XII в.: творе 4, 15, прѣходе 14 об. (прич. наст.). Въ ново-болгарскихъ говорахъ мѣсто церковно-славянскаго а обыкновенно занято чистымъ е: чедо, езикъ и др.

Въ другихъ случаяхъ церк. слав. а звучалъ какъ ѣ, т. е. или какъ а съ предыдущимъ *j* или мягкимъ согласнымъ, или какъ звукъ близкій къ а. Это видно изъ изрѣдка встрѣчающейся замѣны его въ нѣкоторыхъ церковно-славянскихъ памятникахъ черезъ ѣ: съвѣзавъше Мар. Ев. 105 = съвѣз—, грѣди 121 = гради (сѣдѣштемъ Мар. Ев. 35, вѣроятно, описка; на оборотъ: о глагола Асс. Ев. 149, на масть Сян. Тр. 120 = ма—), которую мы находимъ также въ средне-болгарскихъ памятникахъ: славль въ Болонской Пс. XII — XIII в.; висльи въ Македонскомъ Ап. XIII в.; грѣди, -ѣте, —ы въ Карпинскомъ Ев. XIII в.; славль, авь = ср.-болг. славла, ава = ц.-сл. славльк, авьк (1 л. ед. ч.) въ Октоихѣ XIII в. Южнослав. Акад., и которая также не чужда современнымъ болгарскимъ говорамъ: впрягамъ = въпрагаамъ, девять = девѣть, жатва = жѣтва, чѣдо = чѣдо и др. Сравни а на мѣстѣ греческаго αν: александровъ Мар. Ев. 181 = Αλέξανδρος, Костатиня града Остр. Ев. 270 об., Костятинъ др.-русск. Богословіе Іо. Дамаскина XII в. з = церк.-слав. *Костатинъ = Κωνσταντίνος. Сравни также двойкою замѣну древняго а въ западныхъ сербскихъ (чакавскихъ) говорахъ — обычную черезъ е и рѣдкую черезъ а јаѣстик (= ц.-слав. мячмы; Arch. für sl. Phil., V, 183).

Всѣ случаи замѣны а-са черезъ и, въ родѣ приджтъ = прѣд- Зогр. Ев. 6, трисавице С. Тр. 91, — принадлежать къ числу описокъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что подобно тому какъ ѣ не вполне соотвѣтствовалъ греческимъ ομ, ον, такъ и а не былъ тождественъ съ греческими εμ, εν. Отсюда написанія: Супрасльская рукопись: декамбра 216; Святославовъ Сборникъ 1073 г.: пянткостикъ 147 = πεντηκοστή, Костянтинъ 266; Реймское Евангеліе XI вѣка: ноямбрия 1 и т. п.

Кирилловское *м* (α, α), глаголическое (въ нѣкоторыхъ глаголическихъ памятникахъ) *ѣ* означало *α* съ предыдущимъ *ι* или, рѣже, съ предыдущимъ мягкимъ согласнымъ. Въ послѣднемъ случаѣ ютація *α* означала особенно сильную мягкость согласнаго. Она отмѣчена только въ Зографскомъ Евангеліи: десѣте 65, 100, сѣдѣште 129 (очень рѣдко), въ Синайскомъ Требникѣ: *мм* 52, *см* 53 (очень рѣдко) и въ Ассемановомъ Евангеліи: *лмж* 77, 80, проклѣтъ 87, *грмж* 8, 13, 25, 37, 72 и др., *обриштете* 59, *сѣтрмсе* 72, *зѣри* 73, *твормать* 87, *имм* 35, *ммсопустъ* 84, 85 и др., *кѣмзѣ* 119, *паммтъ* 89, *пмтъ* 18, 25, 28, 51, 68, 76 и др., *распмтъ* 15, *вѣспмтъ* 20, 73, *см* 42, 85, 86, 88, *смдж* 78, 86, 94, *десмтъ* 77, 82, 83, *тмготьнѣ* 105 и т. п.

Кирилловское *ѷ*, глаголическое *Ѹ* означало тѣ звуки, которые греки передавали черезъ *υ*. Буква *υ* у грековъ произносилась въ однихъ случаяхъ, между гласными, какъ *υ*, въ другихъ—какъ нѣмецкое *ü*, наши *и* и *у*. Отсюда разнообразіе значеній *υ* въ церковно-славянскихъ памятникахъ: оно то употребляется рядомъ съ *υ*: *ε*вангеліе и *ε*вангеліе, *Павъ* и *Павъль* Супр. р., и, слѣдовательно, означаетъ *υ*; то чередуется, даже въ однихъ и тѣхъ же словахъ, съ *и*, *у*: *миро* Зогр. Ев. 39, *турьскж* 22, *газофилакѣови*, *газофуликѣж* 70; *порфирж* Асс. Ев. 68, *сукомарѣж* 81, *газофилакѣж* 82, *упокрити* 88; *скумень* Син. Пс. 26, 118, *Суриж* 123, *тумпанъ* 181, въ *Еѷуптѣ* 172; *газофилакѣж* Остр. Ев. 115 об., *хламидж* 187, *Порфира* 240, *Тур'са* 244 об. = *Θύρσος*, *Поликар'пу* 281 об., и т. п. Но особенно часта въ нихъ замѣна *υ* черезъ *ю*, въ случаяхъ въ родѣ *кюринѣнинъ*, вслѣдствіе чего *υ* иногда стоитъ вмѣсто *ю* въ славянскихъ словахъ и окончаніяхъ: *Иулиани* Супр. р. 4 (при *Иулиани* 2, какъ *Июда* при *Иуда*), *Агриколаѷ* 54 (зват. п. отъ *Агриколаѷ*), *Пионѷ* 100, 106 (дат. п. отъ *Пионѷ*), по *цѣсарѷ* повелѣнію 100, *плюска* 168 (род. ед. отъ *плюскѣ*) и др. Употребленіе *υ* вмѣсто *ю*—явленіе весьма нерѣдкое въ древне-русскихъ спискахъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, XI—XII вв.: *ѷтъ* Свят. Сб. 1073 г. 138 об. = *югъ*, *Тимоѷев* 199 (дат. п.).

Надо замѣтить, что въ нѣкоторыхъ греческихъ говорахъ IX и начала X вѣка *υ* и древній дифтонгъ *οι* произносились тожественно, какъ *ü*, такъ что есть рукописи, гдѣ *υ* и *οι* смѣшиваются между

собою въ употребленіи, но постоянно отличаются отъ ι, η, ει (Foy въ *Bezenbergers Beiträge zur Kunde d. indogerm. Spr.* XII, 57; *Krumbacher, Sitzungsberichte* Мюнхенской Акад. 1886 г. III, 368), и что въ современномъ греческомъ языкѣ кое-гдѣ древнее υ звучитъ какъ наше ю: *λιούχο* = *λύχος*, *χιουρέ* = *τυρός* (Blass, *Ueber die Aussprache d. Griechischen*³, 44). Сравни передачу слав. ю черезъ υ у Константина Багрянороднаго: *τὰ πολύδια* = полюдиѣ. Отсюда въ текстахъ церк.-славянскихъ и въ древне-русскихъ, списанныхъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, мы иногда видимъ *ν* и *υ* на мѣстѣ греческаго οι: *сυροφνικисса* Зогр. Ев. 59; *φνникъ* Остром. Ев. 142; *фуникъ* др.-р. Минея 1097 г. (Ягичъ, 349) = *φοῖνιξ*; *стухии* Сян. Тр. 6 (род. мн.) = *στοιχεῖον*; *уфія* Опис. р. Синод. Б. I, 29 = *οἴφι*; *асурив*, *лудв*, *мадианв*, *парев*, *фнникес* и др., *инду*, *вактириану*, *скоту*, *спану* и др. Свят. Сборн. 1073 г. 138, 139 (имен. мн.) = *ἀσούριοι*, *λυδοί*, *σκότοι*, *σπάνοι*. Отсюда также и употребленіе *οи* на мѣстѣ греческаго υ: *перьсомъ* и *оир'ка* номъ, епископъ *Оирканиа* Свят. Сборн. 1073 г. 261 об., 263 = *ύρχ*.

Мы не указали изъ числа гласныхъ звуковъ церковно-славянскаго языка ни одного долгаго. Повидимому, церковно-славянскій языкъ въ эпоху своего историческаго существованія уже не имѣлъ долгихъ гласныхъ. По крайней мѣрѣ ни обѣ азбуки, стремившіяся къ возможно точной передачѣ звуковъ и имѣвшія всѣ нужныя для нея средства, ни древне-русскія нотныя книги, ни—что особенно важно—стихотвореніе Константина Болгарскаго не дѣлаютъ ни малѣйшаго различія между гласными по отношенію къ количеству. Константинъ Болгарскій навѣрное зналъ византійскую теорію о долготѣ однихъ гласныхъ буквъ въ ямбическомъ стихѣ и о краткости другихъ, и могъ бы ею вполне воспользоваться, если бы его языкъ представлялъ два ряда гласныхъ, ясно различавшихся по количеству. Только относительно звуковъ *з*, *ь* и *и* можно съ достовѣрностью сказать, что въ кирилло-меодіевскую эпоху они въ извѣстныхъ случаяхъ, при отсутствіи ударенія, произносились короче, чѣмъ другіе гласные: въ слѣдующую эпоху—эпоху памятниковъ—они въ этихъ случаяхъ уже исчезли изъ произношенія.

Немногіе, спорадическіе случаи употребленія двойныхъ гласныхъ, находимые нами въ церковно-славянскихъ и древнѣйшихъ русскихъ

памятникахъ: прѣданіе Зогр. Ев. 21; въ срѣдцѣихъ Асс. Ев. 49, 64, 168, гноіиъ 68; законопрѣстѣпнѣици Син. Пс. 6, раздѣлша 41, лѣстивъ 116, похотѣимъ Клоц. Сб. 4, прѣдааетъ 7; глаголааш Остр. Ев. 55, глаголаати 171 об., параклѣити 167; ваамъ Святосл. Сб. 1073 г. 190, въ мрътвѣцѣихъ 192, мѣногаамъ 209, талаантъ 211, о дѣскаихъ 237 об., ваамыкъ 258, сочиивѣмъ 260 и т. п.,— лишены всякой послѣдовательности и кажутся намъ дѣломъ случайной прихоти писцовъ или ошибками и описками.

Согласные. Кирилловскія ж, ы, ш, глаголическія љ, џ, ш, а также сочетаніе жд въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно образовалось путемъ смягченія изъ д или изъ з, зд, въ эпоху дошедшихъ до насъ памятниковъ произносились иногда твердо, иногда мягко. Твердое произношеніе всего чаще мы наблюдаемъ передъ а: ужасъ, часть, чаша, жажда (хотя изрѣдка встрѣчаются написанія, указывающія на мягкое произношеніе, въ родѣ сконъчънье Л. Унд.; жъбы Син. Пс. 172, чъша 44, 160, грѣшьнѣчъ 245; множъишиѣ Син. Тр. 13, чъша 8, надеждъ 145, им. ед.). Затѣмъ, твердое произношеніе вполнѣ обычно передъ ж: лъжж, мжж, чашж, жаждж (хотя сравнительно нерѣдки остатки мягкаго произношенія, въ родѣ въложж Асс. Ев. 9, прѣтажж 82, чловѣчж 34, пророчж 49; сълъжжѣтъ Син. Пс. 132, умочж 8, душж 84, хожж 91; кожж Син. Тр. 7, чашж 85, отъчж 152, рождъшжжж 158, жажджщамъ 9, стражджщѣимъ 46, жажджж 55). Далѣе, твердое произношеніе сравнительно рѣдко передъ у, и написанія шпящихъ и жд съ ю въ большей части памятниковъ (кромѣ Супрасльской рукописи) явленіе обычное: чюеть Зогр. Ев. 5, чюешѣ 7, шюща 5, съшедъшю 8, между 59; мжю Асс. Ев. 44, чюдѣтеса 11, чюешѣ 43, между 17, 25, 41; чюдеса Син. Пс. 12, чюхъ 71, шюмъ 13, 90, мюжду 137 и т. п.

По всей вѣроятности, шпящіе и жд передъ е, и, ѳ, а произносились постоянно мягко. Впрочемъ, церковно-славянскіе памятники представляютъ нѣсколько случаевъ употребленія ѣ послѣ ж и др., вмѣсто а, указывающаго, быть можетъ, на особенно мягкое (сравнительно съ другими согласными) произношеніе этихъ звуковъ: лешшпті Асс. Ев. 74, жшждж 24, -ща 87, чшсть 84, видѣшш 15, събтрашш 59, въжшдшждѣтеса 24, -дахшд 87; іскашш, заклѣнашш, заплѣвашш Син. Тр. 88.

Кирилловскія *ѣ, љ, з = з* (зѣло), глаголическое *ѣ* находятся не во всѣхъ црк.-слав. памятникахъ. Изъ нихъ одни: Ассеманово Евангеліе, Синайская Псалтирь, Листки Ундольскаго и Хиландарскіе, довольно строго отличаютъ *з* отъ *з*, и *з* является въ нихъ только въ извѣстныхъ, сравнительно немногихъ словахъ и формахъ, тамъ гдѣ оно образовалось на славянской почвѣ изъ *ѣ*, именно: въ словахъ въ родѣ *зѣло, стьса, раждизати, съгасатиса*, въ формахъ имен. п. мн. ч. въ родѣ *бози, врази, дат. и мѣстн. ед. носѣ, босѣ, им.-вин. дв. ч. въ родѣ носѣ, повелит. накл. въ родѣ мози, мосѣте*. Впрочемъ и въ этихъ памятникахъ есть исключенія: *скозѣ* Асс. Ев. 70; *зѣницѣ* Син. Пс. 26, *раждѣи* 49, вмѣсто ожидаемыхъ *скозѣ, зѣницѣ, раждѣи*. Другіе памятники: Зографское и Маринское Евангелія, Клоцовъ Сборникъ, употребляя и *з*, и *з*, не дѣлаютъ между ними строгаго различія, и мы находимъ въ нихъ нерѣдко *з* и иногда *з* вмѣсто ожидаемаго *з*. Третьи памятники: Саввино Евангеліе, Синайскій Требникъ, Супрасльская рукопись, Остромирово Евангеліе совсѣмъ не знаютъ *з*, и въ нихъ на мѣстѣ *з* Ассеманова Евангелія стоитъ постоянно *з*. Многіе средне-болгарскіе памятники (въ томъ числѣ Болонская Псалтирь, Слѣпченскій Апостолъ, Охридскій Апостолъ и Паремейникъ Григоровича) съ большею или меньшею послѣдовательностью отличаютъ *з* отъ *з*, и это обстоятельство заставляетъ думать, что въ древней Болгаріи нѣкоторые говоры имѣли особый звукъ *з*, на мѣстѣ котораго въ другихъ говорахъ слышалось *з*; а существованіе въ обоихъ азбукахъ буквы *з* показываетъ, что языкъ кирилло-меѳодіевскихъ текстовъ принадлежалъ къ числу говоровъ знавшихъ *з*.

Современные болгарскіе говоры (главнымъ образомъ западные) иногда имѣютъ *дз* на мѣстѣ церковно-славянскаго *з*: *бладзе = блазѣ, дзезда = зѣзда, ковчедзи = ковчези* (им. мн.). Это заставляетъ думать, что *з* произносилось какъ *дз*.

Церковно-славянское *з* въ эпоху дошедшихъ до насъ церковно-славянскихъ памятниковъ передъ твердыми гласными обыкновенно произносилось твердо: *польса, съгасатиса* и т. п., но могли быть случаи и мягкаго произношенія этого звука: *польсѣ* Хил. Л., *польсѣ* Син. Пс. 56 (им. ед.), во *стьсѣхъ* 25, *стьсѣмъ* 46, 275, *стьсѣж* 52, *помисѣжце* 71, *гобсѣжцимъ* 288.

Церковно-славянское *з*, замѣняющее въ нѣкоторыхъ памятникахъ *с*, также иногда могло произноситься мягко (между прочимъ въ древне-русскихъ памятникахъ—очень рѣдко—мы читаемъ: пользюжтъ Пандекты Антіоха XI в. 32 об., каѣ пользю 37 об.; пользю Уставъ церк. Тип. Б. XI—XII в. 25 об.; ползю Прологъ 1262 г. 7 об.).

Глаголическое *ж*, буква нерѣдкая въ церковно-славянскихъ глаголическихъ памятникахъ и употреблявшаяся исключительно для передачи греческаго *γ* передъ мягкими гласными: анбелъ = ἄγγελος, ѱеона = ψέυνα и т. п. (очень рѣдко передъ твердыми гласными: ѱельхота Зогр. Ев. 43, ѱельхота 76, ѱолхота, ѱазофилактѣ; въ землі ешупетьсѣ Сян. Пс. 168, — ешупетьсѣ 173, въ Ешуптѣ 172),— не имѣло себѣ другаго соотвѣтствія въ кирилловской азбукѣ, кромѣ *г* или *ѣ* (Супр. р.). Вслѣдствіе этого, въ виду постоянного употребленія на мѣстѣ *ж* какъ въ кирилловскихъ (а иногда и въ глаголическихъ) церковно-славянскихъ текстахъ, такъ и въ средне-болгарскихъ памятникахъ буквы *г*, а равно въ виду данныхъ современныхъ болгарскихъ говоровъ, мы должны признать, что *ж* означало не что иное, какъ мягкое *г*.

Тотъ *ј*, который мы находимъ въ древне-русскихъ памятникахъ на мѣстѣ глаголическаго *ж*, греческ. *γ*: Юсюпть, Юсюпть Αἴγυπτος Святославовъ Сборникъ 1073 г. 115 об., 136, 137 об., 138 об., 154 об. и др., Пандекты Антіоха XI в. 86 об. и др.,—не имѣетъ прямого отношенія къ *ж*: онъ — не что иное, какъ греческій *γ*, замѣнившій собою въ нѣкоторыхъ случаяхъ греческое *γ* передъ мягкими гласными.

Кирилловское *л*, глаголическое *љ* передавало два согласныхъ звука *л*, одинъ твердый, другой мягкій. Первый, повидимому, былъ отличенъ отъ современнаго русскаго и польскаго *л* (въ ложка) и былъ тѣмъ среднимъ *л*, который обыкновенно слышится въ современномъ болгарскомъ, въ сербскомъ, въ чешскомъ языкахъ. Такимъ образомъ онъ былъ сравнительно близокъ къ другому, мягкому *л* и легко могъ образовываться изъ этого послѣдняго. Вслѣдствіе этого въ нѣкоторыхъ церковно-славянскихъ памятникахъ, въ однихъ часто (въ Саввиномъ Евангелии, Клоцовомъ Сборникѣ), въ другихъ рѣже (въ

Ассемановомъ Евангеліи, Синайской Псалтыри, Остромировомъ Евангеліи), мы находимъ употребленіе твердаго *л* вмѣсто мягкаго передъ *ж*: глаголѣ, умолѣ, авлѣ, землѣ, а изрѣдка и передъ *а*: мыслаше Асс. Ев. 73, помышлаахѣ Сін. Пс. 71. Другіе церковно-славянскіе памятники (особенно Зографское Евангеліе и Супрасльская рукопись) не только отличаютъ *л* твердое (передъ *ж*, *а*, *у*) отъ *л* мягкаго (передъ *ш*, *я*, *ю*), но даже дѣлаютъ различіе между *л* передъ *л*, *ь* (въ *ладж*, *лѣто*) и между *л* передъ *м*, *я* (= *ь*, въ *земля*, *земль*), подобно тому какъ въ современномъ сербскомъ языкѣ слышится въ разныхъ случаяхъ разное *л*, напримѣръ, передъ *е* (*ме* и *ье*). Въ нихъ очень мягкое *л*, въ отличіе отъ *л* твердаго и *л* просто мягкаго, часто изображается буквою *і* или *л*. Хиляндарскіе Листки, отличая *л* твердое отъ *л* мягкаго, не дѣлаютъ различія между мягкими *л*, вслѣдствіе чего мы въ нихъ находимъ одну и ту же букву (*л*) въ уподоблѣся, львъ, польсьѣ, одолѣти, приемлаи. Остромирово Евангеліе постоянно имѣетъ *ле*: лежа, и *ле*: възлюбленъ, но не отличаетъ *ла* отъ *ля* и т. п.

Немногіе случаи передачи греческаго *λ* церковно-славянскимъ мягкимъ *л* въ родѣ Израиль *’Ισραήλ*, род. п. Израиля, Натанаяль (рядомъ: Михайль и т. п.), исключительно въ исходѣ словъ, обязаны своимъ происхожденіемъ аналогіи славянскихъ словъ на *ль*, муж. р. Сравни церковно-славянскіе мягкіе согласные въ псалтырь, поить, Елисаветъ и т. п.

Кирилловское *р*, глаголическое *ѣ* означало согласный *р*. Большая часть церковно-славянскихъ памятниковъ болѣе или менѣе часто имѣютъ твердое *р* вмѣсто ожидаемаго мягкаго, такъ что мы въ нихъ читаемъ: узьрѣ, цѣсарѣ, цѣсада, цѣсару и т. п. Очевидно, лица, переписавшія эти памятники, подобно современнымъ бѣлоруссамъ, произносили всякое *р* твердо, т. е. не знали мягкаго *р*.

Въ кирилло-меоодіевскую эпоху *л* и *р* были только согласными. Въ эпоху памятниковъ, кромѣ согласнаго произношенія, они имѣли также гласное произношеніе, т. е. были въ извѣстныхъ случаяхъ, находясь между согласными,—гласными плавными, подобными тѣмъ гласнымъ *л* и *р*, которые слышатся въ нѣкоторыхъ (западныхъ) говорахъ современнаго болгарскаго языка, въ сербскомъ и чешскомъ языкахъ. Древне-русскія нотныя книги кондакарной системы такими написаніями, какъ стѣзъзъзъшъ, съзъмъмъмъмъмърти, ууудъдъдъдържаста (Ков-

дакаръ при Уставѣ церковномъ XII в., М. Типогр. Б. N. 285, лл. 24 об., 42 об., 76 об.), съ повтореніемъ глухихъ *з* и *ъ*, на мѣстѣ которыхъ въ древнемъ церк.-слав. текстѣ не могло быть гласныхъ *а* и *р*, такъ какъ гласные *а* и *р* не могутъ повторяться при пѣніи, — показываютъ, что въ кирилло-меоодіевскую эпоху гласные плавные еще не были извѣстны и что они развились уже въ слѣдующую эпоху. Церковно-славянскіе памятники обыкновенно означаютъ эти гласные черезъ сочетанія *лз*, *лъ*, *рз*, *ръ*, но въ нихъ есть нѣкоторое количество случаевъ, гдѣ буквы *з* и *ъ* опущены: *срдьце* Зогр. Ев. 6, *крститель* 14, 20, *др'кол'ми* 40, *пр'ковъ* 41, 80, *крста* 44, на *ср'дцихъ* 83; *милосрдъ* Асс. Ев. 64, *трплекъ* 72, *срдце* 89; *милосрдовавы* Савв. Ев. 20; *кр'ститиса* Син. Тр. 10, *одржащамъ* 53; *крста* Клоц. Сб. 17, на *крстѣ* 18; *кр'стишаса* Супр. рук. 25, *хр'стовы* 35 (при *Хр'стови* 39), о *скр'би* 41, *отвр'зъ* 43, *дркол'ми* 59, *сымр'тъ* 67, *пр'кве* 414; также: *скврншптаа* Мар. Ев. 52, *милосрдужъ* 54, *крвъ* 56 (=кровь), о *цркви* 63, *крститель* 146, *милосрдовавъ* 150.

То же мы видимъ въ нѣкоторыхъ средне-болгарскихъ памятникахъ: воскреснѣтъ, по вскрсеніи Болонская Пс. (Срезневскій, Пам. 354); *смрть* Слѣпченскій Апостоль 13 об., *сымрти* 14 об., *крститеса* 23 об.; *срна* Охридскій Апостоль 3 об. (при *срзна* 3 об.), *отврзе* 4; *смрти* Евангеліе 1277 г. (Срезневскій, Св. и з. N XLIX, стр. 183). Карпинское Ев. XIII в. (Хлудова, № 28) имѣетъ подобныя написанія очень часто: по *скрби* 48 об., *скрбѣти* 122, *прискрбна* 122, *скрбь* 126, до *врху* 65 об., *утврдиса* 72 об., *утврди* 73 об., 120 об., *мртвыхъ* 117, *сымрти* 122, въ *вртѣ* 133, въ *крви*, отъ *крве*, до *крве* 117, *каплѣ* *крве* 192 об., *сребрникъ* 133 об., *стлпъ* 53 об., 116, *мачи* 54 об., *сжтъ* *пни* 117, *испни* (аор.) 126.

Должно замѣтить, что церковно-славянскіе плавные гласные различались по произношенію, смотря по тому, образовались ли они чрезъ опущеніе *з* или *ъ* передъ плавнымъ согласнымъ (изъ *зи*, *зр*, *ър*), или произошли изъ слоговъ *лз*, *лъ*, *рз*, *ръ*. Въ первомъ случаѣ они составляли слогъ, или были слогообразующими гласными, вслѣдствіе чего образованіе ихъ не оказало никакого вліянія на предъидущій слогъ и не превратило *з*, *ъ* этого слога въ *о*, *е* (ни одинъ памятникъ не имѣетъ *сомрть* или что-нибудь подобное; вездѣ всегда: *сымрть*). Въ послѣднемъ случаѣ плавные гласные часто не составляли слога, и напримѣръ, слова *сымза*, *крстити* были одно одно-

сложнымъ, другое двусложнымъ; вслѣдствіе этого при образованіи ихъ, какъ и вообще при опущеніи глухихъ, *з* и *ь* предъидущаго слога перешли въ *о* и *е*: воскреснѣ Син. Пс. 1, 16, 19, сохрѣвеныхъ 26, возгрьмѣ 29 и т. п. Сравни различіе плавныхъ гласныхъ въ древне-чешскомъ языкѣ: въ произведеніяхъ писанныхъ стихами (напримѣръ, въ Александрейдѣ) гласные *і* и *у* изъ *зі*, *зр*, *зр* постоянно считаются составляющими слогъ, между тѣмъ какъ тѣ же гласные изъ *лз*, *ль*, *рз*, *рль* часто не составляютъ слога. Это различіе между церковно-славянскими плавными гласными не было значительно, и тѣ ново-болгарскіе говоры, которые уже утратили плавные гласные, имѣютъ на ихъ мѣстѣ одинаково или *зр*, *зі*, или *рз*, *лз*: гърло, първъ, мъчи (= церк.-слав. гърло, първъ, мъчи) и дърво, къррене, сълзи, калне (= церк.-слав. *дрѣво, крещенье, слъзы, кълнетъ).

Можетъ быть, гласные *і* и *у* иногда звучали мягко, подобно согласнымъ *і* и *у*.

Кирилловское *ѳ*, глаголическое *Ѵ* передавало звукъ *ф*, чуждый церковно-славянскому языку и употреблявшійся исключительно въ заимствованныхъ у грековъ книжнымъ путемъ словахъ. Въмѣсто этого звука мы иногда находимъ въ церковно-славянскихъ памятникахъ *п* и *в*: *минікъсь* *φοινίξ* Син. Пс. 207, *власимія* *βλασφημία*, *просвора* *προσφρα* Суцр. р. 400, быть можетъ, согласно съ греческимъ произношеніемъ. На оборотъ, звукомъ *ѳ* иногда замѣняется звукъ *п*: *ѳорѳиръ* Зогр. Ев. 117; *скорьѳи* Савв. Ев. 54, *ѳифані* 144; *ѳифана* Асс. Ев. 172; *скорьѳимъ* Син. Тр. 94, *исоѳомъ* 155. *ѳетрони* 171; та *ѳати* Остр. Ев. 164, Мар. Ев. 387 = τὰ πάθη.

Кирилловское *ц*, глаголическое *ч* означало звукъ *ц*, который, сходно съ шипящими *ж*, *ч*, *ш*, произносился то твердо, то мягко: именно — онъ произносился почти всегда твердо передъ *а* и *ж* (однако: *блицьньне* Син. Пс. 29, *десницъ* 32, *всьльицьньнемъ* 63, *лицъ* 163. род. ед.; *десницъж* Син. Тр. 75, *владычицъж* 113, *троицъж* 122 и др.) и звучалъ весьма часто мягко передъ *у*: *срьдъцю* Зогр. Ев. 16, *сльньцю* 17; Асс. Ев. 14, 31, *отъцю* 25, 36; *лицю* Син. Пс. 91, 97, *срьдъцю* 152; *отъцю* Син. Тр. 15, *срьдъцю* 35 и др.

Кирилловское *щ*, глаголическое *ш* употреблялось рядомъ съ *шт*, *штѣ* (Ассем. Ев., Син. Пс.), и потому необходимо признавать, что оно было тождественно по значенію съ этими сочетаніями. Второй изъ двухъ согласныхъ, происшедшихъ путемъ смягченія изъ *т*, *ст*, *ск*, — согласный *т* иногда произносился твердо, иногда мягко. Твердое произношеніе мы постоянно наблюдаемъ передъ *а*: *сщааго*, *пущати*; *процати*; его же мы обыкновенно находимъ передъ *ж* (однако: *въвѣщикъ*, *поропыщкѣтъ*, *пщкѣ* Син. Пс., *пщкѣ*, *хощкѣ*, *трепещкѣтъ* и т. п. Син. Тр.; послѣдній памятникъ имѣеть *щ* послѣ *щ* очень часто); мягкое произношеніе *т* встрѣчается довольно часто передъ *у*: *съгъмшито*, *хоташито*, *омитютиша* Зогр. Ев.; *дыхашцію*, *имшциому* Ассем. Ев.; *жившциому*, *непшциуете*, *упьвашитю* Син. Пс. Сверхъ того, мы изрѣдка видимъ послѣ *щ* не *л*, а *м*: *страждшима* Зогр. Ев. 57, *леждшма* Асс. Ев. 3 и т. п.

Современные болгарскіе говоры имѣютъ, на мѣстѣ церк.-слав. *щ*, или твердое *шт*, или, рѣже, *шч*, звучащее какъ малорусское *ш*. Это *шч*, безъ сомнѣнія, развилось изъ мягкаго *шт*, вслѣдствіе ассимиляціи втораго согласнаго съ первымъ.

Кирилловское *ѳ*, глаголическое *ѳ* употреблялось въ церковно-славянскихъ памятникахъ (не во всѣхъ) исключительно для передачи греческаго *θ* и произносилось, повидимому, всего чаще какъ *т*. По крайней мѣрѣ, рядомъ съ *ѳ* для замѣны *θ* мы болѣе или менѣе часто во всѣхъ памятникахъ находимъ *т*: *Тадѣм*, *Тома*, *Вар'толомѣи* Зогр. Ев., *Марта*, *Витанія* Асс. Ев., *етиоплѣни*, *Даманъ* Син. Пс., *Саваотъ*, *Вар'толомѣи* Син. Тр. и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ приблизительною передачею труднаго для славянскаго произношенія греческаго звука. — Кромѣ *т*, *ѳ* произносилось какъ *ѳ*. Случаи употребленія *ѳ* вмѣсто *ѳ* и на оборотъ почти неизвѣстны въ церковно-славянскихъ памятникахъ: *Вифаниѳъ* Зогр. Ев. 66, *сѣѳовъ* 87 (однако глаголическое *ѳ* потомокъ скорѣе греческаго *θ*, чѣмъ *ϕ*), но ихъ много въ памятникахъ древне-русскихъ и они не особенно рѣдки въ памятникахъ средне-болгарскихъ: *Свято-славовъ Сборникъ* 1073 г.: *ѳилиписиомъ*, *саѳѳирьмъ*, *анѳѳраѳкъсъ*, *Фермодонты рѣкы*, *сераѳима*; *Реймское Евангеліе* XI в.: *Матуѳѣа*, *Аѳанасія*, *Тимоѳеа*; *Слова Григорія Богослова* XI в.: *Ферситъ*,

Афины; средне-болгарское Евангеліе Григоровича XII в.: газоевлякии 23, Автонома 102 об., Троеима 109 об.; средне-болгарскій Македонскій Апостолъ XIII в.: Евееъ, Филипа, Флора, Еписана, афинестин (даже: въ *ф.* година).

Славянское произношеніе *ѳ* какъ *ф*, безъ сомнѣнія, основано на греческомъ произношеніи *ϕ*. Что греки византійскаго періода въ большемъ или меньшемъ количествѣ случаевъ произносили *ϕ* сходно или тождественно съ *φ*, это видно изъ цѣлаго ряда данныхъ: готы въ IV вѣкѣ на мѣстѣ *ϕ* поставили въ своемъ алфавитѣ *f*, съ числовымъ значеніемъ *ϕ*; сирійцы въ VII вѣкѣ вмѣсто *ϕ* писали *φ*, употребляя одну и ту же букву въ *Θωμάς* и въ *στέφανος* (Gardthausen, Griechische Paläographie, 157), и друг.

Случай употребленія *з* вмѣсто *ѳ*: панта та езни = *ϕανη* Богословіе Іо. Дамаскина XII в. —случай единичный и едва ли не описка.

Прочія согласныя буквы церковно-славянскіи кирилловскіи азбуки, равно какъ и соотвѣтствующія имъ буквы азбуки глаголической, означали тѣ согласныя звуки, которые передаются ими и въ современной кириллицѣ, въ литературномъ языкѣ русскихъ и болгаръ. Такъ, буква *г* означала согласный *б*, буква *в* — согласный *в*, буква *г* — согласный *г* (= лат. *g*, не лат. *h*), и т. д. При этомъ одна и та же согласная буква могла передавать и твердый, и мягкій звуки, такъ какъ въ церк.-славянскомъ языкѣ, какъ въ современномъ литературномъ русскомъ и въ ново-болгарскомъ, почти всѣ согласныя звуки могли произноситься и твердо, и мягко, смотря по тому, какой гласный звукъ за ними слѣдовалъ; такимъ образомъ, напримѣръ, буква *б* въ *быти* означала твердое *б*, а въ *бити* тою же буквою передавалось мягкое *б*. Впрочемъ буква для мягкаго звука иногда отличалась отъ буквы для твердаго звука особымъ значкомъ: *н*.

Нѣкоторыя согласныя буквы были рѣдко употребляемы или вообще, или въ какомъ-либо своемъ частномъ значеніи. Такъ, буквы *ѡ* = *ис*, *ѣ* = *ис* имѣются только въ кирилловскихъ памятникахъ, и то рѣдко (особенно часто въ Супрасльскій рукописи), главнымъ образомъ въ греческихъ словахъ: Александръ, ѡалмъ, и лишь въ видѣ исключенія въ славянскихъ словахъ — въ ѡати и родственныхъ.

Буква *z*, согласно греческому обычаю, иногда, въ однихъ памятникахъ чаще, въ другихъ совсѣмъ рѣдко, употреблялась въ значеніи *н* исключительно въ греческихъ словахъ въ родѣ ангель, евангелистъ, прикуфъ Супрасльск. рук. = *princers*.

Какъ кирилловское, такъ и глаголическое письмо обыкновенно имѣло разные надстрочные знаки.

Объ одномъ знакѣ, находящемся во всѣхъ церковно-славянскихъ памятникахъ,—прямой или выгнутой чертѣ надъ строкою—нѣтъ надобности распространяться: это — знакъ сокращенія, перешедшій къ славянамъ отъ грековъ, въ значеніи котораго не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Другіе знаки помѣщаются только въ нѣкоторыхъ памятникахъ, исключительно при согласныхъ (главнымъ образомъ при *л*, *н*, *р*, *z*, *к*, *х*) и имѣютъ задачу указывать на мягкость звука; въ однихъ памятникахъ (въ Хиландарскихъ Листкахъ и въ нѣкоторыхъ древнерусскихъ), писанныхъ кириллицею, эти знаки, въ формѣ прямой черты, загнутой на концѣ, присоединяются къ согласнымъ *л*, *н* съ лѣвой стороны, такъ что получается *л̄*, *н̄*; въ другихъ памятникахъ (въ Зографскомъ Евангеліи и въ Супрасльской рукописи) тѣ же знаки, въ формѣ облеченного ударенія, помѣщаются надъ строкою, между буквами *л*, *н* и друг. и слѣдующими гласными: *л̄убы*, *вол̄ѣ* (= *волѣ*), *огн̄ь*, *агг̄ель*.

Третьи знаки, встрѣчающіеся въ большей части церковно-славянскихъ памятниковъ (ихъ нѣтъ только въ Маріинскомъ Евангеліи и въ Синайской Псалтыри) находятся надъ гласными и имѣютъ форму то греческихъ придыханій, то греческихъ удареній, то нашихъ знаковъ краткости. Они стоятъ, безъ особенной впрочемъ послѣдовательности, надъ гласными 1) въ началѣ словъ и 2) въ серединѣ словъ послѣ гласныхъ: *его*, *имъ*, *онъ*, *напав̄ѣше*, *глаголаахъ*, *своим̄т*. Эти знаки едва ли имѣли какое-нибудь значеніе; будучи копіями греческихъ удареній и придыханій, они могли служить иногда только для указанія начала слова, т. е. для отдѣленія словъ другъ отъ друга.

Четвертые знаки имѣютъ форму то легкаго придыханія, то облеченного ударенія и находятся всего чаще или между двумя согласными, или надъ первою изъ двухъ согласныхъ. Зографское Евангеліе

употребляеть ихъ чаще въ греческихъ словахъ: алек'сан'дрову, нар'дны, Ёен'симани и т. п., рѣже въ славянскихъ: д'нь 72, 65, ип'дъшемъ 58 (сравни: всь Саввино Евангеліе 2, безъ всякаго знака). Ассеманово Евангеліе, Синайскій Требникъ, Супрасльская рукопись, Остромирово Евангеліе имѣють ихъ и въ греческихъ, но чаще въ славянскихъ словахъ, обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ долженъ бы былъ быть написанъ з или ѣ: к'то, д'вою, м'нѣ, к'тому, вѣрен' и т. п. Не слѣдуетъ думать, что эти знаки имѣли какое-нибудь значеніе и что они указывали на опущеніе з или ѣ. Примѣры употребленія ихъ въ родѣ к'васу; к'васа Зогр. Ев. 19, 60, д'виженіѣ, гнѣзда Асс. Ев. 18, 72, ог'ня, разг'нѣвалъ, усѣ'нѣти, исп'лѣни, крѣст'яны Супр. рук., умьр'т'вать Остромирово Ев. 225, вѣскрѣс'нетъ Хил. Лист., въ случаяхъ, гдѣ не могло быть опущенія з, ѣ, показываютъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ копіями греческихъ знаковъ, которые въ нѣкоторыхъ греческихъ рукописяхъ византійскаго происхожденія находятся послѣ согласной въ концѣ слова или послѣ первой изъ двухъ стоящихъ рядомъ согласныхъ, если изъ нихъ вторая не λ, ρ, ν: οφθαλ'μου, σπερ'ματων, καρ'πον, κερ'κερ', Βηθ'σαϊδα, ηρ'νησато, ηνευ'κεν, и которые, безъ сомнѣнія, лишены всякаго значенія (Gardthausen, Griechische Paläographie, 272). Въ церковно-славянскомъ языкѣ самыя обыкновенныя древнія (безъ опущенія з, ѣ) соединенія согласныхъ — соединенія нѣмыхъ съ плавными, въ родѣ мыти, крыти; большая часть прочихъ соединеній, встрѣчающихся въ церковно-славянскихъ памятникахъ, — сравнительно новаго происхожденія и получились черезъ выпаденіе з или ѣ; поѣтому вполне естественно, что указанные знаки, будучи употребляемы согласно греческому обычаю, очень часто, даже почти постоянно находятся тамъ, гдѣ опущенъ з или ѣ.

Кстати должно замѣтить, что въ нѣкоторыхъ средне-болгарскихъ и древне-русскихъ памятникахъ эти знаки употребляются также между нѣмыми и плавными: раз'лжачеть, с'лавѣ, п'лѣтъ; рядомъ: вѣс'таеть, ес'тъ, вѣсѣка, вѣсѣгда Охридскій Ап. XII в. 34; дрѣв'лѣ, яв'лено, зем'ли; рядомъ: жиз'ни, прѣж'де, ложес'на новгородск. Путятина Миняя XI в. 2 об., 3, 3 об.

IV. Отношеніе звуковъ церковно-славянскаго языка къ звукамъ родственныхъ индо-европейскихъ языковъ.

Церковно-славянскій языкъ и потому, что онъ первый изъ числа славянскихъ нарѣчій получилъ литературное употребленіе, и потому, что онъ сохранилъ въ своемъ звуковомъ и формальномъ строѣ такія черты, которыя были утрачены большею частію другихъ славянскихъ нарѣчій прежде, чѣмъ возникла на нихъ письменность,— можетъ быть избранъ представителемъ славянской семьи языковъ при сравненіи особенностей этой семьи съ особенностями другихъ семей индо-европейской группы, въ цѣляхъ ознакомленія съ отличительными чертами славянской группы и съ древнѣйшею исторіею ея звуковъ и формъ.

Индо-европейская группа языковъ, кромѣ семьи славянской, состоитъ изъ 9 семей: 1) индійской, важнѣйшимъ представителемъ которой служитъ языкъ древне-индійскій, или санскритскій; 2) эранской, важнѣйшій представитель которой языкъ Авесты—древне-бактрійскій, или зендскій; 3) армянской, которая представляется въ настоящее время языкомъ армянскимъ; 4) греческой, важнѣйшій представитель которой языкъ древне-греческій; 5) албанской, заключающейся теперь въ одномъ языкѣ албанскомъ; 6) италійской, представляемой главнымъ образомъ языкомъ латинскимъ; 7) кельтской, сохраняющейся въ остаткахъ въ живыхъ говорахъ современной Бретони, Шотландіи и Ирландіи; 8) германской, древнѣйшіе представители которой языки готскій и древне-верхне-нѣмецкій, и 9) литовской, состоящей изъ двухъ живыхъ языковъ—собственно литовскаго и латышскаго и изъ вымершаго, дошедшаго до насъ въ незначительномъ количествѣ памятниковъ XV—XVI вв. языка прусскаго.

Всѣ эти семьи—потомки одного обще-индо-европейскаго, или праарійскаго языка, который прекратилъ свое отдѣльное, самостоятельное существованіе за много столѣтій до Р. Хр.

Само собою разумѣется, до насъ не дошло никакихъ памятниковъ отъ этого языка-предка, но современная наука, путемъ сопоставленія особенностей языковъ-потомковъ, находитъ возможнымъ восстанавливать тѣ главныя черты, которыя были ему свойственны въ послѣднюю эпоху его существованія, въ эпоху распадения. Что до чертъ, бывшихъ въ немъ въ эпохи, предшествовавшія эпохѣ распадения, то о нихъ мы можемъ различно, съ большею или меньшею вѣроятностью, гадать, но опредѣленіе ихъ не можетъ быть основано ни на какихъ фактическихъ данныхъ, и потому принадлежитъ области фантазіи. Такъ, напримѣръ, мы можемъ строить различныя гипотезы о тѣхъ трехъ звукахъ, которые дали начало звукамъ эпохи распадения, чередовавшимся въ родственныхъ корняхъ: *a, e, ā, ē* (=славянск. *o, e, a, ѿ*), *i, ī, ai* и *ei* (=славянск. *ъ, и, ѡ*), *u, ū, au* и *eu* (=славянск. *ъ, ы, у*); но въ нашемъ распоряженіи нѣтъ ничего для опредѣленія этихъ звуковъ, кромѣ противорѣчащихъ одна другой аналогій изъ жизни отдѣльныхъ индо-европейскихъ языковъ, и потому опредѣленіе ихъ невозможно.

Кромѣ взаимнаго родства семей индо-европейской группы какъ потомковъ одного языка-предка, между нѣкоторыми изъ нихъ обнаруживается особенная близость. Таковы семьи индійская и эранская, которыя, повидимому, нѣкогда, уже по распадении обще-индо-европейскаго языка, составляли одинъ языкъ — арійскій. Таковы семьи славянская и литовская. Послѣднія настолько близки между собою по особенностямъ звуковымъ, формальнымъ, лексическимъ, синтаксическимъ, что происхожденіе ихъ отъ одного славяно-литовскаго языка (покончившаго свое существованіе едва ли позже Р. Хр.) можетъ считаться уже доказаннымъ и принятымъ въ науку.

Обѣ семьи, и славянская, и литовская, имѣютъ, между прочимъ, три важныхъ звуковыхъ черты.

Одна изъ нихъ до нѣкоторой степени свойственна главнымъ языкамъ индійской и эранской семей и въ то же время совершенно отсутствуетъ въ главныхъ языкахъ семей западной Европы. Это—употребленіе свистящихъ или шипящихъ согласныхъ (съ ихъ производными) на мѣстѣ гортанныхъ (съ ихъ производными) языковъ

греческой, италійской, кельтской и германской семей: церк.-слав. и древне-русск. съто, литовск. šimtas, лотышск. simts — санскритск. śataṁ, зендск. śatəm—греч. ἑκατόν, лат. centum, др.-ирск. cēt, готск. hund; церк.-слав. десять, др.-русск. десять, лит. dešimtis, лот. desmit—санскр. daśa — греч. δέκα, лат. decem, готск. teihun.

Вторая черта до известной степени чужда главнымъ языкамъ индійской и эранской семей и, напротивъ того, свойственна всѣмъ языкамъ западной Европы. Это — употребленіе звука *ě* (съ его производными) въ корняхъ, напримѣръ, формъ настоящаго времени изъявительнаго накл., вмѣсто котораго въ санскритскомъ и зендскомъ языкахъ мы находимъ *ā* (съ его производными): церк.-слав. берѣ, др.-русск. беру, лит. begiu (сыплю), лотышск. begu (сыплю) — греч. φέρω, лат. fero, др.-ирск. berim, готск. baiga (читай: bera, несу) — санскр. bhagāmi (несу); церк.-слав. везѣ, др.-русск. везу, лит. vežu (vezu), лот. vezdu—греч. ἔχω, лат. veho, готск. viga (*i* изъ *e*) — санскр. vahāmi (vezu).

Третья черта также чужда главнымъ языкамъ индійской и эранской семей и также свойственна языкамъ западной Европы. Это — сравнительно большое количество словъ съ звукомъ *l* въ корнѣ. Языки санскритскій и зендскій знаютъ звукъ *l*; но онъ въ нихъ мало употребителенъ, и въ большинствѣ случаевъ мы въ нихъ находимъ *r* на мѣстѣ *l* языковъ западно-европейскихъ, славянскаго и литовскаго: ц.-слав. и др.-русск. слѹ-ти, греч. κλυ-τός, лат. in-clu-tus, др.-ирск. slū (слава), др.-в.-нѣм. (H)lu-do-wig—санскр. śru-tas (славный), зендск. sru-tas; ц.-сл. отъ-лѣк-ъ (остатокъ), лит. lėk-u (оставляю), греч. λείπ-ω, лат. linqu-o—санскр. корень rik (оставлять).

Первая изъ указанныхъ чертъ сближаетъ славянскую семью языковъ, вмѣстѣ съ литовскою, съ семьями языковъ Азіи; двѣ другія сближаютъ съ семьями языковъ западно-европейскихъ. Такимъ образомъ славянская семья, вмѣстѣ съ литовскою, представляетъ собою промежуточное звено между индо-европейскими языками Азіи съ одной стороны и языками западной Европы съ другой.

1. Г л а с н ы е.

Славянское *a* обыкновенно соответствует скр. *ā*, греч. *ā* (откуда *η*), *ω*, лат. *ā*, *ō*, лит. *o* (откуда *ū*), рѣдко (въ исходѣ словъ) *a*: ц.-сл. и др.-р. *мати*—скр. *mātā* (мать, им. ед.; основа *mātar-*), гр. дор. *μάτηρ* (аттич. *μήτηρ*), лат. *māter*, лит. *motė*; ц.-сл. и др.-р. *да-ти*, *да-нь*, *да-рь*—скр. *da-dā-mi* (даю), *dā-nam* (даръ), гр. *δί-δω-μι*, *δῶ-ρον*, лат. *dō-num*, лит. *dū-ti* (дать), *dō-nis* (даръ); ц.-слав. и др.-русск. *жен-а*—скр. *aṣv-ā* (кобыла, им. ед. женск. р.), греч. *χῶρ-ᾶ*, др.-лат. *equ-ā*, лит. *gank-a* (рука).

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому восходить славянское *a*, долженъ былъ звучать двойко: то какъ *ā* открытое (откуда греч. *α*, *η*, лат. *ā*), то какъ *ā* нѣсколько закрытое, приближающееся къ *o* (откуда греч. *ω*, лат. *ō*). Такимъ образомъ основа и корень приведенныхъ словъ въ обще-индо-европейскомъ языкѣ должны были быть *mātar-* съ *ā* открытымъ и *dā-* съ *ā* закрытымъ, а окончаніе имен. ед. женск. р. звучало какъ *ā* открытое.

Несомнѣнно, слав. *a* первоначально, въ до-историческое время, было долгимъ звукомъ.

Кромѣ *a* изъ обще-индо-европ. *ā*, церковно-славянскій языкъ имѣеть: 1) *a* изъ обще-индо-европ. *ā*, въ сочетаніяхъ съ плавными: *ра*, *ла*, *аи* (= русск. *ро*, *ло*, *оро*, *оло*), и 2) *a* изъ *ъ*, послѣ *j* и шипящихъ согласныхъ. Церк.-сл. *азъ*, др.-русск. *язъ*, *я*, хотя и родственны съ санскр. *āham*, греч. *ἐγώ*, лат. *ego*, лит. *aĩ*, *eĩ*, но вѣроятно, происходят не отъ того обще-индо-европ. корня съ краткимъ гласнымъ, къ которому восходятъ эти послѣднія, а отъ другаго, съ *a*.

Надо имѣть въ виду, что слав. *a* на славянской почвѣ, подъ разными вліяніями 1) вошло въ составъ *ж* (откуда *л*) и 2) образовало въ нѣкоторыхъ случаяхъ *ы*.

Славянское *e* обыкновенно соответствуетъ санскр. *a*, греч. *ε*, лат. *e* (откуда иногда *i*), лит. *e*: церк.-слав. *ѣс-ть* (3 л. ед.)—санскр. *as-ti*, греч. *ἔσ-τί*, лат. *es-t*, лит. *es-ti*; церк.-слав. и др.-русск. *неб-о*—скр. *nabh-as* (небо), греч. *νέφ-ος*, *νεφ-έλη*, лат. *neb-ula*, лит. *deb-esis* (облако, съ непонятнымъ *ā* вмѣсто *n*); церк.-слав. и др.-русск. *вез-ете*

(2 л. мн. ч.) — скр. *veh-a-ta* (везете, 2 л. мн.), греч. *ἔχ-ε-τε*, лат. *veh-i-te* (повелит. н.), лит. *vez-a-te* (везете).

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому восходитъ славян. *e*, долженъ былъ звучать какъ открытое *ě*, близкое къ *a*, или—что въ сущности то же — какъ узкое *ǐ*, склоняющееся къ *e*. Такимъ образомъ корни и окончаніе приведенныхъ словъ и формъ въ обще-индо-европейскомъ языкѣ должны были быть *es-*, *neh-*, *veg₁h-*, *-te*.

Несомнѣнно, слав. *e* искони было звукомъ краткимъ.

Кромѣ *e* изъ обще-индо-европ. *e*, церковно-славянскій языкъ имѣетъ *e* изъ *jo*, образовавшееся на слав. почвѣ (въ копыѣ и т. п.).

Надо имѣть въ виду, что слав. *e* на славянской почвѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ 1) перешло въ *ь*, 2) вошло въ составъ *a*, 3) перешло въ *ъ* въ церк.-славянскихъ сочетаніяхъ *ръ*, *лъ* (= русск. *рс*, *ле*, *ере*, *еле*).

Славянское *o* обыкновенно соответствуетъ санскр. *a*, греч. *α*, лат. *a* (откуда *i*), *o* (откуда *u*), лит. *a*: церк.-слав. и др.-русск. ось — скр. *akā-as* (ось). греч. *ἄξ-ων*, лат. *ax-is*, лит. *aš-is* (ось); церк.-слав. и др.-русск. жен-*o* (зв. п.) — скр. *aśv-ā* (кобыла, зв. п.), греч. *ῥύμφ-ᾶ*; церк.-слав. и др.-русск. домъ — скр. *damā*; греч. *δομος*, лат. *domus*; церк.-слав. и др.-русск. про — скр. *pra* (отъ), греч. *πρό*, лат. *pro-*, лит. *pra-* (про-).

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому восходитъ слав. *o*, долженъ былъ звучать двояко: то какъ *ā* открытое (откуда греч. *α*, лат. *a*), то какъ *ǎ* нѣсколько закрытое, приближающееся къ *o* (откуда греч. *ο*, лат. *o*), и, вѣроятно, отличался отъ обще-индо-европ. *ā* только количествомъ. Такимъ образомъ формы зват. п. женск. р. и корень *ak₁s-* должны были имѣть *ā* открытое, а корень *dam-* и предлогъ-префиксъ *pra* — *ǎ* закрытое.

Едва ли можно сомнѣваться, что слав. *o* развилось изъ *ā* уже на славянской почвѣ, т. е. что въ начальную эпоху жизни обще-славянскаго языка въ немъ на мѣстѣ нашего *o* слышался тотъ же звукъ, что и въ литовскомъ языкѣ, — *ā*.

Славянское *o* искони было звукомъ краткимъ.

Надо имѣть въ виду, что славянское *o* (*ǎ*) на славянской почвѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ 1) перешло въ *з*, 2) вошло въ со-

ставъ ж и ы и з) перешло въ *ā* въ церк.-слав. сочетаніяхъ *ра, ла, аа* (= русск. *ро, ло, оро, оло*).

Славянское *и* обыкновенно соотвѣтствуетъ:

1) скр. *ī*, греч. *ī*, лат. *ī*, лит. *ī* (*y*), рѣдко (въ исходѣ словъ) *i*: ц.-слав. и др.-русск. жи-въ—скр. *džī-vas*, лат. *vī-vus*, лит. *gī-vas* (живой); ц.-сл. и др.-русск. пи-ти—скр. *pī-tis* (питье), *pī-tas* (выпитый), гр. *πί-νω*; ц.-сл. и др.-русск. видѣвъш-и (причастіе, им. ед. женск. р.)—скр. *viduš-ī* (причастіе перфекта отъ корня *vid-* знать; им. ед. ж. р.), лит. *davus-ī* (причастіе прош., отъ глаг. давать, им. ед. ж. р.).

Обще-индо-европ. звукъ, къ которому восходить это *и*, долженъ былъ звучать *ī*. Такимъ образомъ корни и окончаніе приведенныхъ словъ и формъ должны были быть *g, ī-, pī-, -ī*.

Слав. *и* изъ обще-индо-европ. *ī* первоначально было звукомъ долгимъ.

Должно замѣтить, что оно вошло, на славянской почвѣ, въ составъ *а*;

2) скр. *ē* (изъ *ai*), греч. *ei*, лат. *ī* (изъ *ei*), лит. *ei*, *ē* (= дифт. *ie*): ц.-сл. и др.-р. видъ—гр. *Ἔϊδος*, лит. *veidas* (лицо); ц.-сл. и др.-р. и-ти—скр. *ē-ti* (иду), греч. *εἶ-μι*, лит. *ei-ti* (идти), *ei-mi* (иду); ц.-сл. зима—греч. *χειμα*, лит. *įẽma* (зима).

Обще-индо-европ. звукъ, къ которому восходить это *и*, долженъ былъ звучать какъ дифтонгъ *ei*. Корни приведенныхъ словъ въ обще-индо-европ. языкѣ должны были быть *veid-, ei-, g, heim-*.

Слав. *и* изъ *ei* первоначально было также звукомъ долгимъ.

Кромѣ *и* изъ *ī* и изъ дифтонга *ei*, церковно-славянскій языкъ имѣетъ *и*: 1) изъ *ь* (*z*) при предъидущемъ или послѣдующемъ *j*, 2) изъ *ъ* въ концѣ формъ имен. мн. и повел. накл. и послѣ *j*, 3) изъ *ы* послѣ *j*.

Славянское *у* обыкновенно соотвѣтствуетъ:

1) передъ искони твердыми согласными и *j*: скр. *ū* (изъ *au*), греч. *au*, *ou*, лат. *au*, *ū* (изъ *ou*), лит. *au*: ц.-сл. и др.-р. туръ—греч. *ταῦρος*, лат. *taurus*, лит. *taugas*; ц.-сл. и др.-р. уши (дв. ч.)—лат. *auris*, лит. *ausis*; ц.-сл. и др.-р. дуръ-нь — греч. *δούρ-ος*, лат.

fīg-or; ц.-сл. и др.-р. сыну (род. ед.)—скр. sūnōs (род. ед., изъ sūn-aus), лит. sūnaus (род. ед.).

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому восходитъ слав. *y* передъ искони твердыми согласными и передъ *j*, долженъ былъ звучать какъ дифтонгъ *ai* (можетъ быть, иногда *āi*), имѣвшій *a* или открытое (откуда греч. *αι*, лат. *ai*), или нѣсколько закрытое, приближающееся къ *o* (откуда гр. *ου*, лат. *ū*). Такимъ образомъ корни и окончаніе приведенныхъ словъ и формы въ обще-индо-европ. языкѣ должны были быть *taug-*, *aus-*, *-aus*.

Несомнѣнно, слав. *y* первоначально было долгимъ звукомъ.

Трудно сомнѣваться, что слав. *y* развилось изъ дифтонга *ai* (черезъ посредство дифтонга *oi*) уже на славянской почвѣ, можетъ быть, послѣ того времени, когда началось нѣмецкое вліяніе на общеславянскій языкъ (срв. ц.-сл. *усердъ* и пра-нѣм. *ausahringos* ушное кольцо);

2) передъ мягкими согласными: скр. *ō* (изъ *ai*), гр. *ευ*: ц.-сл. *блюд-ж*, др.-р. *блюд-у* (= бл'уд-ж, изъ б'юд-ж; *л'* — мягкое *л*) — скр. *bōdh-āmi* (знаю), гр. *πεύθ-ομαι* (изъ *φευθ-*). Къ этому при-мѣру должно присоединить еще ц.-сл. и др.-р. *жюп-ьль*, *чюдо*, *чю-ти*, *шюмъ*, *любъ*, *людъ*, *лють*, ц.-сл. *штюждь* = др.-русск. *чюжь* и т. п., для которыхъ однако мы не можемъ представить соотвѣтствующихъ словъ изъ другихъ индо-европ. языковъ.

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому восходитъ слав. *y* съ предъидущимъ мягкимъ согласнымъ, долженъ былъ звучать какъ дифтонгъ *ei* (иногда, можетъ быть, *ēi*). Такимъ образомъ корень приведеннаго слова въ обще-индо-европ. языкѣ долженъ былъ звучать: *bheidh-*.

Несомнѣнно, это слав. *y* первоначально было также звукомъ долгимъ.

Вѣроятно, оно развилось изъ *ei* уже на славянской почвѣ и переходнымъ звуковымъ сочетаніемъ отъ *ei* къ *y* съ предъидущимъ мягкимъ согласнымъ было сочетаніе *ju*. На это указываетъ *л* въ *блюдъ*, образовавшееся изъ *j* (какъ *л* въ *люблж* и т. п.); на это указываетъ ц.-сл. *ит* въ *итюждь* и др.-р. *ч* въ *чюжь*, изъ *т*, которыя не могли бы образоваться, если бы послѣ *т* не было *j*.

Славянское *z* 1) обыкновенно соответствует скр. *u*, греч. *υ*, лат. *u*, лит. *u*: ц.-слав. и др.-р. рѣд-ѣти—скр. *rudh-iras* (красный), греч. *ἐρυθρός*, лат. *rub-er*, лит. *rud-as* (рыжий); ц.-сл. дѣшти, др.-р. дѣчи (изъ *дѣгти, *дѣгити)—скр. *duhita* (им. ед., основа *duhitar-*, дочь), гр. *θυγάτηρ*, лит. *duktė* (дочь); ц.-сл. и др.-р. сынъ (им. п. ед.) — санскр. *sūnu-s* (сынъ), лит. *sūnu-s* (сынъ).

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому восходить это слав. *z*, долженъ былъ звучать какъ *ū*, такъ что корни и основа приведенныхъ словъ были *rudh-*, *dug_h-*, *sūnu-*.

Это слав. *z* было искони звукомъ краткимъ;

2) въ сочетаніи съ плавными согласными, именно въ группахъ *zl*, *zr* съ послѣдующимъ согласнымъ, соответствуетъ санскр. гласному *r* (г) и группамъ *ur*, *ūr*, *ir*, *īr*, лит. *il* (*ir*): ц.-сл. вѣлкъ, откуда вѣкъ (вѣлкъ), др.-р. вѣлкъ—скр. *vrkas* (волкъ), лит. *vilkas* (волкъ); ц.-сл. и др.-р. пѣльнъ—скр. *pūrṇas* (полный), лит. *pilnas* (полный); ц.-сл. и др.-р. дългъ—скр. *dīrghas* (длгій), лит. *ilgas* (длгій). Западно-славянскіе языки здѣсь, на мѣстѣ ц.-сл. и др.-русск. *z*, иногда имѣютъ *ь*: *вѣлкъ (лужицк. *veŕk*, пол. *wilk*).

Обще-индо-европ. звукъ, къ которому восходить слав. *z* въ соединеніи съ слѣдующими согласными плавными, могъ звучать какъ гласный плавный—*r* или *l*. Такимъ образомъ основы приведенныхъ словъ въ обще-индо-европ. языкѣ могли быть *vrk_a-*, *prṇa-*, *drg_hna-*.

Это слав. *z* искони было звукомъ также краткимъ.

Кромѣ *z* изъ обще-индо-европ. *u* и *zl*, *zr* изъ обще-индо-европ. плавныхъ гласныхъ, церк.-славянскій языкъ имѣетъ еще разившійся на славянской почвѣ *z* изъ *o* (*ǫ*), обще-индо-европ. *a*.

Надо имѣть въ виду, что славянское *z* на славянской почвѣ 1) вошло въ составъ *ж*, 2) перешло послѣ *j* въ *ь* и 3) перешло передъ *j* въ *ы*.

Слав. *z*, какого бы оно происхожденія ни было, въ древнѣйшую эпоху существованія обще-славянскаго языка (впрочемъ когда на него уже оказывалъ вліяніе нѣмецкій языкъ) звучало какъ краткое *y*. Срв. ц.-сл. кнѣзь, др.-р. кнѣзь и пра-нѣм. *kuningos*.

Славянское *ы* обыкновенно соответствуетъ скр. *ī*, греч. *ῑ*, лат. *ī*, лит. *ī*: ц.-сл. и др.-русск. дымъ—скр. *dhīmas* (дымъ), гр. *θῑμός*,

лат. *fīnus*, лит. *dīntai* (им. мн.); ц.-сл. и др.-р. мышь — санскр. *mīś-* (мышь, въ сложныхъ словахъ), гр. *μῦς*, лат. *mīſ*; ц.-сл. и др.-русс. смыть — санскр. *sīpus*, лит. *sīpus*.

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому восходить *ы*, долженъ былъ звучать какъ *ī*, такъ что корни приведенныхъ словъ были *dhīm-*, *mīś-*, *sī-*.

Несомнѣнно, *ы* первоначально было звукомъ долгимъ.

Кромѣ *ы* изъ обще-индо-европ. *ī*, церковно-славянскій языкъ имѣеть еще *ы* 1) изъ слав. *a*, обще-индо-европ. *ā*, 2) изъ слав. *o*, *ā*, обще-индо-европ. *a* и 3) изъ *z*, обще-индо-европ. *u*.

Слав. *ы* изъ *ī*, *ā*, *ā*, въ древнѣйшую эпоху жизни обще-славянскаго языка (впрочемъ когда уже началось на него вліяніе нѣмецкаго языка) звучало какъ долгое *y*. Сравни ц.-сл. хызь и др.-верхне-нѣм. *hīz*.

Слав. *ы* на славянской почвѣ послѣ *j* кое-гдѣ перешло въ *и*.

Славянское ѣ

1) обыкновенно соотвѣтствуетъ скр. *i*, греч. *i*, лат. *i*, лит. *i*: ц.-слав. и др.-русс. вдова — скр. *vidhavā-* (вдова, въ сложныхъ словахъ), лат. *vidua*; ц.-сл. и др.-р. льнь — гр. *λίνον*, лат. *linum*, лит. *līnas*; ц.-сл. и др.-р. ѣс-мѣ (1 л. ед. ч.) — скр. *as-mī*, гр. *εἰ-μί*, лит. *es-mī*.

Обще-индо-европ. звукъ, къ которому восходить это славян. *ѣ*, долженъ былъ звучать какъ *i*.

Корни и окончаніе приведенныхъ словъ и формъ въ обще-индо-европ. языкѣ звучали *vidh-*, *lín-*, *-mī*;

2) въ сочетаніи съ послѣдующими плавными и носовыми согласными, именно въ группахъ: а) *ѣr* и б) *ѣm*, *ѣn*, — соотвѣтствуетъ:

а) скр. гласному *r* (*r*) и группамъ *ur*, *ir*, греч. *ap*, *pa*, лат. *or*, лит. *ir*: ц.-слав. съ-мър-тъ, откуда смръть (смерть), — скр. *mṛ-tis* (смерть), лат. *mor-s mor-tis*, лит. *mīr-tis* (смерть); ц.-слав. и др.-р. четвѣр-тъ, греч. *τέταρ-τος*, *τέτρα-τος*, лит. *ketvir-tas* (четвертый); ц.-слав. и др.-р. сѣрд-ѣце — греч. *καρδ-ία*, гомерич. *καρδ-ίη*, лит. *šird-is* (сердце);

б) скр. *a* и группамъ *am*, *an*, лат. *em*, *en*, лит. *im*, *in*: ц.-слав. и др.-р. мѣн-ѣти — скр. *ma-tis* (мысль), лат. *men-tio*; ц.-сл. и др.-р. въз-ѣм-ж — лит. *im-u*, *im-ti* (беру, брать); ц.-сл. жѣм-ш, др.-р. жѣм-у — лит. *gin-u*, *gin-ti* (отражаю, отражать).

Обще-индо-европ. звукъ, къ которому восходитъ слав. *ѣ*, могъ звучать какъ гласный *ɛ* (*ɛ*), а обще-индо-европ. звуки, къ которымъ восходятъ слав. *ѣ*, *ѣ*, — могли звучать какъ гласные носовые *m* (*m*) и *n* (*n*).

Несомнѣнно, слав. *ѣ*, какого бы образованія оно ни было, искони было звукомъ краткимъ.

Славянское *ѣ*, какого бы происхожденія оно ни было, въ древнѣйшую эпоху существованія обще-славянскаго языка (впрочемъ, когда уже началось на него влiянiе нѣмецкаго языка) звучало какъ краткое *i*. Сравни ц.-сл. и др.-р. стѣкло и пра-нѣм. *stiklos*.

Кромѣ 1) *ѣ* изъ обще-индо-европ. *i* и 2) *ѣ* въ группахъ *ѣ*, *ѣ*, *ѣ* изъ обще-индо-европ. плавнаго и носовыхъ гласныхъ, церковно-слав. языкъ имѣетъ еще *ѣ* разившiйся на слав. почвѣ изъ *e* и (послѣ *j*) изъ *z*.

Надо имѣть въ виду, что слав. *ѣ* на славянской почвѣ 1) вошло въ составъ *а* и 2) подъ влiянiемъ предъидущаго или послѣдующаго *j*, перешло въ *ѣ*.

Славянское *ѣ* обыкновенно соотвѣтствуетъ:

1) санскр. *ā*, греч. *η*, лат. *ē*, лит. *ē* (= *é*): ц.-слав. и др.-р. дѣ-ти — скр. *da-dhā-mi* (кладу), греч. *τί-θη-μι*, лит. *dē-ti* (класть); ц.-сл. и др.-р. сѣ-ти, сѣ-ма — греч. *ί-η-μι* (изъ *σί-θη-μι*), лат. *sē-ten*, лит. *sē-ti* (сѣять), *sē-tenis* (посѣвъ, мн. ч.); ц.-сл. и др.-р. об-ѣд-ѣ — лит. *ēd-mi* (ѣмъ).

Обще-индо-европ. звукъ, къ которому восходитъ здѣсь *ѣ*, долженъ былъ звучать какъ *ē* открытое, близкое къ *a*, или — что то же — какъ узкое *ā*, склоняющееся къ *e*. Такимъ образомъ корни приведенныхъ словъ въ обще-индо-европейскомъ языкѣ должны были быть *dhē-*, *sē-*, *ēd-*.

Несомнѣнно, слав. *ѣ* изъ *ē* первоначально было звукомъ долгимъ.

Это *ѣ* на славянской почвѣ, послѣ *j* и шипящихъ *ж*, *ч*, *ш*, перешло въ *а*;

2) скр. *ē* (изъ *ai*), *āi*, греч. *αι*, *οι*, *α*, лат. *ae*, *ē*, *oe*, *ū*, лит. *ai*, *ē*: ц.-сл. и др.-р. лѣвь — греч. *λαίβος*, лат. *laevus*; ц.-слав. и др.-р. дѣверь — скр. *dēvā* (деверь, осн. *dēvag-*), греч. *δα(ι)ήρ*, лат. *lēvir*; ц.-сл. снѣгъ — лит. *snėgas*; ц.-слав. и др.-р. вѣд-ѣ (знаю) — скр. *vēd-a* (знаю), греч. *φοῖδ-α*; ц.-слав. и др.-р. бѣсъ — лит. *baisus* (страшный);

ц.-сл. и др.-р. вълц-*н* (мѣстн. ед.)— скр. vḡk-*ē* (мѣстн. ед., волкъ), греч. οἶκ-*αι*; ц.-сл. и др.-р. жен-*н* (мѣстн. п. ед.) — греч. γῶρ-*α*, лат. Rom-*ae*.

Обще-индо-европейскихъ звуковъ, къ которымъ восходитъ здѣсь *н*, должно было быть два; это были дифтонги *āi* и *āi* или 1) съ чистымъ *a* (откуда греч. *αι*, *α*, лат. *ae*, *ē*), или 2) съ *a* закрытымъ, склоняющимся къ *o* (откуда греч. *οι*, лат. *oe*, *ū*). Корни и окончаніе приведенныхъ словъ и формъ въ обще-индо-европ. языкѣ были *lāiv-*, *dāiv-*, *vāid-*, *bhāi-*, *-āi* (мѣстн. ед. муж. р.), *-āi* (мѣстн. ед. ж. р.).

Слав. *н* изъ дифтонга образовалось на славянской почвѣ, уже послѣ того, какъ началось взаимное вліяніе языковъ обще-славянскаго и нѣмецкаго (срав. ц.-слав. и др.-р. хлѣбъ и пра-нѣм. hlāibhos хлѣбъ). Это *н* еще не могло существовать въ то время, когда совершился въ славянскомъ языкѣ переходъ гортанныхъ согласныхъ въ шипящіе: тогда на мѣстѣ *н* находился твердый гласный, неспособный смягчать гортанные, дифтонгъ *ai*.

Слав. *н* изъ дифтонга на славянской почвѣ 1) въ концѣ нѣкоторыхъ словъ (формъ) и 2) послѣ *j* — перешло въ *и*.

2. Чередованія гласныхъ.

Если мы взглянемъ въ лексическій составъ церковно-славянскаго языка, то увидимъ въ немъ цѣлый рядъ словъ, несомнѣнно родственныхъ между собою, но отличающихся (помимо суффиксовъ и т. п.) качествомъ гласныхъ звуковъ въ корняхъ.

При группировкѣ подобныхъ словъ, мы можемъ выдѣлить три главныя группы, которыя по входящимъ въ составъ ихъ звукамъ можно назвать: 1) группа *A*, 2) группа *I* и 3) группа *У*.

I. Группа A. Корни родственныхъ словъ группы *A* отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что имѣютъ гласный: одни — *e*, другіе — *o*, третьи — *н* (изъ обще-индо-европ. *ē*), четвертые — *a*, пятые и шестые (передъ плавными и носовыми согласными) — *ь* или *з*; иначе говоря, въ корняхъ словъ этой группы чередуются между собою звуки въ однихъ — *e*, *o*, *н*, *a*, въ другихъ, передъ плавными и носовыми, сверхъ того, — *ь*, *з*.

Корней, въ которыхъ бы чередовались всё эти гласные, не существуетъ.

Корни, въ которыхъ чередуются по четыре изъ указанныхъ гласныхъ, сравнительно немногочисленны: греб-ж, гроб-ъ, по-грѣб-ати, граб-ити, русск. граб-ли; леж-ати, по-лож-ити, лѣг-ати, по-лаг-ати; нес-ж, нос-ити, нѣс-ъ (аористъ), при-наш-ати; плет-ж, плот-ъ, съ-плѣт-ати, плат-ъ, за-плат-а; тек-ж, ток-ъ, у-тѣк-ати, за-тач-ати, и др.

Корней, въ которыхъ чередуются какіе-либо три изъ указанныхъ гласныхъ, также немного: 1) вед-ж, вод-ити, про-важд-ати, русск. спро-вад-ить; мет-ж, мос-тъ, мѣт-ати; рек-ж, рок-ъ, рѣч-ъ; сед-ьло, сѣд-ѣти, сад-ъ; 2) бер-ж, у-бор-ъ, бѣр-ати; дер-ж, раз-дор-ъ, дѣр-ати.

Гораздо больше корней, гдѣ чередуются только два гласныхъ: 1) бред-ж, брод-ъ; вез-ж, воз-ъ; стен-ати, стѣнъ; деб-ель, деб-ръ (Зогр. Ев.), доб-ръ; теп-лъ, топ-лъ, топ-ити; вел-ѣж, вол-я; чес-ати, кос-а; себ-е, соб-ош; 2) сек-ыра (Син. Пс. 156), сѣк-ж; лет-ѣти, лѣт-ати; гнет-ж, у-гнѣт-ати; се-ло, сѣ-мѣ; 3) клон-ити, клан-ятисѣ; кол-ѣж, за-кал-ати; кос-нѣтисѣ, кас-атисѣ; моч-ити, мак-ати; пол-ѣти, пѣл-ити; сто-ѣж, въ-ста-ѣж.

Такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ коренныя *e* и *o* вошли въ составъ *д*, коренное *e* перешло въ *ь* (въ церк.-слав. сочетаніяхъ *ръ*, *ль*), коренное *o* (*ѡ*) вошло въ составъ *ж* или перешло въ *а* (въ церк.-слав. сочетаніяхъ *ра*, *ла*), въ *e* (послѣ *ј*), въ *ъ*, а коренное *ь* перешло въ *а* (послѣ *ј* и шипящихъ), то естественно, при чередованіи гласныхъ мы наблюдаемъ чередованіе не только *e*, *o*, *ь*, но и ихъ производныхъ. Мы находимъ:

за-кон-ъ, за-чѣн-ж, за-ча-ти; ѣм-лѣж (изъ *јом-лѣж*), вѣз-ѣм-ж, вѣз-л-ти; за-пон-а, рас-пѣн-ж, рас-па-ти, пѣ-то; звон-ъ, звѣн-ѣти, звѣж-ъ; по-грав-ѣж, по-грѣз-ити; мат-ежъ, мѣт-ити; мак-ѣжъ, мѣж-а; съ-праг-ати, сѣ-праг-ъ;

пер-ж, о-пор-а, прѣ-ти (изъ *пер-ти); мор-ъ, мѣр-ж, мрѣт-и (изъ *мер-ти); от-вор-ити, вѣр-ж, врѣ-ти; пол-ѣти, пла-мѣ (изъ *пѣл-мѣ); про-стор-ъ, стра-на (изъ *стѣр-на), про-стрѣ-ти (изъ *стер-ти); мѣрз-ѣж, мраз-ъ (изъ мѣрз-ъ); смѣрд-ѣти, смрад-ъ; мѣрк-ѣж, мрак-ъ; др.-русск. влѣж-ъ (причаст. прош. вр.), ц.-сл. об-(в)лак-ъ, влѣж-ж;

жел-ати, жал-ѣти (изъ *жѣл-ѣти); жер-авъ (горячій), гор-ѣти, сѣ-гар-ати, жар-ъ (изъ *жѣр-ъ); кад-ити, чад-ъ (изъ *чѣд-ъ).

СВЯТЫЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ЦЕРКОВЬ

Чередованіе коренныхъ гласныхъ *e, o, ѣ, a, ъ, з* въ родственныхъ между собою словахъ церк.-славянскаго языка не принадлежить къ числу свойствъ ни этого языка, ни вообще славянскихъ языковъ. Оно развилось въ недосыгаемой для науки древности, еще въ глубинѣ обще-индо-европейскаго періода, и досталось церк.-слав. языку по наслѣдству въ той же мѣрѣ, въ какой и другимъ индо-европейскимъ языкамъ. Въ послѣднихъ чередуются тѣ гласные, которые соотвѣтствуютъ славянскимъ *e, o, ѣ, a* и проч., т. е. всего чаще: въ санскритѣ—*a* и *ā*, въ греческомъ—*e, o, γ, ω*, въ латинскомъ—*e, o, ē, ō* (съ ихъ производными), въ литовскомъ *e, a, ē, o*. Въ обще-индо-европейскомъ языкѣ всего чаще должны были чередоваться коренные гласные *e, a* (близкое къ *o*), *ē, ā* (близкое къ *o*), а иногда (когда въ церк.-славянскомъ являлись *ъ* и *з*) могли принимать участие въ чередованіи также гласные плавные и носовые (*er, ar, ēr, ār* и гласный *r*; *et, at, ēt, āt* и гласный *n*).

Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ классическихкихъ языковъ и литовскаго:

греч. *κλέπ-τω, κέ-κλοφ-α, κλωπ-άομαι; τρίπ-ω, τρέπ-ος, τρωπ-άω; φέρ-ω, φέρ-ος; λέγ-ω, λόγ-ος; λέχ-ομαι, ἄ-λοχ-ος; δέω, δί-δη-μι; μέλ-ει, μέ-μηλ-ει; τί-θε-μεν, τί-θη-μι; δι-δο-μεν, δό-σις, δῶ-ρον; πο-τέν, πέ-πω-κα; ὀπ-τέον, ὀπ-ωп-α; ῥήγ-νυμι, ἔ-ῥρωγ-α; πτήσσω, πτώσσω; ἀρήγω, ἀρωγός;*

лат. *teg-o, tog-a, tēxi, tēg-ula; dec-et, doc eo; vel-le, vol-o; sequ-or, soc-ius; sed-eo, sēd-es; ed-o* (наст. вр.), *ēd-i* (перф.); *leg-o, lēg-i; voc-o, vox vōcis;*

лит. *met-u* (бросаю), *at-mat-as* (отбрось), *mēt-au* (прош. вр.); *peš-u* (тащу), *pra-naš-as* (пророкъ); *tek-u* (теку), *tak-as* (токъ); *ved-u* (веду), *vad-as* (вожакъ); *darb-as* (работа), *dirb-u* (работаю); *ger-iu* (пью), *gēr-is* (питье), *gīg-a* (напитокъ); *slenk-u* (ползу), *slank-a* (лѣвится), *slink-ti* (неопред. н.).

Наблюдая тѣ случаи, гдѣ въ церковно-славянскомъ, греческомъ, латинскомъ и литовскомъ чередуются въ родственныхъ словахъ гласные группы *A*, мы иногда можемъ замѣтить связь между качествомъ кореннаго гласнаго съ одной стороны и суффиксомъ слова съ другой; иначе говоря, мы можемъ установить зависимость кореннаго гласнаго въ словѣ отъ суффикса этого слова и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ значенія этого слова, насколько оно опредѣляется суффиксомъ.

Въ церковно-славянскомъ языкѣ особенно замѣтна связь съ суффиксами коренныхъ *e* и *o*.

Коренное *e* съ его производными мы находимъ, между прочимъ:

1) въ формахъ настоящаго врем. изъявительнаго накл., образованныхъ посредствомъ суффикса *o* (*ǎ*)—*e*: ц.-сл. бер-ж, бред-ж, вед-ж, вез-ж, греб-ж, жен-ж, мет-ж, нес-ж, пе-кж, рек-ж, тек-ж; стрыг-ж (изъ *стерг-ж), влк-ж; блд-ж (а изъ *en*), мат-ж (но: мог-ж); сравни:

греч. φέρ-ω, ἔλκ-ω, ἔχ-ω, λέγ-ω, λέχ-ομαι, τρέπ-ω, τρέφ-ω;

лат. fer-o, veh-o, leg-o, ter-o, em-o, reg-o, pet-o, sequ-or;

лит. ved-u, vež-u, gen-u, met-u, neš-u, tek-u, velk-u (влеку);

2) въ глагольныхъ формахъ, тѣсно связанныхъ по происхожденію съ формами настоящаго врем., между прочимъ въ формахъ неопредѣл. н. и причастія настоящ. вр.: ц.-слав. неопред. н. брес-ти, вес-ти, стрышти, мас-ти и т. п.; сравни:

греч. φέρ-ειν, ἔχ-ειν и т. п.;

лат. fer-ge, veh-ere и т. п.;

лит. ves-ti, veš-ti и т. п.

Коренное *o* (*ǎ*) съ его производными мы находимъ, между прочимъ:

1) въ именахъ съ ц.-слав. суффиксомъ *o*—*e*: ц.-сл. съ-боръ, брод-ъ, -вод-ъ, воз-ъ, гроб-ъ, водо-нос-ъ, про-рок-ъ, по-ток-ъ, нов-ъ, об-(в)лак-ъ (изъ —*вълк-ъ), водо-ѣмъ (изъ —*јом-ъ), блд-ъ, сж-пржг-ъ; сравни:

греч. φόρ-ος, ὄχ-ος, λόγ-ος, τρόπ-ος и т. п. (но: νέφ-ος);

лат. rog-us, pov-us и т. п.;

лит. vad-as, tak-as, pav-as (новый) и т. п.;

2) въ формахъ настоящаго врем. изъявительн. накл. (а вмѣстѣ съ ними и въ другихъ глагольныхъ формахъ, въ томъ числѣ въ ф. неопредѣленнаго накл. и причастій) глаголовъ съ суффиксомъ *ǐ* (ц.-сл. *u*): благо-вол-ѣж вол-и-ши, гон-ѣж гон-и-ши, лов-лѣж, лом-лѣж, мол-ѣж, мор-ѣж, твор-ѣж, хожд-ж, блжждж, мжчж (но: вел-ѣж, држж-ж, тѣрп-лѣж и т. п.);

3) въ формахъ настоящаго вр. изъявительнаго накл. съ ц.-слав. суффиксомъ *jo*—*je*: ц.-сл. бор-ѣж бор-ѣ-ши, кол-ѣж кол-ѣ-ши, зоб-лѣж зоб-лѣ-ши (но: мел-ѣж, стел-ѣж);

4) въ именахъ съ суффиксомъ *jo*—*je* (муж. и средн. р.) или *ja*—*jo* (женск. р.): ц.-сл. вождъ (изъ *вод-јѣ), ножъ (изъ *ноз-јѣ),

лож-е, пол-е, гор-е, зор-я, русск. по-гон-я, гроб-ля, нош-а, вон-я, вол-я, дол-я, тжч-а (но: межда, по-стал-я и т. п.).

Кромѣ указаннаго выше чередованія коренныхъ гласныхъ, мы находимъ въ церковно-славянскомъ, греческомъ, латинскомъ и литовскомъ языкахъ чередованіе *o* (*ā*) и *e* съ ихъ производными въ суффиксахъ, образующихъ именныя и глагольныя основы.

Церковно-славянскія имена мужскаго рода, оканчивающіяся въ имен. п. ед. ч. на *z*, имѣютъ въ своихъ основахъ въ однихъ падежахъ (*a* равно въ чистой основѣ, входящей въ составъ сложныхъ словъ)—*o* (откуда *z*), въ другихъ—*e*: вълко-мъ (дат. мн.), вълкъ (им.-вин. ед.), вълче (зв. ед.); рабо-мъ, рабе; бого-мъ, бого-носѣнь, боже. Имена, оканчивающіяся въ имен. ед. на *ъ* (изъ *jz*) вмѣсто *o* имѣютъ *e* (изъ *jo*): мжземъ.

Церковно-славянскія имена средн. рода, съ окончаніемъ въ имен.-вин. ед. *o*, въ род. ед. *ese*, имѣютъ въ основахъ въ имен.-вин. ед. *o*, въ прочихъ падежахъ *e*: небо (изъ *небос), небес-е, небес-а и т. д.; коло, колес-е, колес-а и т. д.; слово, словес-е, словес-а; чудо и т. д.

Церковно-славянскіе глаголы въ формахъ настоящ. вр., аориста и имперфекта имѣютъ въ однихъ лицахъ *o*, въ другихъ *e*: несутъ (изъ *несо-нтъ), несе-ши, несе-тъ, несе-те; несо-мъ (1 мн. аор.), несе, несе-те (2 мн. аор.); несѣахо-мъ (1 мн. имперф.), несѣаше, несѣаше-те; дажтъ (изъ *дајо-нтъ), дамъ-ши и т. д.

Сравни греч. 1) λύχο-ς, λύχο-ν, Λυχό-φρων, λύχε; ἄνθρωπος, ἄνθρωπο-φάγος, ἄνθρωπε; 2) νέφος, νέφε(σ)-ος, νέφε(σ)α; ἔπος, ἔπεος; ἔλχος, ἔλχεος; 3) λείπο-μεν, λείπουσι (изъ *λείπο-ντι), λείπε-те, ἔλιπο-ν, ἔλιπο-μεν, ἔλιπε-ς, ἔλιπε-те, ἔλειπον, ἐλείπο-μεν, ἔλειπε-ς, ἐλείπε-те;

лат. 1) lupi-s, lupi-m (изъ lupo-s, -m), lupе, domini-s, domini-e; 2) genus (изъ genos), gener-is, gener-a; opus, oper-is, oper-a (но corpus, corpor-is и др.); 3) vehu-nt (изъ veho-nt), vehi-s, vehi-t, vehi-tis (изъ vehe-s, vehe-t, vehe-tis);

лит. 1) vilka-s (им. ед.), vilka-i (им. мн.), vilka-ms (дат. мн.), vilke (зв. ед.).

Вообще церковно-славянскій языкъ относительно чередованія гласныхъ въ суффиксахъ въ общемъ вполне согласенъ съ другими индо-европейскими языками. Можно отмѣтить только одну особенность: формы 1 л. мн. (и дв.) ч. наст. вр. имѣютъ въ немъ (какъ и

въ латинскомъ) *e*: *несе-мъ* (*несе-вѣ*), тогда какъ языки греческій и литовскій указываютъ на *o*: *λείπο-μεν*, *vežā-me*. Надо думать, въ виду *o* въ основахъ формъ 1 л. мн. ч. аориста и имперфекта: *несо-мъ*, *несѣахо-мъ*, — что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ славянскимъ новообразованіемъ, возникшимъ подъ влияніемъ формъ съ *e*, т. е. что новая форма *несе-мъ* замѣнила собою древнюю форму 1 л. мн. ч. наст. вр. *несо-мъ* подъ воздействиемъ формъ *несе-ши*, *несе-тъ*, *несе-те*. Сравни литовскую форму 2 л. мн. ч. наст. вр. *vežā-te*, вмѣсто ожидаемой *vežete*, которая, вѣроятно, обязана своимъ происхожденіемъ влиянію формы 1 л. мн. ч. *veža-me* и т. п.

Рядомъ съ чередованіемъ въ родственныхъ между собою словахъ коренныхъ *e*, *o*, *ъ*, *a*, *ь*, *з* съ ихъ производными, мы находимъ какъ въ церковно-славянскомъ, такъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ чередованіе *e*, *o*, *ъ*, *a*, *ь*, *з* и ихъ производныхъ съ одной стороны и *и* съ другой. Количество словъ, имѣющихъ въ корнѣ это *и*, сравнительно не велико. Это—слова съ плавнымъ или носовымъ согласнымъ въ корнѣ: *съ-бир-ати*, *по-жир-ати*, *про-жир-а*, *у-мир-ати*, *про-стир-ати*, *у-стил-ати*, русск. *на-стил-ка*, *по-мин-ати*, *по-мин-ь*, *начин-ати*, *чин-ь*. За ними слѣдуетъ нѣсколько словъ въ родѣ *съ-жиз-ати*, *съ-жиг-ати*, *про-риц-ати*, *на-рич-ж*, *ис-тиц-ати*, *у-шидъ* (бѣглець, Свят. Сборн. 1073 г. 67 об.).

Приведенныя слова и имъ подобныя, вѣроятно, принадлежать къ числу славянскихъ новообразованій. Коренное *и* явилось въ нихъ не путемъ измѣненія *ъ*, *ъ* или иного гласнаго, а путемъ аналогій словъ чередующихъ *ъ* и *и* (вторая группа чередованій, группа *Л*). Дѣло въ томъ, что почти всѣ слова съ *и*, въ родѣ *съ-бир-ати*, имѣютъ при себѣ родственныя слова съ кореннымъ *ъ*, или древнимъ, соотвѣтствующимъ литовскому *i* (въ *il*, *ir*), или новымъ, развившимся на славянской почвѣ изъ *e*. Такъ, при *-бир-ати*, мы находимъ *бър-ати*; при *-жир-ати* — *жърж*, *жър-ати*; при *-мир-ати* — *мър-ж*, *у-мър-лъ* (причастіе) и т. п.; при *-стир-ати* — *про-стър-лъ* (причастіе); при *-стил-ати* — *стъл-ати*; при *-чин-ати* — *чън-ж*; при *-мин-ати* — *мън-ж*, *мън-ѣти*; при *-чин-ати* — *чън-ж*, *на-чън-ь*; при *-жиз-ати* — *жъс-и*, *жъж* (Супр. р., Остр. Ев.); при *-риц-ати* — *ръц-и* (повелит. накл.), (повелит. накл.), др.-русск. *ръ-у*; при *-тиц-ати* — *тъц-и* (повелит. накл.); при *у-шид-ь* — *шъд-ь* (причастіе).

Коренное *ь* въ приведенныхъ словахъ, будучи въ звуковомъ отношеніи тождественно съ *ь* изъ обще-индо-европ. *i*, было причиною образованія новыхъ словъ (родственныхъ) съ кореннымъ *и*, по образцу уже существовавшихъ, древнихъ словъ съ кореннымъ *и*. Такимъ образомъ *ь* въ *бър-ати*, *стъл-ати*, *мьн-ѣти*, тождественное въ звуковомъ отношеніи *ст ъ* въ *пѣсати*, повело къ образованію словъ *бир-ати*, *стмл-ати*, *мин-ати*, *по-мин-ъ*, по образцу *пис-ати*, *за-пис-ь*, причеиъ установилось между *бър-ати* и *бир-ати* то самое отношеніе, которое существовало издревле между *чѣтати*, *чѣт-ити*, *чѣт-ж* и *чит-ати*, *чист-и*; между *пѣс-ати* и *пис-ати*, *пиш-ж*; между *жд-ати*, *жд-ж* и *о-жд-ати*, *жид-ж*; между *цвѣт-ж* и *цвѣт-ати*, *цвѣс-ти*, и т. п.

Впрочемъ возможно, что нѣкоторыя слова съ *и* получили свое начало не на славянской, а на славяно-литовской почвѣ; напримѣръ, *по-жив-ати*; сравни лит. *gīp-iaū* (прош. вр. къ *gīp-и*, отражаю); но вполнѣ возможно, что многочисленныя литовскія слова съ *ī* — независимыя собственно-литовскія новообразованія, лишь случайно совпавшія со славянскими.

Славянскія новообразованія въ родѣ *бир-ати* отчасти совсѣмъ, безъ остатка, вытѣснили старыя образованія съ *ь* въ родѣ *бър-ати* (польск. *biegać* и т. п. не имѣютъ съ этими послѣдними ничего общаго), отчасти стали употребляться рядомъ съ ними. Такъ, новое *по-мип-ати* стало употребляться рядомъ съ старымъ *мып-ити*, *съ-жиз-ати*, *-жиг-ати* рядомъ съ *жиг-ати* (изъ **жьг*—), *по-риц-ати* рядомъ съ старымъ *про-рък-ати*.

Наконецъ мы должны отмѣтить еще одно славянское новообразованіе — чередованіе *о* и *а* въ суффиксахъ (въ глаголахъ). Церковно-славянскій языкъ имѣетъ ф. неопред. накл. *свободити* и *свобождати*; въ русскомъ подобныя глагольныя формы довольно многочисленны: *роботаю* и *выробатываю* и т. п. Здѣсь мы имѣемъ дѣло, безъ сомнѣнія, съ результатомъ вліянія на формы *свободити* и *свобождати*, *работити* и *работати* формъ съ *о* и *а* въ корнѣ — *носити* и *напсати* и т. п.

II. Группа J. Корни родственныхъ между собою церковно-славянскихъ словъ группы J отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что имѣютъ: одни—*ь*; другіе—*и* (изъ обще-индо-европ. *i* и изъ обще-индо-европ. *ei*), третьи — *ь* (изъ обще-индо-европ. *ii*), четвертые—*aj*, пятые (немногіе) —*aj*. Такимъ образомъ въ нихъ чередуются *ь*, *и*, *ь*, *aj*, *aj*. Изъ

нихъ *oj* и *aj* мы находимъ только въ корняхъ открытыхъ (обыкновенно оканчивающихся на гласный звукъ).

Корней закрытыхъ, въ которыхъ бы чередовались три гласныхъ *ъ, и, ъ*, немного: свѣ(т)-ѣж, свѣт-ати, свѣт-ѣ; цвѣт-ж, цвѣт-ати, цвист-и, цвѣт-ѣ; лѣп-ѣти, русск. лѣ(п)-путь, при-лѣп-ати, лѣп-ити; мыг-нѣти, миг-ѣ, съ-мѣж-ити.

Корней закрытыхъ, въ которыхъ бы чередовались два гласныхъ, нѣсколько больше: жид-ати, жид-ати, жид-ж (наст. вр.); съ-чѣт-ати, чѣт-ити, чит-ати, чис-ти; стѣз-я, до-стиг-ати; зѣд-ати, зид-ати, зиждѣ; пѣс-ати, пис-ати, пишж; пѣх-ати, пих-ати; о-слѣп-нѣти, о-слѣп-е. (аор. 3 л. ед.), слѣп-ѣ; вид-ѣти, вѣд-ѣти; вис-ѣти, вѣс-ѣ; пѣт-ати, пѣс-тунѣ, русск. пѣт-аться; смн-ѣ, смн-ѣ; чист-ѣ, о-чѣст-ити.

Корней открытыхъ, въ которыхъ бы чередовались *ъ, и, ъ, oj, aj*, совсѣмъ нѣтъ.

Немногіе корни имѣютъ чередованіе четырехъ звуковъ и звуковыхъ сочетаній, большая же часть — по три и по два: пѣ-жк, пи-ти, пи-во, покж (= *poj-ж*), на-пѣжти (= *-пај-ати*); по-чѣ-жк, по-чи-ти, покои (= *-кој-и*), по-каяти (Лѣствица Рум. М. XII в. 171 об. = *-кај-ати*); бѣ-жк, би-ти, бои; гнѣ-жк, гни-ти, гнои; лѣ-жк, ли-ти, лѣ-жк; смѣ-жкѣ, смѣ-хѣ; дѣ-тѣ, дож; бѣ-сѣ, божкѣ; пѣ-ти, покж.

Чередованіе коренныхъ *ъ, и, ъ, а, oj, aj*, отмѣченное нами въ церковно-славянскомъ языкѣ, также какъ чередованіе *е, о, ъ, а, ъ, з*, не принадлежатъ къ числу свойствъ ни этого языка, ни вообще славянскихъ языковъ. Оно также развилось еще на почвѣ общепиндо-европейскаго языка и также принадлежитъ, вмѣстѣ съ славянскими, и другимъ индо-европейскимъ языкамъ. Въ послѣднихъ чередуются тѣ звуки и звуковыя сочетанія, которыя въ нихъ соотвѣтствуютъ славянскимъ *ъ, и, ъ, oj, aj*, т. е. въ санскритскомъ языкѣ *i, ī, ē* (= *ai*), *aj, āj*, въ греческомъ *i, ī, ei, oi...*, въ латинскомъ *i, ī* (нзъ *ī, ei*), *oe* (*ū*), *ej*, въ литовскомъ *i, ī, ē* (*ei*), *ai, ej, aj*, а также *ej*.

Въ общеиндо-европейскомъ языкѣ должны были чередоваться *i, ī, ei, ai, ej, aj, ēj, āj* (съ *a* близкимъ къ *o*).

Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ классическихкихъ языковъ и литовскаго:

греч. $\text{F}\iota\delta\text{-}\acute{\epsilon}$, $\text{F}\epsilon\acute{\iota}\delta\text{-}\omicron\varsigma$, $\text{F}\epsilon\iota\delta\text{-}\acute{\omega}\varsigma$, $\text{F}\omicron\acute{\iota}\delta\text{-}\alpha$; $\xi\text{-}\lambda\iota\pi\text{-}\omicron\nu$, $\lambda\epsilon\acute{\iota}\pi\text{-}\omega$, $\lambda\omicron\iota\pi\text{-}\acute{\omicron}\varsigma$; $\sigma\tau\iota\chi\text{-}\epsilon\acute{\iota}\nu$, $\sigma\tau\epsilon\acute{\iota}\chi\text{-}\omega$, $\sigma\tau\omicron\chi\text{-}\omicron\varsigma$; $\acute{\epsilon}\pi\acute{\epsilon}\text{-}\pi\iota\theta\text{-}\mu\epsilon\nu$, $\pi\epsilon\acute{\iota}\theta\text{-}\omega$, $\pi\acute{\epsilon}\text{-}\pi\omicron\iota\theta\text{-}\alpha$; $\xi\text{-}\pi\iota\text{-}\omicron\nu$,

πῖ-θι; τῖω, τῖω, ἔ-τῖ-σα; λῖβ-άς, λείβ-ω; ἴ-μεν, εἴ-μι; δεῖδ-ω, δέ-δοι-κα; Феѡ-ω, Fé-Foix-а;

лат. *fid-es*, *per-fid-us*, *con-fid-o* (і изъ *ei*: ст.-лат. *di-feid-ens*), *foed-eratus* (= ст.-лат. *foid-eratos*); *in-dic-o*, *dīc-ere* (= *deic*—); *i-tum*, *i-t* (= *ei-t*), *co* (изъ *ej-o*);

лит. *lik-ti* (оставлять), *at-lik-is* (рабочій отдыхъ), *lĕk-u* (наст. вр.), *pa-laik-as* (остатокъ); *švit-u* (сіяю), *švit-ūti* (блистать), *švĕsa* (изъ *švĕt-sa*, свѣтъ), *švait-au* (освѣщаю); *snig-ti* (идти свѣгу), *snĕg-as* (свѣгъ), *snaig-ala* (снѣжинка); *rit-u*, *ris-ti* (катить), *rĕt-u*, *rĕt-ĕti* (катиться), *rait-au* (круживаю); *vi-jau* я вилъ (пр. вр.), *vī-ti* (вить), *vai-nikas* (вѣнокъ), *vej-u* (вью), *vaj-oti* (-вивать); *li-jau* (я лилъ), *li-t* (дождить), *lĕ-tus* (дождь), *lai-dau* (заставляю течь).

Промѣ чередованія *ѡ*, *и*, *н*, *ој*, *ој* между собою въ открытыхъ корняхъ, мы ожидали бы видѣть въ церковно-славянскомъ языкѣ чередованіе ихъ также съ *ѡј* и *иј* (сравни чередованіе *з*, *ы*, *у*, *ов*, *ав* съ *зѡ* и *ыѡ*). И дѣйствительно, мы имѣемъ небольшое количество случаевъ этого чередованія: при *бѡ-жъ*, *бу-ти* — *у-бѡѣти* (Зогр. Ев., Син. Пс., Мар. Ев.; сравн. *мѡ-жъ*, *мы-ти* и *мзѡ-ати*) = *-бѡј-ати*, пол. *u-bij-ać*, *у-бѡѣство* (Зогр. Ев., Галицк. Ев. 1144 г.), *у-бѡѣство* = *-бѡј-ѣство*, *у-бѡѣца*, *члѡвѣкоу-бѡѣць* (Гал. Ев. 1144 г.) = *-бѡј-ѣцъ*, русск. *зѡ-бѡѣца* = *-бѡј-ѡѡца*; при *вѡ-жъ*, *ви-ти* — *по-вѡѣти* (Кл. Сб.) = *-вѡј-ати*; при *лѡ-жъ*, *ли-ти* = *вѡз-лѡѣти* (Мар. Ев.) = *-лѡј-ати*; при *пѡ-жъ*, *пи-ти* — *пѡѣница* (Зогр. Ев.) = *пѡј-ѡѡница*, *пѡѣнѣство* (Зогр. Ев.) = *пѡј-ѡѡнѣство*, *вино-пѡѡѣца* (Гал. Ев. 1144 г.), *вино-пѡѡѣца* = *-пѡј-ѡѡца* (срв. *пѡѡ-ѡѡца* Зогр. Е.), пол. *wy-rj-ać*.

Кажется, большая часть церковно-славянскихъ древнихъ глагольныхъ образованій, имѣвшихъ *ѡј*, *иј* въ корнѣ, вытѣснена новыми образованіями, въ которыхъ вмѣсто *ѡј*, *иј* является *иѡ* и которыя возникли подъ вліяніемъ древнихъ образованій съ кореннымъ *ыѡ* или *иѡ* (изъ *ыѡ*).

Къ числу этихъ новыхъ образованій принадлежать всѣ глаголы въ родѣ *у-бѡѡѣ-ати*, *ис-пѡѡѣ-ати*, *за-гнѡѡѣ-ати*, *по-чѡѡѣ-ати*, *прѣ-лѡѡѣ-ати*, существительныя въ родѣ ц.-сл. *пѡѡѣ-ѡѡца*, русск. *у-бѡѡѣ-ѡѡць*, *у-бѡѡѣ-ѡѡство*, а вѣроятно, и всѣ причастія въ родѣ *любѡѡѣ-ѡѡ*, *творѡѡѣ-ѡѡ* (рядомъ съ древними *любѡѡ*, *творѡѡ*), возникшія по образцу *бѡѡѣ-ати*, *сѡѡ-крѡѡѣ-ати*, *о-мѡѡѣ-ати*, *сѡѡ-шѡѡѣ-ати*, *бѡѡѣ-ѡѡ*, *крѡѡѣ-ѡѡ* и т. д.

Сравни глагольные образования *дав-ати*, *по-мао-ати*, *о-дѣа-ати*, *за-тѣмѣа-ати*, *недо-умѣа-ати*, *обитаа-ати*, *подѣ-копаа-ати* и т. п. (рядомъ съ *дая-ти*, *мая-ти*, *о-дѣа-ло*, *дѣа-ти*, **умѣа-хъ*, **копаяхъ*, 1 л. имперф.), причастія *дав-ѣ*, *одѣа-ѣ* и т. п., возникшія по образцу *быа-ати*, *быа-ѣ* и т. п. отчасти на славянской почвѣ, отчасти, быть можетъ, на славяно-литовской (ц.-слав. *дав-ѣ* почти тождественно съ литовск. причастіемъ прош. вр. *дав-ęs*).

Чередованіе *ъ*, *ѣ*, *и* и пр. въ церк.-славянскомъ языкѣ и соотвѣтствующихъ звуковъ въ родственныхъ языкахъ не ограничивается корнями словъ; его мы находимъ также въ суффиксѣ именныхъ формъ, образующемъ основу—ц.-слав. *ъ*, обще-индо-европ. *і*. Одни формы церк.-славянскихъ словъ на *ъ* сохраняютъ въ основѣ *ъ*: *гость*, *кость* (им.-вин. ед.), *гость-мъ* (тв. ед.), *гость-мѣ* (дат. мн.), *гость-ми* (тв. мн.); въ другихъ мы видимъ *ѣ*: *гостіе*, *гостіе* (= *гостѣ-е*, им. мн.), *гостіи*, *гостіи* (= *гостѣ-и*, род. мн.); въ третьихъ мы находимъ *и*: *гости* (род., дат., мѣстн. ед., им.-вин. дв.), *очи-ма*, *уши-ма* (дат.-тв. дв.).

Родственные языки представляютъ въ главномъ то же явленіе. Именно въ основахъ на *і* (≙ слав. *ъ*) мы находимъ чередованія:

въ санскритѣ — *і*, *ī*, *ē* (= *ai*), *aj*: *avi-s* (овца, им. ед.), *avī* (им.-вин. дв.), *avē-s* (род. ед.), *avē* (зв. ед.), *avaj-ē* (мѣстн. ед.);

въ литовскомъ — *і*, *ī*, *ē* (изъ *ei*): *akī-s* (глазъ), *akī-mi* (тв. ед.), *akī-s* (им. мн.), *akē-s* (род. ед.).

III. Группа У. Корни родственныхъ между собою церковно-славянскихъ словъ группы У отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что имѣютъ: одни — *ъ*, *ѣ*, другіе — *ы*, *ѣ*, третьи — *у*, четвертые — *о*, пятые (немногіе) — *а*. Такимъ образомъ въ нихъ чередуются *ъ*, *ѣ*, *ы*, *ѣ*, *у*, *о*, *а*. Изъ нихъ *ъ*, *ы*, *у* находятся въ корняхъ какъ открытыхъ, оканчивающихся на гласный, такъ и закрытыхъ, а *ѣ*, *ѣ*, *о*, *а* — только въ корняхъ открытыхъ.

Корней закрытыхъ, въ которыхъ бы чередовались три гласныхъ — *ъ*, *ы*, *у*, довольно мало: *бѣд-ѣти*, *бѣд-ръ*, *въз-бѣд-ати*, *буд-ити*; *дѣх-нѣ*, *дых-ати*, *дух-ѣ*; *гѣб-нѣ*, *съ-гѣб-ати*, *съ-гѣб-ати*, *гѣб-нѣ*, *губ-ити*; *рѣд-ѣти*, *рѣжда*, *рыжда*, русск. *руд-а*; *сыл-ати*, *по-сыл-ати*, *сул-ити*; *сып-ж*, *сып-ати*, *сѣ(п)-ти*; *сѣх-нѣ*, *за-сѣх-ати*, *сѣх-ѣ*.

Корней закрытыхъ, въ которыхъ чередовались бы какіе-либо два изъ указанныхъ гласныхъ, больше: глѣх-нж, глух-ъ; мѣш-ща, мух-а; стрѣг-ати, струг-ати; крѣх-а, круш-яти; дѣм-ж, на-дым-ати; лѣг-ж, при-лыг-ати; за-мѣк-нж, за-мѣк-ъ, за-мык-ати; сѣп-ати, сѣ(п)-нѣ, за-сѣп-ати; тѣх-нж, тѣк-ати; нѣнѣ = совр. русск. новѣ (Ассем. Ев. 68, Син. Пс. 19), нынѣ; стѣд-ъ, студ-ъ; сыр-ъ, сур-овѣ; в-ык-нж, уч-ити.

Корней открытыхъ, въ которыхъ бы чередовались *з, зв, ы, ыв, у, ов, ав*, не существуетъ, и лишь очень немногіе имѣютъ по нѣскольку изъ этихъ звуковъ и звуковыхъ сочетаній: плѣз-нѣе (струя; іеръданская плѣнѣ Син. Пс. 4), русск. плы-ти, русск. перс-плыв-ати, плу-ти, плов-ж, плав-ати; русск. слы-ти, русск. про-слыш-ати, слу-ти, слов-о, слов-ж, слав-а; о-сныш-ати (Син. Пс. 226), сну-ти, о-снов-а; бы-ти, быв-ати, за-бав-а; тру-ти, тров-ж, о-трив-а; др.-русск. крѣ-ю, по-крѣв-снѣ, кры-ти, по-крьв-ати, кров-ъ; рѣв-ж, рѣв-ати, ры-ти, -рыш-ати, ров-ъ; др.-русск. мѣ-ю (мою), у-мѣв-ати (русск. Типогр. Ев. № 6 л. 57 об.), у-мѣв-снѣе (Остр. Ев.), у-мыш-ати; звѣ-ати, при-звѣ-ати, зов-ж; стру-га (Син. Пс. 208), стру-я, о-строе-ѣ; ку-шж, ков-ати, ков-ъ, по-каш-ати (др.-русск. Путатяна Минея XI в. 50 об.); су-ти, сов-ати, и т. п.

Такъ какъ послѣ *ј* въ корнѣ *з* перешло въ *ъ, ы*—въ *и, о*—въ *е*, то понятно, при чередованіи гласныхъ группы *У* мы иногда видимъ чередованіе не *з, ы* и пр., а ихъ производныхъ: шѣ-шж, шѣв-снѣ, шѣв-ъ, ши-ти, сѣ-шив-ати (*ш* изъ *сј*: сравни лит. *siu-ti* шить, лит. *su-egė*); плѣ-ати, плю-нжти (*л* изъ *ј*: сравни лит. *spiau-ti* плесвать, греч. πτόω изъ *πјύ-ω, лит. *spu-egė*); жѣв-ати, жю-шж; бѣв-ати, бю-шж; рю-ти, рев-ж.

Сверхъ того, въ нѣсколькихъ словахъ мы находимъ чередованіе, рядомъ съ *у* изъ обще-индо-европ. *au*, также *ю* изъ обще-индо-евр. *eu*: бѣд-ѣти, буд-ити — бюд-ж (*л* изъ *ј*, сравни греч. πείθ-ομαι); русск. куд-о — чюд-о (сравни греч. κεύθ-ος).

Чередованіе коренныхъ *з, зв, ы, ыв, у, ов, ав*, отмѣченное нами въ церковно-славянскомъ языкѣ, также какъ чередованіе *е, о, ъ, а, ъ, з*, не принадлежитъ къ числу свойствъ ни этого языка, ни вообще славянскихъ языковъ. Оно также развилось еще въ обще-индо-европейскій періодъ и также принадлежитъ, вмѣстѣ съ славянскими, и другимъ индо-европейскимъ языкамъ. Въ послѣднихъ обыкновенно чередуются тѣ звуки, которые соотвѣтствуютъ славянскимъ *з, зв, ы,*

ы, у, ов, ав, т. е. въ санскритѣ *u, uv, u, uv, o* (изъ *au*), *au, āu*, въ греческомъ *υ, υF, ū, ūF, ου, οF, ωF* (а также *ευ, εF*); въ латинскомъ *u, uv* (= слав. *ю, юв*), *ū* (= слав. *у, у*), *ūv* (= слав. *юв*), въ литовскомъ *u, uv, ū, ūv, au, ov* (= слав. *ав*). Въ обще-индоевропейскомъ языкѣ должны были чередоваться *u, uv, ū, ūv, eu, au, ev, av, āv* (съ *a* склоняющимися къ *o*).

Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ классическихъ языковъ и литовскаго:

греч. *ξ-φυγ-ον, φεύγ-ω; ζυγ-όν, ζεύγ-νυμι; ἐρυθ-ρός, ἐρεύθ-ω; ἀμφι-λύκη, λευκ-ός; σπεύδ-ω, σπουδ-ή; κέλευθ-ος, ἀχόλουθ-ος; φύ-σις, φύ-ω, φύ-ω, ξ-φῦ-σα; ῥύ-σις, ἐ-ῥῥύF-ηκα, ῥεῦμα, ῥέF-ω, ῥόF-ος; πλεύ-σομαι, πλέF-ω, πλόF-ος, πλώF-ω;*

лат. *fug-io, fūg-i; dux duc-is, dūc-ere; luc-erna, lux lūc-is; plu-it, plūv-it* (перф.), *plāv-ius*, ст.-лат. *per-plov-ere; fluv-idus, flūv-idus*, ст.-лат. *con-flov-ere;*

лит. *bud-gus* (бодрый), *būd-inė* (ночная стража), *baud-a* (наказаніе); *rud-as* (рыжий), *rūd-is* (ржавчина), *gaud-as* (красный); *krūš-u, krūš-ti* (сокрушать), *krauš-ius* (горный обрывъ); *sgu-ta* (гной), *sgau-nis* (быстрый), *sgau-a* (теченіе), *sgou-ė* (токъ); *krūv-a* (куча), *krau-ti* (наваливать), *krou-iau* (прош. вр.); *tau-ti* (надѣвать, напр., кольцо), *tau-dau* (купаю), *tau-iau* (прош. къ *tauti*).

При чередованіи нѣкоторыхъ изъ коренныхъ звуковъ группы *У* въ церковно-славянскомъ языкѣ и соотвѣтствующихъ имъ звуковъ въ родственныхъ индоевропейскихъ языкахъ, иногда замѣчается нѣкоторая связь между качествомъ кореннаго гласнаго съ одной стороны и суффиксомъ слова съ другой.

Такъ, коренное *ов* (въ открытыхъ корняхъ) постоянно является въ церковно-славянскомъ языкѣ:

1) въ формахъ настоящ. врем. съ суффиксомъ *o — e*: *плов-ж, слов-ж, зов-ж, тров-ж, ков-ж, рев-ж* (изъ **рјов-ж*); но: *рзв-ж*.

Греческій языкъ имѣетъ (въ соотвѣтствіи съ кореннымъ *e* въ *φέρ-ω* и т. п.) въ открытыхъ корняхъ *εF*: *πλέF-ω, ῥέF-ω, πνέF-ω*, а въ закрытыхъ *ευ*: *πεύθ-ομαι, φεύγ-ω σπεύδ-ω*. Форма *блюдж*, единственная въ церковно-славянскомъ яз. форма съ закрытымъ корнемъ, вполне соотвѣтствуетъ греческимъ *πεύθομαι* и проч. (*ю* изъ *eu*);

2) въ именахъ существительныхъ съ суффиксомъ *o — e*: *зов-ь, ков-ь, кров-ь, ров-ь, о-стров-ь, рев-ь* (изъ **рјов-ь*).

Сравни греч. $\pi\lambda\acute{o}\sigma$ - σ , $\rho\acute{o}\sigma$ - σ .

Соотвѣтствующія церковно-славянскія имена съ закрытыми корнями имѣютъ, какъ и слѣдовало ожидать, коренное *у*: *глухъ*, *духъ*, *сухъ*.

Чередованіе *з*, *ж*, *ы* и проч. въ церковно-славянскомъ языкѣ и соотвѣтствующихъ имъ звуковъ въ родственныхъ языкахъ не ограничивается корнями; его мы находимъ также въ суффиксахъ именныхъ падежныхъ формъ и въ нѣкоторыхъ глагольныхъ образованіяхъ.

Одни падежи церк.-славянскихъ словъ съ основою на *з* сохраняютъ въ основѣ *з*; въ другихъ, вмѣсто *з*, мы находимъ *ы*, *у*, *ов*: *сынз* (основа *сынз*, им.-вин.-ед.), *сынз-мь* (тв. ед.), *сынз-мь* (дат. мн.), *сынз-ми* (тв. мн.); *сыны* (им.-вин. дв.); *сыну* (род. ед.), *сыну* (зв. ед.); *сынов-е* (им. мн.), *сынов-и* (дат. ед.).

Большая часть падежей словъ съ основою на *ж* (почти всѣ) сохраняютъ *ж*: *любж-е*, *любж-и* и т. д.; но имен. ед. имѣтъ *ы*: *любы*.

Одни формы глагольныхъ основъ съ настоящимъ временемъ на *-уж* имѣютъ въ основѣ *у* (изъ *аи*), другія *ов*: *образу-ж*, *образов-ати*; *опису-ж*, *описов-ати*. Вѣроятно, съ ними родственны основы съ *ыс* (откуда *ис*), очень рѣдкія въ церковно-славянскомъ языкѣ: *цѣлыс-ати* (Супр. р.), но обычныя въ русскомъ, польскомъ, сербскомъ и друг.: др.-русск. *утырпысати* (Жит. Бор. и Гл. по ст. XII в.), *прикладыс-ати* (Русск. Правд. по сп. ок. 1282 г.), *подъ-копыс-ати* (Румянц. Ев. XIII—XIV в. № 107); современн. *описыв-ать*, *сказыв-ать*, *оплакив-ать*, польск. *opisyw-ać* и т. п.

Одни формы глагольныхъ основъ съ настоящимъ на *ну-ж* имѣтъ въ основѣ *у*: *ми-ну-ж*, другія *ов*: *ми-нов-ати*.

Родственные языки представляютъ въ главномъ то же самое явленіе, съ тою разницею, что въ греческомъ яз. въ именныхъ основахъ на *υ* (= слав. *з*) этотъ звукъ чередуется не съ σ (= слав. *ов*), а съ ϵ .

Именно, въ основахъ на *и* (= слав. *з*) мы находимъ чередованія: въ санскритѣ—*и*, *ī*, *ō* (= *аи*), *ав*: *sūpи-s* (им. ед.), *sūpī* (им.-вин. дв.), *sūpō-s* (род. ед.), *sūpav-ē* (дат. ед.); въ греческомъ—*υ*, ϵ : $\gamma\lambda\upsilon\chi\acute{\upsilon}$ - σ , $\gamma\lambda\upsilon\chi\acute{\epsilon}$ - σ ; въ литовскомъ—*и*, *аи*: *sūпи-s* (им. ед.), *sūпай-s* (род. ед.).

Въ основахъ на *ū* (= слав. основ. на *ю*), мы находимъ чередованія:

въ санскритѣ — *ū*, *uv*: *bhṛū-s* (бровь, им. ед.), *bhṛū-su* (мѣстн. мн.), *bhṛuv-as* (род. ед.);

въ греческомъ — *ū*, *υF*: *ὄφρῦς*, *ὄφρῦν*, *ὄφρῦ(F)-ος*.

Въ глагольныхъ основахъ на *и* (родственныхъ съ слав. на *у*) мы видимъ чередованія:

въ греческомъ — *υ* и *ῡ*: *κωλύ-ω*, *κωλύ̄-σω*;

въ латинскомъ *и*, *ī*, *īv*: *volu-o* (откуда *volvo*), *volū-tum*; *metu-o*, *metū-v-i*; *in-stitu-o*, *in-stitū-tum*, *in-stitū-v-i*.

Въ глагольныхъ основахъ на *ни* (родственныхъ съ слав. на *ну*) мы имѣемъ чередованія:

въ санскритѣ *ни* и *но* (= *нау*): *г-ни-masi* (1 л. мн.), *г-нō-mi* (1 л. ед.);

въ греческомъ — *νυ* и *νū*: *ἄγ-νυ-μεν*, *ἄγ-νū-μι*.

Нѣкоторые ученые говорятъ о чередованіи *з*, *ы*, *у*, *ов*, *ав* съ *ва*. Конечно, корни словъ *кис-нж* и *кас-ъ*, *кып-ѣти* и *кап-ити*, *хыт-ити* и *хаст-ати*, а равно корни *дѣх-нж* и русск. *двош-ити*, *дыр-а* и *дыр-ь*, *двор-ъ*, *четыре* и *четвер-о*, *четыре-тъ*, *ты* и *твой*, — родственны между собою; но родство этихъ корней не столь близко, какъ родство корней съ *з* и корней съ *ы*, корней съ *ы* и корней съ *у* и т. д. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ отдаленнымъ родствомъ корней между собою, которое въ большей части случаевъ еще въ обще-индо-европейскую эпоху закончилось совершеннымъ обособленіемъ корней и утратою между ними тѣсной связи.

Большое количество церковно-славянскихъ корней, имѣющихъ гласный *е*, или *о*, или *ь*, или *а*, или *з*, или *ъ*, или *у* и т. д., ограничивается какимъ-либо однимъ изъ этихъ звуковъ съ его производными, или даже безъ производныхъ. Таковы группы словъ съ корнями: *пек-*: *пекж*, *пешъ*, *печ-ать* и т. п.; *вод-*: *вода*, *на-вод-ити*, *на-вод-ити* и т. п.; *ьд-*, *ьд-*: *ьс-ти*, *ьс-ти*, *ьд-ъ*, *ьс-тво* и т. п.; *сныг-*: *сныг-ъ*, русск. *сплж-ить* и т. п. Изъ этого не слѣдуетъ заключать, что всѣ подобныя корни никогда не знали чередованія гласныхъ. Иногда другіе славянскіе языки имѣютъ тѣ же корни съ нѣсколькими гласными; очень часто въ родственныхъ индо-европейскихъ

языкахъ этимъ славянскимъ корнямъ соотвѣтствуютъ корни съ нѣсколькими гласными. Такъ, корень *nek-*, являющійся въ церк.-славянскомъ языкѣ съ однимъ гласнымъ—съ *e*, въ русскомъ имѣетъ не только *e*, но и *ь*: *о-пѣк-а*, малорусск. *опѣка*; корень *ьд-* имѣющій не только въ церк.-славянскомъ, но и во всѣхъ славянскихъ языкахъ одинъ *ь* (изъ *ē*), въ греческомъ и латинскомъ является также съ *ē*: *ἐδ-ομαι*, *ἐδ-ο*; корень *снѣг-*, извѣстный также во всѣхъ славянскихъ яз. съ однимъ *ь*, родственъ съ корнями греч. *νίφ-ω*, лат. *nix niv-is*, лит. *snig-ti* (снѣжить).

3. С о г л а с н ы е.

Славянское *б* обыкновенно соотвѣтствуетъ:

1) скр. *bh*, греч. *φ*, лат. *f*, *b*, лит. *b*: ц.-сл. бер-ж, др.-р. беру—скр. *bhag-āmi* (несу), гр. *φέρ-ω*, лат. *fer-o*, лит. *ber-iu*; ц.-слав. братръ, брать, др.-р. братъ — скр. *bhṛātā* (братъ), гр. *φρατρία*, лат. *frāter*, лит. *broterēlis*, *brolis* (братецъ); ц.-сл. и др.-р. неб-о—скр. *pañh-as* (небо), греч. *νέφ-ος*, лат. *neb-ula*, лит. *deb-esis*.

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому восходить это слав. *б*, долженъ былъ звучать какъ *bh*, такъ что корни и основа приведенныхъ словъ въ обще-индо-европейскомъ языкѣ были *bher-*, *bhṛāter-*, *neb-*;

2: скр. *b*, греч. *β*, лат. *b*, лит. *b*. Примѣровъ чрезвычайно мало: бол.-ин—скр. *bal-iśthas* сильнѣйшій, гр. *βελ-τίων*. Надо думать, что обще-индо-европ. *b*, къ которому должно восходить это слав. *б*, встрѣчалось въ обще-индо-европ. языкѣ очень рѣдко.

Славянское *в* обыкновенно соотвѣтствуетъ санскр. *v*, греч. *F*, лат. *v*, ит. *v*: ц.-сл. и др.-р. вид-ѣти, вѣд-ѣти—*vēd-a* (знаю), *Fōid-α*, лат. *vid-co*, лит. *veiždiu* (вижу); ц.-сл. и др.-р. вез-ж, воз-ъ—санскр. *vah-āmi*, гр. *Fόχ-ος*, лат. *veh-o*, лит. *vež-u*; ц.-сл. и др.-р. слава—санскр. *śāv-as* (слава), греч. *κλέF-ος*.

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому восходить славянск. *в*, долженъ былъ звучать какъ *v*, или, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ краткое, не составляющее слога *и*,—такъ что корни приведенныхъ

словъ въ обще-индо-европ. языкѣхъ могли быть *veid-, vaid-, veg, h-, vag, h-, k, giv-*.

Кромѣ *с* изъ обще-индо-евр. *г*, церковно-славянскій языкъ имѣеть неорганическое *с*, развившееся на славянской почвѣ въ началѣ словъ, главнымъ образомъ передъ *з* и *ы*.

Славянское *п* обыкновенно соотвѣтствуетъ скр. *p*, греч. *π*, лат. *p*, лит. *p*: ц.-слав. прас-а, др.-р. порос-я—греч. *πέρχ-ος*, лат. *porcus*, лат. *praes-as* (свинья); ц.-сл. и др.-р. нъл-нѣ—скр. *pūg-pas* (полный), лат. *plēnus*, лит. *pil-pas*; ц.-сл. и др.-р. про—скр. *pra*, гр. *πρό*, лат. *pro-*, лит. *pra-*.

Обще-индо-европ. звукъ, къ которому восходить слав. *п*, долженъ былъ звучать какъ *p*, такъ что корни приведенныхъ словъ въ обще-индо-европ. языкѣхъ были *prak-, pг-, pra-*.

Славянское *г* обыкновенно соотвѣтствуетъ:

1) скр. *g* (откуда *gē*), гр. *γ*, *β*, лат. *g, gv, v*, лит. *g*. ц.-сл. и др.-р. и-о—скр. *jug-am* (иго), гр. *ζυγόν*, лат. *jugum*, лит. *jungas* (иго); ц.-сл. гов-адо, др.-р. гов-ядо—скр. *gāu-s* (рогатый скотъ), гр. *βοῦς βουφός*, лит. *galv-ijis* (изъ *gav-ijis*, рогатый скотъ), латышск. *gōw-s* (корова); ц.-сл. аз-нѣць, др.-р. аз-ня—гр. *ἀμ-νός* (изъ *ἀβ-*), лат. *āg-nus*.

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому восходить здѣсь слав. *г*, долженъ былъ звучать какъ твердое *г* (изображаемое нерѣдко *g₂*, въ отличіе отъ *г* мягкаго, небнаго—*g₁*), которое въ однихъ словахъ произносилось какъ чисто гортанный звукъ (откуда греч. *γ*, лат. *g*), въ другихъ—какъ губно-гортанный (откуда греч. *β*, лат. *gv* и его производное *v*). Такимъ образомъ корни приведенныхъ словъ въ обще-индо-европейскомъ языкѣ должны были быть *jug₂-, g₂av-, āg₂-;*

2) скр. *gh* (откуда *dāh*), греч. *χ*, *φ*, *θ*, лат. *g, h, gv, v, f*. лит. *g*: ц.-сл. до-стиг-нѣ, др.-р. до-стиг-ну—скр. *stigh-nōmi* (ступая), гр. *σταίχ-ω*, лит. *staig-a* (внезапно), *staig-us* (стремительный); ц.-сл. и др.-р. гость—лат. *hostis*; ц.-сл. и др.-р. снѣгъ—греч. *νίφ-ει* (изъ **гн-*), лат. *ningu-it, nix niv-is*, лит. *snėg-as* (снѣгъ); ц.-сл. и др.-р. горѣти—скр. *ghar mas* (жаръ), гр. *θερ-μός*, лат. *for-mus*.

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому здѣсь восходитъ слав. *z*, долженъ былъ звучать какъ твердое придыхательное *z* (изображаемое *g, h*), которое въ однихъ словахъ произносилось какъ чисто гортанный звукъ (откуда гр. *χ*, лат. *g, h*), въ другихъ—какъ губно-гортанный (откуда гр. *φ, ψ*, лат. *gv, v, f*). Такимъ образомъ корни приведенныхъ словъ въ обще-индо-европ. языкѣ должны были звучать *steig₂h-*, *g₂has-*, *spai₂g₂h-*, *g₂ha₂g-*.

Кромѣ *z* изъ обще-и.-европ. *g₂* и *g₂h*, церк.-славянскій языкъ имѣеть нѣсколько словъ, въ которыхъ *z* звучитъ какъ бы на мѣстѣ *z*, изъ обще-и.-евр. *g, h*, и соотвѣтствуетъ скр. *h*, гр. *χ*, лат. *h*, лит. *ž*: жс-ь—скр. *hans-an* (лебедь), гр. *χίψ*, лат. *(h)ans-er*, лит. *žas-is* (гусь). Сравни *z* какъ бы на мѣстѣ *z*, изъ о.-и.-евр. *g₂*, въ соотвѣтствіи греческому *γ*, лат. *g*, лит. *g*: зать—гр. *γαμβρός* (изъ **γαμβρός*), лат. *gener*, лит. *gentis* (рядомъ съ жена, изъ гена, гдѣ тотъ же корень, но съ *z*, а не съ *z*). Здѣсь мы, безъ сомнѣнія, имѣемъ дѣло съ исключительнымъ явленіемъ. Обще-индо-европ. языкъ, повидимому, имѣлъ нѣсколько словъ съ звуками *g, gh*, которые у однихъ лицъ звучали мягко, небо (слѣдовательно, *g₁, g₁h*), у другихъ—твердо, гортанно (слѣдовательно, *g₂, g₂h*). Одни изъ языковъ-потомковъ усвоили себѣ эти слова съ *g₁, g₁h* (между проч. литовскій), другіе получили ихъ съ *g₂, g₂h* (славянскій).

Славянское *z*, какого бы происхожденія оно ни было, на славянской почвѣ въ извѣстныхъ случаяхъ смягчилось и перешло въ *ж* и *з* (*z, d*); кромѣ того, перейдя въ *к* и соединившись съ *т*, оно дало въ церк.-славянскомъ яз. *шт*, въ др.-русск. *ч*.

Славянское *к* обыкновенно соотвѣтствуетъ скр. *к* (откуда *kh, č*), гр. *κ* (откуда *τ, σ*), *π*, лат. *c, qu*, лит. *k*: ц.-сл. и др.-р. кръ-ь—гр. *κρέας* (= *κρέF-ας*), лат. *сгп-ог*, лит. *кгив-ис* (кровь); ц.-сл. и др.-р. къ-то, ко-торъ—скр. *ka-taras* (который изъ двухъ), гр. *іон. κόθην, κó-терос*, атт. *κό-θεν, κό-терос*, лат. *quo-d*, лит. *ka-s* (кто?), *ka-tras* (который?); ц.-сл. и др.-р. сок-ъ (обвинитель) скр. *sakh-jam* (дружба), *sač-atē* (онъ сопровождаетъ), гр. *ἐπ-ομαι*, лат. *sequor, soc-ius*, лит. *sek-и* (слѣдую).

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому восходитъ слав. *к*, долженъ былъ звучать какъ твердое *к* (изображаемое нерѣдко *к₂*,

въ отличіе отъ *к* мягкаго, небнаго, которое передается черезъ *к*₁) и произносятся въ однихъ словахъ какъ чисто гортанный звукъ (откуда гр. *χ* съ производными, лат. *с*), въ другихъ—какъ губно-гортанный (откуда гр. *π*, лат. *qu=kv*). Такимъ образомъ корни приведенныхъ словъ въ о.-и.-европейскомъ языкѣ должны были быть *к*₂quv-, *к*₂a-, *sa**к*₂-.

Кромѣ *к* изъ обще-и.-европ. *к*₂, церковно-славянскій языкъ имѣеть нѣсколько словъ, въ которыхъ *к* звучитъ какъ-бы на мѣстѣ *с* изъ о.-и.-европ. *к*₁ и соответствуетъ скр. *с*, гр. *χ*, лат. *с*, лит. *š*: свекръ, свекры—скр. *svacur-as* (свекоръ), *svacrus* (свекровь), гр. *ἐκυρ-ός*, *ἐκυρ-ά*, лат. *socer*, *socrus*, лит. *šešur-as*. Сравни *с* какъ бы на мѣстѣ *к* изъ обще-индо-европ. *к*₂, въ соответствіи лат. и лит. *к*: славянскій суффиксъ *-сло* въ *ма-сло* (изъ **маз-сло*), *пра-сло* (изъ **прат-сло*) и т. п.—лат. суффиксъ *-clo-*, *-culo-*, въ *regi-culum*, *obsta-culum*, лит. суффиксъ *-kla-* въ *ar-klas* (плугъ), *ig-klas* (весло). Въ этихъ словахъ мы, безъ сомнѣнія, имѣемъ дѣло съ исключительнымъ явленіемъ. Обще-индо-европ. языкъ, повидимому, имѣлъ небольшое количество словъ съ звукомъ *к*, который въ произношеніи разныхъ лицъ звучалъ различно—то мягко, небо (т. е. *к*₁), то твердо, гортанно (т. е. *к*₂). Одни изъ языковъ-потомковъ (въ ихъ числѣ литовскій) усвоили себѣ эти слова съ *к*₁, другіе (славянскій)—съ *к*₂.

Слав. *к* на славянской почвѣ въ извѣстныхъ случаяхъ смягчилось и перешло въ *ч* и *ц* (*т*): въ соединеніи съ *т* оно дало въ церк.-славянскомъ *шт*, въ др.-русскомъ *ч*.

Славянское *д* обыкновенно соответствуетъ:

1) скр. *d*, греч. *δ*, лат. *d*, лит. *d*: ц.-слав. и др.-р. див-ьнѣ—скр. *dēv-as* (богъ, изъ *daiv-as*), греч. *δῖF-ος*, лат. *dīv-us*, лит. *deivaitis* (божество); ц.-сл. десять, др.-р. десять—скр. *daśa* (десять), гр. *δέκα*, лат. *decem*, лит. *dešimtis*; ц.-сл. и др.-р. вид-ѣти, вѣд-ѣти—скр. *vēd-a* (изъ *vaida*), гр. *Fῶδ-α*, лат. *vid-eo*.

Обще-индо-европ. звукъ, къ которому восходитъ это *д*, долженъ былъ звучать *ḍ*; такимъ образомъ корни приведенныхъ словъ въ обще-индо-европ. языкѣ были *dīv-*, *dek*₁- , *veid-*;

2) санскр. *dh*, греч. δ , лат. *f*, *h*, *d*, лит. *d*: ц.-сл. и др.-р. дымъ—скр. *dhūmas*, гр. $\delta\upsilon\mu\acute{o}\varsigma$, лат. *fumus*, лит. *dūmai*; ц.-сл. и др.-р. рѣдѣти—скр. *radh-igas*, гр. $\epsilon\rho\upsilon\theta-\rho\acute{o}\varsigma$, лат. *ruf-us*, *ruf-er*, лит. *rad-as*; ц.-сл. и-дж, бж-дж, др.-р. и-ду, бу-ду—греч. $\pi\lambda\acute{\eta}-\delta\omega$, лит. *dū-du* (даю).

Обще-индо-европ. звукъ, къ которому восходить это *d*, долженъ былъ звучать *dh*, такъ что корни и суффиксы приведенныхъ словъ были *dhūm-*, *radh-*, *-dha-*.

Славянское *d*, какого бы происхожденія оно ни было, 1) вѣроятно, на славяно-литовской почвѣ, передъ слѣдующимъ *d*, перешло въ *z*, и 2) на славянской почвѣ, передъ *j*, смягчилось и образовало въ церк.-слав. яз. *жд*, въ др.-русскомъ *ж*.

Славянское *t* обыкновенно соотвѣтствуетъ санскр. *t* (*th*), греч. τ , лат. *t*, лит. *t*: ц.-сл. и др.-р. трые. трии (им. мн. муж. р.)—скр. *tṛaj* (три, им. мн.), гр. $\tau\rho\epsilon\acute{\iota}\varsigma$, лат. *trēs*, лит. *trīs* (три); ц.-сл. и др.-р. ты, твой—скр. *tvaṃ* (ты), греч. дор. $\tau\acute{\upsilon}$, лат. *tū*, лит. *tavas* (твой); др.-р. ис-ть (3 л. ед.)—скр. *as-ti*, гр. $\epsilon\varsigma-t\acute{\iota}$, лат. *es-t*, лит. *es-ti*.

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому восходить слав. *t*, долженъ былъ звучать *t*; такимъ образомъ корни и суффиксы приведенныхъ словъ въ обще-индо-европейскомъ языкѣ были *tṛi-*, *tū*, *-ti*.

Звукъ *t* 1) вѣроятно, на славяно-литовской почвѣ, передъ слѣдующимъ *t*, перешелъ въ *s*; 2) на славянской почвѣ, передъ *j*, смягчился и далъ въ церк.-слав. языкѣ *шт*, въ древне-русскомъ ч.

Славянское *z* (не *s*) обыкновенно соотвѣтствуетъ:

1) скр. *dž*, греч. γ , лат. *g*, лит. *ž*: ц.-сл. мѣлз-ж (дою), гр. $\acute{\alpha}-\mu\acute{\epsilon}\lambda\gamma-\omega$, лат. *mulg-eo*, лит. *melš-u* (дою); ц.-сл. и др.-р. зна-ти—скр. *džān-ā-mi* (знаю), гр. $\gamma\iota-\gamma\acute{\nu}\acute{o}-\sigma\kappa\omega$, лат. (*g*)*nō-sko*, лит. *žip-oti* (знать); ц.-сл. и др.-р. зѣ-ва, греч. $\gamma\acute{\alpha}\lambda-\omega\varsigma$, лат. *gl-ōs*.

Слав. *z* здѣсь восходить къ обще-индо-европ. небному, мягкому *g* (изображаемому *g₁*). Так. обр. корни приведенныхъ словъ въ обще-индо-европ. яз. должны были звучать *mg₁-*, *g₁nā-*, *g₁!*;

2) санскр. *h*, греч. χ , лат. *h*, лит. *š*: ц.-сл. и др.-р. зим-а—скр. *hīma-* (въ сложныхъ словахъ = снѣгъ, холодъ), греч. $\chi\epsilon\iota\mu-\acute{\omega}\nu$, лат. *hiem-a*, лит. *šėta* (зима); ц.-сл. и др.-р. зем-ля—греч. $\chi\alpha\mu-\alpha\acute{\iota}$,

лат. *hum-us* (*u* изъ *o*), *hom-o*, лит. *žem-ė* (земля); ц.-сл. *вез-ж*, др.-р. *вез-у*—скр. *vañ-āmi*, греч. *Ἔβυ-ος*, лат. *veh-o*, лит. *veš-u*.

Слав. *з* здѣсь восходитъ къ обще-индо-европ. небному, мягкому придыхательному *g* (изображаемому *g, h*). Так. обр. корни приведенныхъ словъ въ обще-индо-европ. яз. должны были быть *g, heim-*, *g, hesh-*, *veg, h-*.

Кромѣ *з* изъ обще-индо-евр. *g, g, h*, церковно-славянскій языкъ имѣеть: 1) нѣсколько словъ, гдѣ звукъ *з* восходитъ къ обще-индо-европ. *z*, образовавшемуся по преимуществу изъ *s* (кореннаго) передъ *b, d* и *g* (въ суффиксахъ). Это *з* мы находимъ въ мозгъ — сравн. зендск. *masga-* (мозгъ), греч. *μῆσχος*; въ мзда—срв. зендск. *miśda-* (мзда), гр. *μίσθός*, готск. *miśdō* (мзда);—2) нѣсколько словъ, гдѣ звукъ *з* соответствуетъ скр. *d* передъ слѣдующимъ *d* или *dh*, греч. *σ* передъ *θ*: ц.-сл. и др.-р. ѣз.ити при ѣдж, русск. громаздить при громада—срв. скр. *vid-dhi* (знай, повел. накл., кор. *vid*, суфф. *dhi*), гр. *ἴτ-θι* (изъ *ἴτ-θι*). Это слав. *з* передъ *д* восходитъ или къ обще-индо-европ. *d, dh*, или къ *ds, dhs* (въ родѣ бѣлорусск. *дз*), образовавшемуся еще на обще-индо-европ. почвѣ передъ *d, dh*. Совпаденіе слав. *з* передъ *д* съ греч. *σ* передъ *θ*, въ виду скр. *d* передъ *d, dh*, едва ли до извѣстной степени не случайно, и окончательное образованіе *з* изъ *d* или *ds* едва ли не совершилось уже на славяно-литовской почвѣ, независимо отъ образованія греч. *σ*.

Слав. *з*, какого бы происхожденія оно ни было, на славянской почвѣ передъ *j* смягчилось и перешло въ *ж*.

Сверхъ того, *з* изъ обще-индо-европ. *g, k*, какъ только оно развилось,—во всякомъ случаѣ не на славянской, а вѣроятно, на славяно-литовской почвѣ—передъ слѣдующими *k, n, t, s* перешло въ *с*. Вслѣдствіе этого въ церковно-славянскомъ, древне-русскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ мы находимъ ис-жушати (вмѣсто из-к-; литовскій префиксъ *iš* = изъ предъ слѣдующими *k, p, t, s* всегда звучитъ какъ *iš*), ис-нълнити, вести (вм. вез-ти; наст. вр. везж; срв. лит. *vešti* = вести), масть (вм. маз-ть, кор. маз-), весло, масло (вм. вез-сло, вес-сло, суфф. *сло*) и т. п.

Славянское *c* обыкновенно соответствует:

1) санскр. *s*, *ś*, греч. густому придыханию (перед согласными исчезнувшему) или *σ* (рѣдко), лат. *s* (откуда *r*), лит. *s* (рѣже *š*): ц.-сл. и др.-р. семь (изъ *себдмь)—санскр. *sapta*, греч. ἑπτά, ἑβδόμος, лат. *septem*, лит. *septini* (семь); ц.-сл. стою, др.-р. стою—скр. *ti-śthati* (ставить, 3 л. ед. ч. наст. вр. дѣйств. з. отъ корня *sta-*), гр. ἵστυ-μι, лат. *sto*, лит. *sto-viu* (стою); ц.-сл. и др.-р. снѣгъ—греч. νίφει (изъ *sv-*), лат. *pinguit* (изъ *sn-*), лит. *snėgas*.

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому восходитъ это слав. *c*, долженъ былъ звучать *s*; такимъ образомъ корни приведенныхъ словъ въ обще-индо-европ. языкѣ должны были быть *sabd-*, *sta-*, *snaig-*;

2) санскр. *ś*, греч. *x*, лат. *s*, лит. *š*: ц.-сл. и др.-р. съто—скр. *śatam*, гр. ἑ-хат-όν, лат. *centum*, лит. *šimtas*; ц.-сл. десять, др.-р. десять—скр. *daśa*, гр. δέκα, лат. *decem*, лит. *dešimtis*; ц.-сл. и др.-р. въсь (деревня)—скр. *vīc-āmi* (вхожу), греч. Εἰς-ος, лат. *vīc-us*, лит. *vėš-rats* (господинъ).

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому здѣсь восходитъ слав. *c*, долженъ былъ звучать какъ мягкое, небное *k* (изображаемое нерѣдко *k*, въ отличіе отъ гортаннаго, твердаго *k*, изображаемаго *k*),). Такимъ образомъ корни приведенныхъ словъ словъ въ обще-индо-европ. языкѣ были *k₁mt-dek₁-*, *vīk₁-*;

3) скр. *kṣ*, греч. *ξ*, лат. *x*, лит. *š*: ц.-сл. и др.-р. дес-нѣ—скр. *daś-inaś* (правый), гр. δεξ-ίος, лат. *dex-ter*, лит. *deš-ine* (правая рука); ц.-сл. и др.-р. ось—скр. *akṣ-as*, гр. ἄξ-ιον, лат. *ax-is*, лит. *aš-is* (ось).

Славянское *c* здѣсь должно восходить къ обще-индо-европ. сочетанію согласныхъ *k₁* и *s*, такъ что корни словъ дес-нѣ и ось въ обще-индо-европейскомъ языкѣ должны были звучать *dek₁s-*, *ak₁s-*;

4) передъ слѣдующимъ *t* — санскр. *t* (изъ кореннаго *t* или изъ *d*, *dh*). гр. *c*, лат. *s*, лит. *s*: ц.-слав. и др.-р. сѣс-ти (неопред. накл.)—скр. *sat-tas* (причаст. страдат. отъ корня *sad-* сидѣть съ суффиксомъ *ta*), лат. *ob-ses-sum* (изъ *ob-ses-tus*), лит. *sės-ti* (сѣсть); ц.-сл. ѣс-ть, яс-ть, др.-русск. ѣс-ть (3 л. ед. ч.)—скр. *at-ti* (ѣсть, кор. *ad-*, суффиксъ *ti*), лат. *es-t*, лит. *es-t* (ѣсть); ц.-сл. вѣс-ть, др.-р. вѣс-ть (3 л. ед. ч.)—санскр. *vēl-tha* (ты знаешь), греч. ἴσ-τέος (отъ глагольн. прилагат.).

Это слав. *c* передъ *m* можетъ восходить или къ обще-индо-европейскому *m*, или къ *n*, образовавшемуся еще на обще-индо-европейской почвѣ, подѣ влияніемъ слѣдующаго *t*, изъ основнаго *t* или *d*. Совпаденіе славянскаго *c* передъ *m* съ греческимъ и латинскимъ *s* передъ *t*, въ виду *t* въ санскритѣ (а также въ готскомъ языкѣ), едва ли до извѣстной степени не случайно, и славяно-литовское *c* могло окончательно образоваться изъ *m* или *n* въ славяно-литовскую эпоху, независимо отъ *c* языковъ классическихъ.

Сверхъ того, 5) какъ сказано выше, слав. *c* передъ *k*, *n*, *s*, *m* въ нѣкоторыхъ случаяхъ произошло изъ *s*.

Вѣроятно, славянское *c* изъ обще-индо-евр. *s* и *t* въ древнѣйшую пору жизни обще-славянскаго языка по качеству своего звука отличалось отъ *c* изъ обще-индо-евр. небнаго *k*, (*g*₁) и лишь впослѣдствіи эти два звука сдѣлались тождественными.

Славянское *c* изъ обще-индо-европ. *s* въ нѣкоторыхъ случаяхъ перешло на славянской почвѣ въ *x*; сверхъ того, *c*, каковаго бы оно происхожденія ни было, передъ *j* смягчилось и образовало *ш*.

Славянское *л* обыкновенно соотвѣтствуетъ скр. *r*, рѣдко *l*, гр. *λ*, рѣдко *ρ*, лат. *l*, рѣдко *r*, лит. *l*; ц.-сл. и др.-р. луч-а--скр. *rūk-as* (свѣтъ), *lok-as* (свѣтлость), гр. *λευκ-ός*, лат. *lux luc-is*, лит. *lauk-as* (лысый); ц.-сл. и др.-р. слав-а--скр. *stāv-as* (слава), гр. *χλέ-ος*, лат. *in-clu-tus*; ц.-сл. и др.-р. жи-тель--скр. основа *dā-tar-* (датель, им. ед. *data*), гр. *σω-τερ-* (зват. *σῶτερ*), *δω-τορ-*, лат. *dā-tōr-*.

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому восходить слав. *л*, въ большинствѣ случаевъ долженъ былъ звучать *r*, въ меньшинствѣ *l*. Такимъ образомъ корни приведенныхъ словъ и суффиксы въ обще-и.-европейскомъ яз. могли быть *rauk*₂-, *k, rāv*-, *-ter*-.

Кромѣ *л* изъ о.-и.-европ. *r*, *l*, церк.-славянскій языкъ имѣетъ еще *л* (мягкое) на мѣстѣ болѣе или менѣе древняго *j* послѣ губныхъ: *блудж*, *люблж*, *из-бавлениж* и т. п.

Славянское *р* обыкновенно соотвѣтствуетъ скр. *r* (рѣдко *l*), гр. *ρ*, лат. *r*, лит. *r*; ц.-сл. и др.-р. рѣд-ѣти--скр. *rudh-iras*, гр. *ῥουθ-ρός*, лат. *rūb-er*, лит. *rūd as*; ц.-сл. и др.-р. матер- (основа къ *ям*).

ед. мати)—скр. *mātar-*, гр. *μητηρ-*, лат. *matr-*, лит. *mōter-*; ц.-сл. *брада*, др.-р. *борода*—лат. *barba*, лит. *barzda* (борода).

Обще-индо-европ. звукъ, къ которому восходятъ слав. *p*, былъ *r*, такъ что корни приведенныхъ словъ и основа въ о.-н.-евр. языкъ были *rudh-*, *māter-*, *bardh-*.

Славянское *m* обыкновенно соотвѣтствуетъ скр. *m*, греч. *μ* (въ концѣ словъ *v*), лат. *m*, лит. *m*: ц.-сл. и др.-р. *мати*—скр. *mātā*, гр. *μητηρ*, лат. *māter*, лит. *mōtē*; ц.-сл. и др.-р. *медь*—скр. *mādhu* (медь), гр. *μέθυ*, лит. *medus* (медь); ц.-сл. и др.-р. *ес-ми*—скр. *as-mī*, гр. *εἰ-μί*, лат. *su-m*, лит. *es-mī*.

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому восходитъ слав. *m*, звучалъ *m*, такъ что основы и суффиксы приведенныхъ словъ въ обще-индо-европ. яз. были *māter-*, *mēdhu-*, *-mī*.

Славянское *m* на славянской почвѣ во многихъ случаяхъ слилось съ предшествовавшими ему гласными и образовало носовые гласные *ж* и *л*.

Славянское *n* обыкновенно соотвѣтствуетъ скр. *n*, греч. *ν*, лат. *n*, лит. *n*: ц.-сл. и др.-р. *нов-ъ*—скр. *nav-as* (новый), гр. *νέF-ος*, лат. *nov-us*, лит. *nav-jas* (новый); ц.-сл. и др.-р. *снѣгъ*—гр. *νίφει*, лат. *ninguit*, лит. *snėgas*; ц.-сл. и др.-р. *цѣна*—гр. *ποιv-ή*, лит. *kain-a* (цѣна).

Обще-индо-европ. звукъ, къ которому восходитъ слав. *n*, звучалъ *n*, такъ что корни приведенныхъ словъ въ обще-индо-европ. языкъ были *nav-*, *snaiḡ-*, *k₂ain-*.

Славянское *n*, какъ и *m*, на славянской почвѣ во многихъ случаяхъ слилось съ предшествовавшими ему гласными и образовало носовые гласные *ж* и *л*.

Славянское *j* обыкновенно соотвѣтствуетъ скр. *j*; греч. *ζ* или густому придыханію (а иногда и легкому), лат. *j*, лит. *j*: ц.-сл. и др.-р. *по-яс-ъ* (поисъ)—скр. *jās-tas* (обязанный), греч. *ζωσ-τός*, лит. *jūs-tas* (обязанный); ц.-сл. и др.-р. *юнь* (юнь)—лат. *juvenis*, лит. *jaunas*; ц.-сл. *ју*, *јуже* (ю, юже)—лит. *ju* (уже).

Обще-индо-европ. звукъ, къ которому восходитъ слав *j*, долженъ былъ звучать какъ *j* или, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ краткій, не составляющій слога гласный *i*; какимъ образомъ корни приведенныхъ словъ въ обще-индо-европ. языкѣ могли быть *jas-*, *jau-*, *jav*.

Слав. *j*, сохранившееся въ церковно-славянскомъ языкѣ лишь въ немногихъ случаяхъ (по большей части оно слилось съ предшествовавшими ему согласными и было опущено передъ и между гласными), между прочимъ, послѣ губныхъ спорадически перешло въ *j* (мягкое): люб~~ж~~ изъ люб~~ж~~, зем~~л~~я изъ зем~~л~~я и т. п.

Кромѣ *j* изъ обще-индо-евр. *j*, церковно-славянскій языкъ имѣетъ *j* возникшій на славянской почвѣ передъ начальными гласными.

V. Обще-славянскія измѣненія звуковъ.

Славянская семья языковъ состоитъ изъ языковъ: 1) церковно-славянскаго съ средне-болгарскимъ и современнымъ болгарскимъ, 2) сербо-хорватскаго (современные штокавскіе и чаковскіе говоры), 3) словинскаго, 4) русскаго (нарѣчія великорусское, бѣлорусское и малорусское), 5) польскаго съ его вѣтвью кашебскимъ, 6) чешскаго съ его вѣтвью словацкимъ, 7) верхне-лужицкаго съ ниже-лужицкимъ и 8) вымершаго полабскаго, который извѣстенъ намъ только по небольшому количеству словъ, записанныхъ нѣмцами въ XVII—XVIII вв. Эти славянскіе языки — потомки одного языка — прадѣда, который можетъ быть названъ языкомъ обще-славянскимъ.

Всѣ славянскіе языки имѣютъ большое количество исконныхъ чертъ, свойственныхъ имъ въ равной мѣрѣ и сближающихъ ихъ между собою. Одни изъ этихъ чертъ, тѣ, о которыхъ было говорено прежде, развились на почвѣ или обще-индо-европейской, или славяно-литовской, вообще на почвѣ до-славянской; другія развились въ обще-славянскомъ языкѣ прежде, чѣмъ онъ распался на отдѣльные языки, и потому свойственны или по крайней мѣрѣ были свойственны всѣмъ славянскимъ языкамъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ каждый изъ славянскихъ языковъ имѣетъ нѣкоторое количество исконныхъ особенностей, отличающихъ его отъ его родичей. Большая часть этихъ особенностей повторяется въ нѣсколькихъ языкахъ. Такъ, *ч* изъ *тj* находится въ русскомъ и въ словинскомъ; *ц* изъ *тj* — въ польскомъ, чешскомъ, лужицкихъ, полабскомъ; *рѣ* изъ *йр* — въ церковно-славянскомъ, сербскомъ, словинскомъ, чешскомъ. Меньшая часть особенностей свойственна какому-либо одному славянскому языку; таково русское полногласіе: *оро*, *ере* изъ *йр*, *ер*.

Группировка исконныхъ особенностей въ славянскихъ языкахъ не позволяетъ свести эти языки менѣе чѣмъ въ три главные группы.

Изъ нихъ первая — южная (церковно-славянскій, сербскій и словинскій яз.) — можеть быть характеризована группами *ра, ла, рѣ, лѣ* изъ *ар, ал, ер, ел*, переходомъ (не всегда) *ј* въ *л* (земля), отсутствіемъ древнихъ (до-славянскихъ) группъ *дл, тл, дл, тл*, а также смягченіемъ *і* и *к* въ звѣзда, *цвѣтъ* и т. п. и окончаніемъ род. ед. женск. р., им.-вин. мн. женск. р., вин. мн. муж. р. *л* (земля, коня); вторая — западная (польскій, чешскій, лужицкіе, полабскій) — свистащими *дз* или *з* и *ц* изъ *дј, тј*, отсутствіемъ *л* изъ *ј* (земля), сохраненіемъ *і* и *к* въ звѣзда, *квѣтъ* и окончаніемъ род. ед. женск. р. и др. *ль* (земля, конь); третья — восточная (русскій языкъ) — занимаетъ мѣсто между первою и второю, сближаясь съ первою переходомъ *ј* въ *л* (земля), отсутствіемъ древнихъ группъ *дл, тл, дл, тл* и смягченіемъ *і* и *к* въ звѣзда, *цвѣтъ* и т. п. и со второю — окончаніемъ род. ед. и друг. *ль* (земля, конь). Ея отличительныя черты — полногласіе и *ж* и *ч* изъ *дј, тј*.

Измѣненія въ области звуковъ, происшедшія въ обще-славянскомъ языкѣ и изъ него перешедшія въ церковно-славянскій, — слѣдующія.

1. Г л а с н ы е.

Переходъ о и е въ з и ъ. Кромѣ *з* и *ѡ*, получившихъ начало на до-славянской почвѣ, церковно-славянскій языкъ имѣеть небольшое количество словъ и формъ съ *з* и *ѡ*, развившимися изъ *о* и *е* на обще-славянской почвѣ и неизмѣнно соответствующими литовскимъ *а* и *е*. Эти новѣйшія *з* и *ѡ* находятся внутри словъ передъ разными согласными (кромѣ *ј*) и въ исходѣ словъ, и ихъ образованіе изъ *о* и *е* было обусловлено, кажется, только отсутствіемъ ударенія. Оно было необязательно, т. е. неударяемыя *о* и *е* могли перейти и могли не перейти въ *з* и *ѡ*. Отсюда въ однихъ и тѣхъ же корняхъ, даже словахъ мы видимъ то древнія *о* и *е*, то новыя *з* и *ѡ*: ц.-слав. хотѣти и хѡтѣти; которыи и пол. *ktęry*, изъ *кѡтѣрыи* (лит. *katras*); когда и кѡгда; тогда и тѡгда, др.-чешск. *tehda* (*е* изъ *э*); др.-русск. топѣтати (откуда малорусск. *тіпгати*) и ц.-слав. тѡпѣтати, пол. *deptać* (*е* изъ *э*); ц.-сл. вечерь и вѡчерь (Син. Ис. 121), ц.-сл. и др.-русск. нарѣчіе вѡчера; др.-русск. шедь (Остром. Ев.: пришедыи 55;

Сл. Григор. Богосл. XI в.: въшедьшемъ 4 об.; сравн. въ Свят. Сборн. 1073 г.: самошестьну 25 об.) и ц.-сл. шадъ, ц.-сл. и др.-русск. шьль; др.-русск. рьку, рьль и ц.-сл. режъ, режль; ц.-сл. (Супр. р.) и др.-р. жьжъ и ц.-сл. жьжъ; ц.-сл. и др.-р. мечъ Кл. Сб., Супр. р., О. Ев., Путятина Миняя XI в. (откуда стар. малорусск. мьчь) и ц.-сл. мьчь (срв. сербск. мач изъ мьчь); др.-р. жеравь, соврем. журавль, жаравль и др.-сербск. жьравль, соврем. ждрао; ц.-сл. и др.-р. четыринь и др.-чешск. *чѣтыри, откуда стугі. Отсюда въ разныхъ словахъ и формахъ при какъ будто тождественныхъ условіяхъ мы находимъ въ однихъ *о* и *е*, въ другихъ *з* и *ь*: слово, небо (им.-вин. ед.) изъ *slavās*, *pebās* и новъ, вьлкз (им. ед.) изъ *navās*, *vьlkās* (сравн. лит. *vilkas* и другія слова съ им. ед. на *ās*); ново, село (им.-вин. ед.) изъ *navām*, *selām* и новъ, вьлкз (вин. ед.) изъ *navām*, *vьlkām* (срв. вин. греч. на -*ov*, лат. на -*im*, -*im*, лит. на -*ą*). Впрочемъ существуетъ мнѣніе, будто: 1) *о* передъ *з* никогда не измѣнялось въ *з* и формы новъ, вьлкз (им. ед.) — собственно формы вин. ед. и 2) *о* передъ *т* вездѣ перешло въ *з* и многочисленныя формы средн. р. въ родѣ ново, село заимствовали свое *о* отъ нѣсколькихъ формъ въ родѣ слово, небо, то (мѣстоименіе); но это мнѣніе совершенно произвольно.

Можетъ быть, образовавшіяся на славянской почвѣ *з* и *ь* первоначально отличались по качеству звука отъ *з* и *ь* изъ *й*, *ї*, но потомъ, еще въ обще-славянскомъ языкѣ, *з* и *ь* разнаго происхожденія слились въ два звука *й* и *ї* (откуда глухія *ѡ* и *ѣ*). Это совершилось прежде, чѣмъ въ обще-славянскомъ языкѣ произошли измѣненія гласныхъ подъ вліяніемъ *ј*, такъ какъ во время этихъ измѣненій *з* изъ *й* и *з* изъ *о* были несомнѣнно тождественны.

Новый *з* изъ *о* мы находимъ 1) въ исходѣ словъ: въ церковно-славянскихъ и древне-русскихъ формахъ им.-вин. п. ед. муж. р.: новъ, вьлкз (сравн. литовскія имена муж. р. на -*ās*, въ родѣ *vilkas*, греч. на -*os*, лат. на -*us*, изъ *os*), род. мн. всѣхъ родовъ: вьлкз, селз, женз (изъ *ām*; сравн. род. мн. греч. на -*ov*, лат. на -*im* изъ *im*), въ церковно-славянскихъ формахъ 3-го л. ед. и мн. ч. наст. вр.: беретъ, бержтъ (сравн. мѣдальныя формы имперфекта санскритск. *abharata*, *abharanta*, греч. *ἔφερετο*, *ἔφεροντο*); и 2) въ срединѣ или началѣ словъ въ небольшомъ рядѣ корней, напимѣръ, въ словахъ

ц.-слав. хѣгѣти, ц.-сл. и др. р. ѣснѣ, ѣснѣти (срв. ц.-сл. часъ изъ *късъ), ц.-сл. довольнѣ, доволѣти (при довольнѣ: срв. ц.-сл. воля, велѣж, лат. volo), зап.-слав. прѣчь (чешск. ргесѣ, пол. ргесz; срв. ц.-сл. и др.-р. прочи, др.-р. прокъ, проче), ц.-сл. и др.-русск. многъ (срв. готск. manags), ц.-слав. и др.-р. множъ (твор. ед.; срв. лит. шаније, мѣстн. ед.), въ, взн- (предлогъ-префиксъ) изъ зн- (срв. греч. ἀν-, ἀνά, лат. ān-). съ, сзн- (предлогъ-префиксъ) при сж- (срв. лит. san-).

Новый ъ изъ е (не изъ *jě*) мы находимъ въ нѣсколькихъ формахъ повелит. накл. въ родѣ рѣци, рѣцѣте, тѣци, пѣци, жѣси (при режѣ, текжѣ, пекжѣ, жегжѣ); въ небольшомъ рядѣ корней, напримѣръ, въ словахъ вѣчера (срв. лит. vakaras вечеръ), лѣвъ (срв. греч. λέων, лат. leo), пѣсь (сравн. санскр. pāśus, лат. pesus, лит. pekus скотъ), шѣдъ (при ход-), има изъ *jьма*, ѣма (при средне-болг. ѣма, прусск. emens) въ формахъ 2 л. ед. повелит. н. ц.-сл. виждѣ, др.-р. вижѣ, чешск. viz, ц.-сл. *хоштѣ, р. хочѣ и др. (до-славянское окончаніе 'ě-s; срв. окончанія 3 л. мн. ч. греч. εἶεν = *εσ-τε-ν, фѣро-ε-ν, зендск. бага-је-н) и, вѣроятно, въ мѣстоименныхъ формахъ мѣстн. ед. муж. и ср. р., въ родѣ томѣ (сравни лит. мѣстн. сд. таме). Относительно ъ въ этихъ послѣднихъ формахъ надо имѣть въ виду, что онѣ иногда находится на мѣстѣ литовскаго ударяемаго е и, несомнѣнно, самъ былъ нѣкогда ударяемъ (русск. ономѣ-дни). Кажется, это ъ развилось изъ е сначала въ тѣхъ формахъ, гдѣ удареніе находилось не на послѣднемъ слогѣ, и потомъ изъ этихъ формъ перешло въ остальные, съ удареніемъ на концѣ. Впрочемъ е литовскаго -те можетъ быть сравнительно новымъ звукомъ.

Образованіе носовыхъ гласныхъ. Обще-славянскій языкъ, выдѣлившись изъ языка славяно-литовскаго, имѣлъ значительное число словъ и формъ, въ которыхъ носовой согласный, *м* или *н*, слѣдовалъ за гласнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ или предшествовалъ какому-либо согласному, или находился въ концѣ слова, формы. Съ теченіемъ времени носовой согласный этихъ словъ и формъ слился съ предшествовавшимъ ему гласнымъ и вмѣстѣ съ послѣднимъ образовалъ носовой гласный. Такъ, *м* слова *трѣмъсѣ* (сравн. лат. tremere), слившись съ *ѣ*, образовалъ вмѣстѣ съ нимъ носовой гласный—ц.-слав. *ж*; точно также *н* слова *лѣмѣтъ* (ср. лежать, лат. fingo, pingo),

слившись съ *e*, образовалъ другой носовой гласный — ц.-слав. *ѣ* (лажесть).

Конечно, первоначально всякій гласный могъ быть носовымъ, такъ что въ женѣ (вин. ед.) могло слышаться носовое *ā* (= **genān*), въ трѣсъ—носовое *ǣ*, въ трасж—носовое *e*, въ видать (3 л. мн. ч.)—носовое *и*, въ душа (род. ед.)—носовое *ь*, въ па-мать—носовое *ѣ* (сравн. лят. *at-mintis*), въ джити—носовое *з* (= **дѣмти*, сравн. дѣм-ж, -дѣм-ати). Но послѣ разные носовыя гласныя стали сближаться между собою и мало по малу перешли въ два звука — носовое *o* (или звукъ близкій къ *o*) и носовое *e* (или звукъ близкій къ *e*), вѣроятно, бывшіе какъ краткими, такъ и долгими, и съ губно-носовымъ оттенкомъ (*m*), и съ чисто-носовымъ (*n*). Носовое *o* получилось изъ носовыхъ *a* (= *ā*), *ǣ*, *ѣ*, можеть быть, *ы*; носовое *e* дали носовыя *e*, *ѣ*, *и* (*ī*), *ь*. Такимъ образомъ получились предки церковно-славянскихъ *ж* и *л*, существовавшіе въ обще-славянскомъ языкѣ во все время его жизни и перешедшіе изъ него во всѣ отдѣльныя славянскія нарѣчія.

Здѣсь носовыя гласныя имѣли каждый свою особую судьбу. Церковно-славянскій, словинскій (во Фрейзингенскомъ памятникѣ), польскій и полабскій языки еще сохранили ихъ въ историческую эпоху своей жизни (польскій сохраняет и до сихъ поръ въ большомъ числѣ, болгарскіе и словинскіе говоры въ скудныхъ остаткахъ); остальные языки явились на историческое поприще, уже утративъ ихъ, т. е. превративъ носовыя гласныя въ чистыя. Качество носовыхъ гласныхъ, благодаря присутствію въ нихъ носоваго элемента, въ разныхъ славянскихъ языкахъ измѣнилось неодинаково. О звукахъ церковно-славянскаго языка, изображавшихся въ кириллицѣ черезъ *ж* и *л*, мы говорили выше. Польскій яз. знаетъ и знаетъ, на мѣстѣ церковно-славянскихъ *ж* и *л*, носовыя *o*, *a*, *y*, *e*, *и* (въ современномъ литературномъ языкѣ *o* = *o* и *e* = *e*). Сербскій, русскій, чешскій и лужицкіе замѣнили носовое *o* (или звукъ близкій къ *o*) обще-славянскаго языка звукомъ *y*, сначала носовымъ, потомъ чистымъ; словинскій языкъ (во многихъ говорахъ) замѣнилъ этотъ звукъ звукомъ *o*. Русскій, чешскій и, мы думаемъ, лужицкіе языки превратили обще-славянск. носовое *e* (или звукъ близкій къ *e*) въ *a* съ предыдущимъ мягкимъ согласнымъ или *j*, сперва носовое, послѣ чистое; сербскій и словинскій, напротивъ, сохранили

обще-слав. носовое *e* (конечно, не *вездѣ* и не *вполнѣ*), но послѣ утратили въ немъ носовой элементъ. Такимъ образомъ обще-славянск. *до^нбъ*, давшее въ церковно-славянскомъ языкѣ *дѣбъ*, стало звучать въ польскомъ языкѣ—*doⁿb*, *daⁿb*, *dmⁿb*, *deⁿb*, современное литературное *deⁿb* (= *deb*); въ сербскомъ, русскомъ, чешскомъ, лужицкихъ—*дуⁿбъ*, откуда *дубъ*; въ словинскомъ—*doⁿb*, откуда *dob*; обще-славянскій корень *глеⁿд-*, давшій въ церковно-славянскомъ языкѣ *глад-*, сталъ звучать въ польскомъ—*gleⁿd-*, *gliⁿd-*, соврем. литературное *gleⁿd-* (*ględ-*); въ русскомъ, чешскомъ, лужицкихъ — *гляⁿд-*, откуда *гляд-*, *gled-*, *hled-*; въ сербскомъ и словинскомъ—*глеⁿд-*, откуда *глед-*.

Рядомъ съ носовыми гласными изъ до-славянскихъ сочетаній гласный+носовой согласный, въ небольшомъ количествѣ словъ и формъ обще-славянскаго языка мы находимъ, вмѣсто ожидаемыхъ нами носовыхъ гласныхъ, гласные чистые. Именно, мы находимъ вмѣсто ожидаемыхъ *ж* и *л*:

1) въ исходѣ словъ:

з: въ формахъ вин. п. ед. муж. р. въ родѣ *вълкъ*, сынз (сравн. окончанія вин. ед. греч. -ον, -ῶν, лат. -um, лит. -ų, -ų);

въ формахъ родит. п. мн. всѣхъ родовъ: *вълкъ*, сыновз, сельз, женз, словесз (сравни окончанія род. мн. греч. -ων, лат. -um, литовск.-жмудск. -ų);

въ формахъ 1 лица ед. ч. аористическихъ образованій (аориста сильнаго, аориста сигматическаго, имперфекта): *несз*, *несохз*, *несѣ-ахз* (сравн. окончанія греч. формъ 1 л. ед. ἔλιπον, ἔλειπον и т. п.);

въ формахъ супина: *несѣ* (ср. формы лат. и лит. супина на *tim*);

ь (не изъ *ъ*): въ формахъ вин. ед. муж. и женск. р. въ родѣ *гость*, *кость* (сравни окончанія вин. ед. греч. -την, лат. -em, лит. į);

о: въ формахъ им.-вин. ед. средн. р. въ родѣ *село* (сравни окончанія греч. -ον, лат. -um);

ы: въ формахъ им. ед. словъ муж. р. съ основою на *п*: *камы*, *пламы* (при *плама*; сравн. греч. ἄκμων, лат. -жмудск. *akmu*);

въ формахъ имен. ед. причастій настоящ. вр. муж. р. съ основою на *пт*: *беры*, *сы* (при *дама*, *земля*; сравн. греч. τιθείς изъ *τι-θένης, διδούς изъ *διδόνς, лат. *ferens*, *grae-sens*, лит. причастія на -as);

въ формахъ родит. ед. женск. р. въ родѣ *жены* (при *душа*);

въ формахъ имен.-винит. множ. женск. р. въ родѣ жены (при душа; сравн. прусск. вин. мн. *gapanys*, отъ *gana* = жена);

въ формахъ винит. мн. муж. р. въ родѣ вълкы, сыны (при крам, мъжа; сравн. греч. критск. вин. множ. *νόμους*);

и: въ формахъ вин. мн. муж. и женск. р. въ родѣ гости, кости (сравн. греч. *νόμους*, прусск. *gapanys*);

а: въ древнихъ русскихъ и западно-славянскихъ формахъ имен. ед. причастій наст. вр. муж. р. въ родѣ бера, са (при ц.-слав. беры, сы, дам, ѡмла);

ъ: въ древнихъ русскихъ и западно-славянскихъ формахъ род. ед. и имен.-вин. множ. женск. р. въ родѣ душъ (при ц.-сл. душа);

въ древнихъ русскихъ и западно-славянскихъ формахъ вин. мн. муж. р. въ родѣ краъ, мужъ (при ц.-слав. крам, мъжа);

въ срединѣ словъ:

з: въ словахъ сѣто (сравн. лат. *centum*, лит. *šimtas*), вторъ (сравн. санскр. *antaras*, лит. *antras* другой, нѣм. *ander*), въ предлогахъ-префиксахъ сз, въ (сравн. сз-имати, сж-сѣдъ; вэн-имати, др.-русск. у-возъ = *ж-возъ, польск. *wąwoz*; лит. *san-*, греч. *ἀν-*, *ἀνά*, лат. *an-*);

ъ: въ словѣ мѣсць (сравн. греч. *μήν*, лат. *mensis*, лит. *mėnū* -esis; ѣ въ помѣнѣти (корень тотъ же, что въ мѣн-ѣти, суффиксъ -мж-), вѣроятно, заимствованъ этимъ глаголомъ изъ родственныхъ мѣн-ити, по-мѣн-ъ и т. п.; ѣ въ камѣнъ, при др.-русск. камянъ = каман-ъ, изъ камен-нъ, вѣроятно, перешло въ это слово изъ словъ въ родѣ дрѣвнѣнъ.

Сверхъ того, мы, вѣроятно, имѣемъ чистые вмѣсто носовыхъ въ формахъ дат. мн. ны, вы (при намъ, вамъ), въ русск. лѣко (лит. *lūkas*), въ русск. прыгать (при ц.-слав. пръжатица, -прагати), въ русск. дрыхнуть (при ц.-слав. драхль, драсель; въ др.-р. Житиѣ Нифонта 1219 г. друхль = дрххль), въ ц.-слав. прѣмъ (при русск. прямъ, сербск. према изъ прам-), въ церк.-слав. и русск. кнѣга (при ср.-болг. кнѣга, кнѣжникъ Ев. Григоровича XII в. 109, чешск. kněha изъ knāna = кѣнага, польск. *księga* изъ кѣнага).

Вопросъ о способахъ происхожденія въ указанныхъ словахъ и формахъ чистыхъ гласныхъ принадлежитъ къ числу труднѣйшихъ вопросовъ славянской фонетики.

Появленіе чистыхъ *ъ, ъ, о* изъ древнѣйшихъ *краткихъ* въ исходѣ словъ—въ вин. ед. вълкъ, сынъ, гость, село, въ род. мн. вълкъ, сыновъ, женъ и др., въ супинѣ, въ 1 л. ед. несть и др. можетъ быть объяснено тѣмъ, что здѣсь носовой согласный, заканчивавшій собою эти формы, не успѣлъ слиться съ предшествовавшими ему гласными и образовать вмѣстѣ съ ними носовые гласные и исчезъ въ то время, когда исчезли въ обще-славянскомъ языкѣ всѣ конечные согласные. Но этому объясненію противорѣчитъ до нѣкоторой степени образованіе носовыхъ гласныхъ изъ древнѣйшихъ *долгихъ* также въ исходѣ словъ—въ вып. ед. жепж (изъ -āj, сравн. греч. -āv, лат. -ām), въ твор. ед. женож (вѣроятно, изъ -ān), въ 1 л. ед. режж (вѣроятно, изъ -ān). образовавшихся при тѣхъ самыхъ условіяхъ, при которыхъ получились чистые въ вълкъ, село и проч. Сверхъ того, должно имѣть въ виду, что носовые гласные какъ въ им.-вин. телд, прасд, такъ и въ им.-вин. сѣма, има и въ вин. ма, та, са, можетъ быть, образовались изъ *краткихъ* гласныхъ (срв. греч. им.-вин. ср. р. ἀφῆεν, вин ζμέ, σέ, рядомъ съ санскр. им.-вин. ср. р. pamā, вин. pām, лат. вин. mē, tē).

Появленіе *ы* въ камы, пламы и т. п. можетъ быть объяснено тѣмъ, что *ā* въ окончаніи *ān* (сравн. ἀκμων, *актин*), подъ влияніемъ носоваго согласнаго, заканчивавшаго слово, перешло сначала въ *ō*, потомъ въ *ū*, т. е. въ *ы*, и что носовой согласный, такъ же какъ въ вълкъ, село, не успѣлъ слиться съ *ū* и исчезъ. Но мы не знаемъ ни одного достовѣрнаго примѣра перехода *ā* въ *ō* и затѣмъ въ *ū*.

Появленіе *ы* въ беры, сы и т. п. и *а* въ русск.-польск.-чешск. бера, са и т. п. (при ц.-сл. дам, емла) можетъ быть объяснено слѣдующимъ образомъ. Окончаніе этихъ формъ въ древнѣйшую эпоху обще-славянскаго языка было āns съ предъидущимъ твердымъ согласнымъ (сравни лит. -as). Часть говоровъ этого языка испытала въ немъ исчезновеніе носоваго согласнаго (при существованіи конечнаго s), которое повело къ удлиненію *a*; такимъ образомъ получилось окончаніе ās, откуда русск.-пол.-чешск. -а. Въ другой части говоровъ обще-славянскаго языка *ā* въ āns, подъ влияніемъ группы ns, перешло сначала въ *ō*, потомъ въ *ū*; такимъ образомъ явилось окончаніе ūns. Исчезновеніе въ немъ n повело къ удлиненію *u* и образовавшееся затѣмъ окончаніе ūs дало ц.-слав. -ы. То же окончаніе āns съ предъидущимъ *j* во всѣхъ говорахъ обще-славянскаго

языка перешло сначала въ *jōns*, потомъ, вслѣдствіе вліянія *j*, въ *jens*, откуда ц.-слав. -а.

Окончаніе *ы* въ род. ед., им.-вин. мн. словъ женск. р. въ родѣ жены и окончаніе *ь* въ тѣхъ же падежахъ русскихъ и западно-славянскихъ словъ женск. р. въ родѣ души (при ц.-сл. душа) могутъ быть объяснены сходнымъ образомъ. Окончаніе *ы*, по всей вѣроятности, восходитъ къ окончанію *āns* съ предъидущимъ твердымъ согласнымъ. Вліяніе группы *ns* повело къ переходу *ā* въ *ō*, *ū*; послѣдовавшее послѣ завершения этого перехода исчезновеніе *n* передъ *s* не произвело измѣненія въ *ū*, и послѣднее перешло затѣмъ въ *ы*. Окончаніе *ь*, вѣроятно, восходитъ къ окончанію *jāns*. Здѣсь вліяніе носоваго согласнаго повело къ переходу *ā* въ *o*, а вліяніе *j*—къ переходу *ō* въ *ē*. Послѣдовавшее затѣмъ въ одной части обще-славянскаго языка исчезновеніе *n* превратило окончаніе *jens* въ *jēs*, откуда *-jn*. Другая часть обще-славянскаго языка сохранила *n*, и этотъ согласный, слившись съ *ē* = *ь*, образовалъ *д*.

Окончаніе *ы* въ вин. мн. муж. р. въ родѣ вълкъ и окончаніе *ь* въ вин. мн. въ родѣ края, мужь (при црк.-слав. края, мажа) могутъ быть объяснены въ главномъ такъ же, какъ *ы* въ жены и *ь* въ души. Только здѣсь древнее *ā* (въ окончаніи *āns*), перейдя въ *ō*, *ū*, *ē*, вслѣдствіе исчезновенія *n*, должно было удлиниться и образовывать *ū* и *ē* = *ы* и *ь*.

Окончанія *ы* и *и* въ вин. мн. сыны, гости, кости, восходящія къ *īns*, *īns*, могутъ быть объясняемы тождественно съ *ы* въ вълкъ. Только здѣсь древнія *ū* и *ī* не испытали никакихъ измѣненій въ качествѣ *i*, удлинившись послѣ исчезновенія *n*, перешли въ *ū* и *ī* = *ы* и *и*.

Образованіе чистыхъ въ серединѣ словъ (въ мѣсцѣ, дрыхнуть, лыко, прыгать и проч.) можетъ быть безъ большаго затрудненія объяснено такъ же, какъ образованіе ихъ въ формахъ жены, вълкъ. Но *z* въ *szto* и вторыи представляетъ много загадочнаго и стоитъ особнякомъ. Мы не видимъ въ этихъ словахъ не только носовыхъ гласныхъ, но и удлиненія чистыхъ, которое наблюдается въ другихъ случаяхъ.

Удлненіе *ā* и *e* передъ плавными согласными. Славянскіе языки дѣлятся на двѣ группы: одни: церковно-славянскій, сербскій,

словинскій, чешскій, знаютъ удлиненіе *й* и *е* при плавныхъ; прочіе его почти не знаютъ.

Удлиненіе *й* и *е* наблюдается нами въ словахъ, нѣкогда имѣвшихъ эти звуки передъ группою: плавный согласный+согласный; всѣ они (за немногими исключеніями) имѣютъ вмѣсто *й* — *а*, т. е. *а̄*, а вмѣсто *е* — *ъ*, т. е. *ѣ̄*, и сверхъ того, въ большей ихъ части замѣчается перестановка плавнаго.

А изъ *й* находится, между прочимъ, въ слѣдующихъ церковнославянскихъ словахъ:

брада (сравн. лат. *barba*, лит. *barzda* борода), *врана* (сравн. лит. *varna* ворона), *глава* (сравн. лит. *galva* голова), *гласъ* (сравн. лит. *garsas* звукъ), *градъ* (сравн. лит. *gardas* огорожа), *крава* (сравн. лит. *katvė* корова), *праса* (сравн. лат. *porcus*, лит. *ragšas* свинья), *сладкъ* (сравн. лит. *saldus* сладкій);

локъть (сравн. лит. *alkūnė* локоть), *ланин* (сравн. ц.-слав. *ѡлень*, русск. *олень*, лит. *elnis*, латышск. *alnis*), *ладия* (сравн. лит. *aldija*, *eldija* лодка), *лакати* (Зогр. Ев., Син. Пс.; сравн. лит. *alkti*), *рабъ* (сравн. греч. *ὄρφος*, лат. *orbus*), *раз-* (префиксъ, сравн. лат. *ag-*), *рало* (сравн. ор-ати, лит. *arklas* плугъ);

алнин (при *ланин*), *алдин* (при *ладия*), *алкати* (при *лакати*, безъ *з* послѣ *л*, неизмѣнно отсутствующаго въ этомъ словѣ въ древнерусскихъ нотныхъ книгахъ).

Б̄ изъ *ѣ̄* находится, между прочимъ, въ слѣдующихъ церковнославянскихъ словахъ:

брьгъ (= берегъ и гора, Син. Тр. 99, сравн. нѣм. *berg*), *брьза* (сравн. лит. *beržas*, прусск. *berze* береза), *плнь* (сравн. лит. *pelnas* заработокъ), *четврньогъ* (сравн. четверо), *чрьсь* (сравн. лит. *skersas* кривой, окольный), *плньмъ* (сравн. нѣм. *helm*).

Языки сербскій и словинскій (а также, разумѣется, ново-болгарскій) имѣютъ приведенныя слова въ той же формѣ, какъ и церковнославянскій языкъ, т. е. съ *а* и *ъ* изъ *й* и *е* и съ постоянною перестановкою плавнаго (слова въ родѣ *алкати* въ нихъ неизвѣстны): сербск. *брада*, *глава*, *град*, *лаѣа* (лодя), *лакати*, *бријег* (но: роб, роб-ота).

Чешскій языкъ въ большей части словъ — въ тѣхъ, въ которыхъ слогъ *ра*, *ла* не начинается слова — вполне согласенъ съ церковнославянскимъ: *brada*, *hlava*, *hrad* и т. п.; но въ меньшей части —

въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, гдѣ слогъ *ra*, *la* долженъ бы быть въ началѣ слова—онъ не имѣеть удлиненія гласныхъ, т. е. имѣеть не *a*, а *o* (изъ *ā*): *lod'*, *loket*, *lokati*, *roz-*, *roba* (Svatovitský Rukopis XIV в.). Слова безъ перестановки плавнаго ему неизвѣстны.

Языки польскій и лужицкіе, не зная удлиненія *ā* и *e*, имѣють *o* (изъ *ā*) и *e* съ постоянною перестановкою плавнаго: польск. *broda*, *wrona*, *głowa*, *głos*, *gród*, *łódź*, *łokieć*, *robota*, *roz-*, *brzeg* (изъ брегъ), *brzoza* (изъ бреза), *plon* (изъ плень). Русскій языкъ, также не зная удлиненія *ā* и *e* и имѣя *o* и *e*, отличается отъ другихъ славянскихъ языковъ полногласіемъ. Оно заключается въ слѣдующемъ. До-славянская группа согласный+*ā*, *e*+плавный+согласный, является въ русскомъ языкѣ съ двумя тождественными гласными — однимъ передъ плавнымъ, другимъ послѣ плавнаго. Такъ, до-слав. *bārdā*, ц.-слав. *брада*, пол. *broda* является въ русскомъ языкѣ въ видѣ *борода*: до-слав. *vārṇā*, ц.-слав. *врана*, пол. *wrona*—въ видѣ *ворона*; до-слав. *gārdas*, ц.-слав. *градъ*, пол. *gród*—въ видѣ *городъ*; до-слав. *bērgas*, ц.-сл. *брыгъ*, польск. *brzeg*—въ видѣ *берегъ* и т. д. До-славянская группа, начинающая собою слово: *ā*, *e*+плавный+согласный, принимаетъ въ русскомъ языкѣ болѣе простую форму, одинаковую съ тою, которую мы видѣли въ чешскомъ и польскомъ языкахъ. Такъ, до-слав. *ālk*, ц.-сл. *лак-ъть*, польск. *łok-iec* является въ русскомъ языкѣ въ видѣ *лок-ъть*; до-слав. *āldijī*, ц.-слав. *лади*, польск. *łódź*—въ видѣ *лодья*, *лодка*; до-слав. *ārbas*, ц.-сл. *рабъ*, польск. *robić*—въ видѣ *робъ*, *робити*, *робѣти*; до-слав. *ārz-*, ц.-сл. *раз-*, польск. *roz-*—въ видѣ *роз-*. Отдѣльно стоитъ др.-русск. *ольати* = ц.-сл. *аме-ати*.

Полабскій языкъ, представляя много сходнаго съ польскимъ, отличался отъ него тѣмъ, что рядомъ съ словами, гдѣ произошла перестановка плавнаго, имѣлъ рядъ словъ безъ перестановки плавнаго, въ родѣ *vārṇa* = ц.-слав. *врана*, русск. *ворона*, *vo-gārd* = ц.-сл. *градъ*, русск. *городъ*, *raṛsa* = ц.-сл. *праса*, русское *пороса* (*ā*—вѣроятно—открытое *o*) и т. п. Нѣсколько подобныхъ словъ сохраняется въ кашебскомъ нарѣчій польскаго языка: *bardawka* = русск. *бородавка*, *charna*, *chorna* = ц.-сл. *храна*, *charst* = ц.-сл. *хврасъ*, *р. хворость*, *gardzecz* = ц.-сл. *градити*, *р. городить* (Prace Filologiczne, III).

Такимъ образомъ церковно-славянскій языкъ въ удлиненія *ā* и *e* передъ плавными согласными представляетъ полное сходство съ

сербскимъ, словинскимъ и отчасти чешскимъ языками и отличается отъ прочихъ слав. яз. Причина удлиненія *ā* и *e* неясна; можно думать, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ гласными по природѣ краткими, усвоившими себѣ долготу вслѣдствіе своего нахождения передъ двумя согласными—плавнымъ и нѣмымъ, что въ греческомъ и латинскомъ языкахъ, какъ извѣстно, сообщаетъ гласнымъ долгое произношеніе. Причина перестановки плавнаго равнымъ образомъ неясна; о ней можно сказать только то, что она нерѣдка въ разныхъ индо-европейскихъ языкахъ, такъ что ничего страннаго и необычнаго въ ней не заключается. Во всякомъ случаѣ отрицать существованіе перестановки невозможно: предположеніе о происхожденіи *ra* въ *брада*, *ръ* въ *брьгъ* и т. п. изъ *āra*, *ērē* (*бāрада*, *бāрэгъ*) не можетъ имѣть мѣста въ виду отсутствія *ra*, *ръ* въ словахъ въ родѣ *береть* (3 л. ед.), *зелень*, *-половити*, *скорость*, *пелесь* и т. п. Русскія полногласныя формы, на которыя одни могло бы опереться это предположеніе, повидимому, испытали перестановку плавнаго; на это указываетъ, между прочимъ, удареніе, которое, находясь въ литовскихъ словахъ на гласномъ передъ плавнымъ, въ русскихъ обыкновенно стоитъ на гласномъ послѣ плавнаго: лит. *vāgnā* — русск. *ворѡна*, лит. *kāgvė*—русск. *корова*, лит. *bėgžas*—русск. *береза*.

Время, къ которому относится удлиненіе *ā* и *e*, можетъ быть опредѣлено приблизительно. Это—та эпоха жизни обще-славянскаго языка, когда славянское *o* изъ *ā* еще не успѣло развиться, вслѣдствіе чего удлиненіе его дало *ā*, а не *ō*. Несомнѣнно, усвоеніе долготы звуками *ā* и *e* съ одной стороны и перестановка плавнаго съ другой—явленія, совершившіяся въ разное время; по крайней мѣрѣ слова въ родѣ ц.-слав. *алнии*, *алдии*, *алкати*, по нашему мнѣнію, указываютъ на то, что долгота *a* существовала раньше, чѣмъ образовались слова *ладии*, *лани*, *лакати*.

Удлиненіе *ā* и *e* наблюдается нами въ церковно-славянскомъ языкѣ (какъ и въ другихъ съ нимъ сходныхъ) не вездѣ, гдѣ мы его ожидали бы. Церковно-славянскій языкъ имѣеть слѣдующія слова безъ удлиненія *ā* и *e*: *робъ* (Супр. рук., средне-болг. Ев. Григоровича XII в. 7; сравн. сербск. *роб*, чешск. *гова*; рядомъ: *рабъ*), *розъ* (Супр. р., Син. Пс. 24; сравн. чешск. *roz-*; рядомъ: *рз-*), *розвѣ* (Супр. р., др.-русс. Слово Ипполита объ Антихр.; рядомъ: *развѣ*), *сребро* (не сѣребро или сѣребро: древне-русскія нотныя книги имѣютъ это слово

безъ з, ъ; сравн. чешск. stříbro, съ í изъ њ, др.-русск. сръбро, се-ребро), золото (Снн. Пс. 150, вѣроятно = золото, не золото; сравни з въ алкати и др., находящийся въ церковно-славянскихъ памятни-кахъ, но отсутствующій въ древне-русскихъ нотныхъ книгахъ).

На оборотъ, въ языкахъ, вообще не знающихъ удлинениа *ā* и *e*, есть нѣкоторое количество словъ съ удлинениемъ. Таковы, между прочимъ, въ польскомъ языкѣ: *władać, władza, własć* (при *włóść, włodarz*; сравн. ц.-сл. власть, русск. волость), *łabędź*, при чешск. *labuť* (сравн. русск. лебедь; корень тотъ же, что въ греч. ἀλαφ-ός, лат. alb-us), *łaczny*, при чешск. *lačný*, русск. лакомый, *łan*, при чешск. *lan*, русск. лань (сравн. ц.-сл. алнии), *radło*, при чешск. *radlo*, русск. рало (срв. слав. ор-ати и лит. ar-klas), *gataj*, при чешск. *gataj*, русск. ратай (сравн. лит. artojis), *gamie*, при чешск. *gamě*, *gameno* (сравн. лат. agnus, готск. agms). Таковы также нѣкоторые глаголы съ длительнымъ отгѣнкомъ въ значеніи: *włagać, -braniać, wgasać, ob-gastać*. Послѣдніе, если они не новообразования, какъ русск. поворачивать, выволакивать (сравн. выхлопывать, заподза-ривать), имѣютъ *ra* едва ли не изъ до-славянского аг.

Должно замѣтить, что церковно-славянскому языку не чуждо то странное измѣненіе обще-славянской группы: ш и п я щ і й согласный + *el* + согласный, въ группу: шипящій + *la* + согласный, которое наблюдается въ чешскомъ языкѣ (а изрѣдка и въ сербскомъ) и которому соответствуетъ измѣненіе *sl* въ польскомъ языкѣ — въ *ło*, въ русскомъ — въ *сло*. Мы находимъ въ Супрасльской рукописи глаголь *жладж*, рядомъ съ болѣе обычнымъ *жмдж* и съ стар. русск. *желедьба*, гдѣ корень *жлад* — восходитъ къ до-слав. *geld*-. Сравни ц.-слав. *жмѣь*, сербск. *жмѣьб* и чешск. *žlab* (при *žleb*), польск. *żlob*, русск. *жолобъ* изъ *желобъ*; ц.-слав. *жмѣза*, сербск. *жмѣезда*, русск. *железа* и чешск. *žláza* (при *žleza*); ц.-слав. *чмѣпъ* (перешедшее въ русскій языкъ) и ср.-болг. *чманъ* (Сборникъ 1345 г. 22 об.), сербск. *чман*, чешск. *član*, пол. *członek*; ц.-слав. *шмѣмъ* и ст.-польск. *szłom*, русск. *шеломъ*. Кажется, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ обще-славянскимъ переходомъ *ъ* въ *ā* (или, для польскаго и русскаго яз., — *e* въ *ā*), совершившимся въ нѣсколькихъ случаяхъ уже послѣ перестановки плавнаго, подъ вліяніемъ твердаго *л*. Во всякомъ случаѣ до перестановки плавнаго, въ ту эпоху жизни обще-славянскаго языка, когда гортанные еще не перешли въ шипящіе, всѣ приве-

денныя слова имѣли послѣ гортанныхъ и передъ плавнымъ или *ѣ* изъ *ѣ*, или *ѣ*, но не *а* и не *о*; въ противномъ случаѣ смягченіе гортанныхъ не можетъ имѣть себѣ объясненія.

Кажется, въ церковно-славянскомъ языкѣ есть одинъ случай измѣненія обще-слав. группы: шипящій + *еа* + согласный въ группу: шипящій + *ао* + согласный (какъ въ польскомъ яз.). Это — слово *чловѣкъ* (и въ церк.-слав. памятникахъ, и въ др.-русскихъ потныхъ книгахъ безъ *ѣ* послѣ *ч*), рядомъ съ которымъ мы имѣемъ въ сербскомъ — **чловѣкъ*, въ чешскомъ *člověk*, въ польскомъ *człowiek* и въ русскомъ *человѣкъ*; срв. латышск. *ciļveks* *человѣкъ* (*ц* изъ *к*), слав. *чел-вѣдъ*, *чело*.

Церковно-славянскій языкъ не имѣетъ ни одного достовѣрнаго случая измѣненія обще-слав. группы: согласный не шипящій + *еа* + согласный, въ группу: согласный + *аа*, *ао* + согласный. Но это измѣненіе извѣстно другимъ славянскимъ языкамъ. Такъ, въ польскомъ мы имѣемъ: *młoko-s* (молокосось, *з* изъ *сзсз*) при *mleko*, ц.-сл. *млѣко*, *řlowa* при ц.-сл. *плѣва*, *плѣвелъ*, *řlon* при пол. *rlon* (изъ *rlen*), ц.-сл. *плѣнъ*, лит. *reinas*. Русскій языкъ здѣсь также, какъ и въ другихъ случаяхъ (гдѣ нѣкогда была группа *ѣа*), обладаетъ полногласіемъ, и древняя группа *еа* въ немъ является въ видѣ *оа*: *молоко*, *полова*, др.-р. *половелъ*, *полонъ*, *волоку* (ц.-сл. *вѣлкж*, лит. *velku*), *толочь* (ц.-сл. *тѣлшти*) и др.

Измѣненія гласныхъ подъ вліяніемъ *ј* и мягкихъ согласныхъ. Со гласный *ј* и разные мягкіе согласные, образовавшіеся безъ участія *ј*, находясь передъ гласными, произвели въ нихъ въ обще-славянскую эпоху цѣлый рядъ измѣненій.

Гласный *о*, имѣя передъ собою *ј*, перешелъ въ *е*, такъ что сочетаніе *јо* превратилось въ *је*, а затѣмъ въ церковно-славянское и др.-русское *ѣ*. Съ этимъ измѣненіемъ мы имѣемъ дѣло въ церковно-славянскихъ и древне-русскихъ формахъ им.-вин. ед. средн. р. въ родѣ *поле*, *поле* изъ *полјо* (сравн. *село*), твор. ед. женск. р. въ родѣ *душекж*, изъ *духјомж* (сравн. *женожж*), зват. ед. женск. р. въ родѣ *душе*, изъ *духјо* (сравн. *жено*), дат.-твор. дв. муж. и средн. р. въ родѣ *мжжема*, *полема*, изъ *мжјома*, *полјома* (сравн. *вълкома*, *селома*), дат. мн. *мжжемъ*, *полемъ*, изъ *мжјомъ* (сравн. *вълкомъ*, *селомъ*); въ формахъ мѣстоименій въ родѣ *ѣго*, *моѣго*, *ѣму*, *моѣму* и т. д., изъ *јого*,

мојого и т. д. (сравни того, одного и т. д.); въ формахъ причастіи въ родѣ дамѣмъ, изъ даюмъ (сравни беромъ); въ формахъ неопред. наклон. въ родѣ воювати, изъ воювати (сравни куповати); въ небольшомъ количествѣ корней въ родѣ юмѣж изъ юмѣж, режъ изъ рювж.

Гласный *ъ*, имѣя передъ собою *ј*, перешелъ въ *ь*, т. е. *ъ* превратилось въ *ь*. Вѣроятно, во время этого превращенія *ъ* и *ь* уже звучали какъ глухія *о* и *е*, и переходъ *ъ* въ *ь* находится въ связи съ переходомъ *јо* въ *је*. Его мы наблюдаемъ въ церковно-славянскихъ и древне-русскихъ формахъ имен.-вин. ед. муж. р. въ родѣ мѣжъ, изъ мѣгъ (сравни вѣлкѣ), род. мн. въ родѣ мѣжъ, полъ, душъ, изъ мѣгъ, полъ, духъ (сравни вѣлкѣ, селъ, женѣ) въ формахъ мѣстоименій въ родѣ вѣнъ (вин. ед. отъ *и*), изъ *жъ*, въ корняхъ въ родѣ пѣжъ, изъ сѣжъ, хѣжъ (обще-индо-европ. корень *sju-*), пѣвати, изъ пѣвати (обще-индо-европ. корень *рју-*) и другихъ, о которыхъ ниже.

Гласный *ы*, имѣя передъ собою *ј*, перешелъ въ *и*, т. е. сочетаніе *ји* превратилось въ *ји*, — въ формахъ твор. мн. муж.-ср. р. мѣжи, поли, изъ мѣгъ, полъ (сравни вѣлкы, селы), и въ немногихъ корняхъ въ родѣ шити, изъ сѣйти, хѣйти, истъ, истина = *jist-*, изъ *jist-* (срв. лат. *jūs*, *justus*).

Гласный *ъ* изъ обще-индо-европ. *ai* (*āi*) передъ *ј* перешелъ въ *и*, т. е. *ъ* превратилось въ *ји*. Конечно, этотъ переходъ совершился въ ту эпоху, когда *ъ* = *ē* уже образовалось изъ *ai*, но не слилось еще въ одинъ звукъ съ *ъ* изъ *ē* и оставалось закрытымъ *ē*, и когда уже явились шипящія изъ гортанныхъ. Это *ји* мы находимъ въ церковно-славянскихъ и древне-русскихъ формахъ дат.-мѣстн. ед. женск. р. въ родѣ души, изъ душъ, духъ *āi* (сравни женъ), мѣстн. ед. муж. и ср. р. въ родѣ мѣжи, поли, изъ мѣжъ, полъ, мѣгъ, полъ (сравни вѣлъ, селъ), им.-вин. дв. женск. и средн. р. въ родѣ души, поли, изъ душъ, полъ, духъ *āi*, полъ *āi* (сравни женъ, селъ), мѣстн. мн. муж.-ср. р. въ родѣ мѣжихъ, полихъ, изъ мѣжъхъ, полъхъ, мѣгъхъ, полъхъ (сравни вѣлъхъ, селъхъ), въ формахъ мѣстоименій *имъ* = *жимъ* (тв. ед.), *моимъ* = *можимъ*, *ихъ* = *жихъ*, *моихъ* = *можихъ*, *имъ* = *жимъ* и т. д., изъ *жимъ*, *можимъ* и т. д. (сравни *тѣмъ*, *тѣхъ* и т. д.), въ формахъ повелит. наклон. *даита*, *даите* = *дајита*, *дајите*, изъ *дајита*, *дајите* (сравни *беръта*, *беръте*), *можетъ быть*, въ нѣкоторыхъ корняхъ: *инъ* (одинъ) = *жинъ*, изъ *жнъ* (сравни ст.-лат. *oīnos*, лат. *unus*, прусск. *ains*).

Гласный *ъ*, безразлично, восходит ли онъ къ обще-индо-европ. *ī*, или, вмѣстѣ съ *р*, — къ о.-и.-евр. *ṛ*, или произошелъ на славянской почвѣ изъ *e* или *э*, имѣя передъ собою *j* (но не мягкій согласный), перешелъ въ *и*, т. е. группа *jъ* стала звучать *ji*. Само собою разумѣется, это новое *и* по количеству звука первоначально отличалось отъ *и* изъ обще-индо-европ. *ī* или изъ *ъ*. Его мы, между прочимъ, находимъ въ церковно-славянскихъ и древне-русскихъ формахъ им.-вин ед. муж. р. въ родѣ *краи*, *обычаи*, *мои*, *велии* = *краји*, *обычаји*, *моји*, *велији*, изъ *крајъ*, *крајъ* *вельъ*, *вельъ* (сравн. им. ед. муж. р. прилагательныхъ санскр. -*ijas*, греч. -*ιος*, лат. -*ius*), род. мн въ родѣ *краи*, *сѣдъи*, *гостъи*, *костъи* — *раји*, *сѣдъји* и т. д., изъ *крајъ*, *крајъ*, *сѣдъь*, *сѣдъь* (сравн. нн вѣлкъ. *женъ*, греч. -*ων*, лат. -*iūm*), въ словахъ съ суффиксомъ -*ьскъ* въ родѣ *зълодъискъ* = *зълодъискъ*, изъ *зълодъискъ* (сравн. словѣн-ьскъ), въ словахъ съ суффиксомъ -*нь* въ родѣ *достоинъ* = *достоинъ*, изъ *достоинъ* (сравн. польз-ънъ), въ словахъ съ суффиксомъ -*ство* въ родѣ *убиство* = *убиство*, изъ *убъство* (сравн. *блажен-ство*), въ словахъ съ суффиксомъ -*ць* въ родѣ *прѣлюбодѣиць* (Остр. Ев.; сравн. от-ъць) и въ нѣкоторыхъ корняхъ: *и* (*мѣстоименіе*, им.-вин. п. ед. муж. р.) = *ji*, изъ *ъ*, *ъ* (сравн. вин. ед. вѣн-ъ, а также санскр. *jas*, греч. *ῥς*), *иде*, *до-иде-же* Остр. Ев. 70 об., 290, С. Пс. 229, (*нарѣчіе*; сравн. *дон-ѣже*), *имж*, *имеша* и т. д. (сравн. *въз-ѣж*), *иго*, изъ *јѣго*, *јѣго* (сравн. санскр. *jūgam*, лат. *jūgum*), *има* (сравн. средне-болгарск. *ѣма*, прусск. *emens*), *из* (*предлогъ*), изъ *јъ* (сравн. лит. *įž*)

Гласный *ъ* изъ обще-индо-европ. *ē*, звучавшій въ обще-славянскую эпоху открыто и, слѣдовательно, близко къ *a*, — послѣ *j*, мягкихъ шипящихъ согласныхъ и группъ мягкихъ согласныхъ, развившихся изъ *z* и *sk* безъ посредства *j*, перешелъ въ *a*, т. е. сочетаніе *jъ* превратилось въ *ja*. Это *ja* мы находимъ въ цѣломъ рядѣ церковно-славянскихъ и древне-русскихъ именъ: съ суффиксомъ *ъи*: *обычаи* (сравн. стар. русск. собственные имена на -*тъи*, въ родѣ *Потъи*), съ суффиксомъ *ъль*: *печаль*, *скрижалъ*, изъ *печъль*, *пекъль* и т. д. (сравн. *чъбль*, *къпъль*, *обитъль*, *добродѣтъль*) съ суффиксомъ *ънъ*: *рожанъ*, изъ *рожънъ*, *рогъвъ* (сравн. *дрѣвънъ*); въ формахъ сравнительной степени въ родѣ *мъножайи*, изъ *мъножъи*, *мъножъи* (сравни *добръи*; *широтъи*, *множъи*, *высочъи*, *гдъбочъи* и т. п. въ др.-русск. Словахъ Кирилла Иерусалимскаго XI—XII в., *соврем.*

русск. свѣжьѣ, ловчѣ и т. п. — новообразованія), въ формахъ неопред. и въ родѣ кричати, изъ кричѣти, крикѣти (срв. скърбѣти, хотѣти; соврем. русск. свѣжьѣть, хорошѣть и т. п. — повообразованія), наконецъ въ корняхъ словъ: ц.-сл. ямь, ц.-сл. и русск. ядъ, ясли (при ц.-слав. и др.-русск. ѣмь, др.-русск. ѣдъ Ап. 1220 г. 21; кор. ēd-), ц.-сл. яхати, ядж (при русск. ѣхать, ѣду, корень jē-; сравн. лит. jō-ti), ц.-слав. и русск. ядро (при нѣдра), ц.-слав. и русск. язва (при др.-р. ѣзва Свят. Сб. 1073 г. 51, Кормч. ок. 1282 г. 588, 590, Новгород. лѣтоп. XIV в.), ц.-слав. съ-жаг-ати, изъ жьг-, гьг- (при жег-ж), ц.-слав. и русск. жаръ (при гор-ѣти), ц.-слав. и др.-р. жал-ѣти (при жел-ѣти, жел-ати), др.-р. чадъ (при кад-ити), ц.-слав. и др.-р. часть (при кс-нѣти), ц.-слав. и др.-р. чаша (сравн. кошъ), ц.-слав. шп-таль, русск. пицаль (сравн. пискати), ц.-слав. можданъ (сравн. мозъ).

Гласный ѣ, развѣившійся уже на обще-славянской почвѣ (въ род. ед., им.-вин. мн.), находясь послѣ j, не испыталь измѣненія.

Переходъ группъ jo, jъ, jъ въ je, jь, jи, повидимому, совершился въ одно и то же время; переходъ jъ въ jи и jъ въ ja могъ совершиться значительно позднѣе.

Кромѣ измѣненій o, ѣ, ѣ, ѣ, ѣ подъ вліяніемъ j, обыкповенно говорятъ объ измѣненіи ж подъ тѣмъ же вліяніемъ въ а. Но нѣтъ никакого основанія думать, чтобы j продолжалъ оказывать свое дѣйствіе на качество слѣдующихъ за нимъ гласныхъ въ то время, когда въ обще-славянскомъ языкѣ уже образовались носовые гласные. По всей вѣроятности, произведенныя j измѣненія слѣдующихъ за нимъ гласныхъ закончились еще тогда, когда въ группѣ om, он существовали носовые согласные. Въ виду этого мы можемъ говорить не объ измѣненіи jъ въ ja а объ переходѣ группъ jом, jон, съ ѓ и ѓ, въ jem, jen, съ ѣ и ѣ. Этотъ переходъ мы находимъ только въ четырехъ церковно-славянскихъ формахъ: въ им. ед. причастій наст. вр. муж. р. въ родѣ дам, ѣмла, изъ дѣjѣнс, дѣjѣнс, дѣjѣнс (сравн. лит. прич. на -as), въ вин. мн. муж. р. въ родѣ крам, мѣжа, изъ краjѣнс, краjѣнс, краjѣнс (сравн. vóμονς), и въ род. ед. и им.-вин. мн. женск. р. дупа, изъ духjѣнс, духjѣнс, духjѣнс. Вѣроятно, образованіе здѣсь je изъ jo и jo изъ ja зависѣло отъ того, что группы jам, jам находились почти въ исходѣ формъ и что за этими группами слѣдовалъ с. Оно можетъ быть въ тѣсной связи съ образованіемъ ѣ въ беры, вѣлкы, жены.

Во всѣхъ остальныхъ довольно многочисленныхъ случаяхъ, гдѣ во время перехода *jo, jō* въ *je, jē* звукъ *o* передъ носовымъ согласнымъ еще не развился, т. е. гдѣ сохранилось передъ носовымъ согласнымъ *ǫ, ǫ̃*, — измѣненія въ качествахъ *ǫ, ǫ̃* не послѣдовало и группы *jām, jā̃m* и т. п. сохранились. Послѣ, когда переходъ *jo* въ *je* уже закончился, эти группы образовали йотированный носовой гласный — предокъ церк.-слав. ѣ. Его мы находимъ въ церк.-слав. формахъ: вин. ед. женск. р. въ родѣ душѣ, душѣ, мѣшѣ, изъ духъjām, твор. ед. въ родѣ женѣ, мѣнѣ, костькѣ, вѣроятно, изъ -jām, 1 л. ед. ч. наст. вр. въ родѣ дажѣ, изъ дajām, 3 л. мн. ч. въ родѣ дажѣтъ, изъ -jāntā, въ причастіи наст. вр. въ родѣ дажшті (им. ед. женск. р.), дажшта (род. ед. муж. р.) изъ -jānt-, въ нѣсколькихъ церк.-славянскихъ словахъ какъ съ *j* органическимъ, древнимъ, такъ и съ неорганическимъ, возникшимъ на обще-славянской почвѣ, въ родѣ ѣду же (Остр. Ев.; корень jā, тотъ же, что въ мѣстоим. ѡ; срв. иждѣ и т. п.), отънѣдѣ С. Тр. 98, 104, 119, С. Пс. 285, отънѣду С. Тр. 110 (др.-р. отънюду, соврем. р. отнюдѣ), жръѣду, вѣнжръѣду С. Пс. 97, пажѣтъ (паучина въ др.-р. Златоструѣ XII в.), ѣза, ѣдоль, ѣтроба.

Согласный *j*, находясь *послѣ* гласныхъ, также произвелъ въ нихъ въ обще-славянскую эпоху нѣкоторыя измѣненія, которыя впрочемъ были необязательными, т. е. могли и совершиться, и не совершиться.

Гласный *z*, имѣя послѣ себя *j*, ассимилировался съ нимъ и перешелъ въ *ы*, которое, вѣроятно, первоначально отличалось по количеству отъ *ы* изъ обще-индо-европ. *ū*. Это *ы* мы находимъ въ церковно-славянскихъ и древне-русскихъ формахъ членныхъ именъ прилагательныхъ и мѣстоименій, въ родѣ добрыи (им.-вин. ед.) = добрыи, изъ добръ-ји, добрыимъ, изъ добръ-жимъ, добрыхъ, изъ добръ-жихъ и т. д. (рядомъ: добръ-и, дръжавънзи Остр. Ев. 277 об., откуда ц.-сл. и русск. доброй; добръ-имъ; добръ-ихъ и т. д.), въ нѣкоторыхъ глаголахъ въ родѣ крьжѣ, мьжѣ, изъ крь-жѣ, мь-жѣ (рядомъ: крьжѣ, др.-русск. крью Миней 1097 г. 426, соврем. русск. крою, повелит. накл. о-ми С. Тр. 155, совр. р. мой), наконецъ, можетъ быть, въ сочетаніяхъ 1) глагольныхъ формъ 3 лица ед., 1 и 3 мн. наст. вр. и 2) предлоговъ-префиксовъ со слѣдующими словами, въ родѣ ц.-слав. ведеты и, изъ ведетъ (3 л. ед.) жи (вин. ед.), вы инжѣ,

Зогр. Ев., въ истинѣ Мар. Ев., къ Исусови Зогр. Ев., изъ въ инж (вин. ед.) и т. д. Впослѣдствіи, въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ, *ы* изъ *ѣ* слилось съ слѣдующимъ *и* въ одинъ звукъ *ы*.

Гласный *ѣ*, имѣя послѣ себя *ј*, ассимилировался съ нимъ и перешелъ въ *и*, которое, вѣроятно, первоначально отличалось по количеству отъ *и* изъ обще-индо-европ. *ī*, *eī*. Это *и* мы находимъ въ церковно-славянскихъ и древне-русскихъ формахъ членныхъ именъ прилагательныхъ, причастій и мѣстоименій, въ родѣ ц.-слав. *рожди*, ц.-слав. и др.-русск. *сии* (им.-вин. ед.) = *рождији*, изъ *рождѣ-ји* (рядомъ: ц.-слав. *рождѣи*, *съи*, откуда *рожден*, русск. *сей*, сербск. *сај*); въ формахъ именъ существительныхъ и нечленныхъ прилагательныхъ съ окончаніями *-ицѣ*, *-ицѣ*, *-ицѣ*, въ родѣ *ведицѣ*, *змицѣ*, *змицѣ*, *копицѣ*, изъ *змиѣји* (*змиѣ-јѣ*, *змиѣ-јѣ*), *змиѣја*, *копѣје* (**копѣјо*; рядомъ: *змиѣи*, род. *змиѣи* С. Пс. 205, откуда ц.-слав. и русск. *змеи*, сербск. *змај*, съ *а* изъ *ѣ*; *змиѣя*, откуда русск. *змея*; *копѣѣ*, откуда соврем. русск. *копѣѣ*; сравн. окончанія греч. *-ίος*, *-ία*, *-ίων*, лат. *-іus*, *-іа*, *-іum*); въ формахъ род. мн. въ родѣ *гостицѣ*, *костицѣ*, *трицѣ* *сѣдѣи*, изъ *гостѣји* (*гостѣјѣ*, *гостѣјѣ*, сравн. греч. *πρό-ιον*, лат. *av-ium*; рядомъ: ц.-сл. и русск. *гостѣи*, *костицѣ*, *трицѣ*, *сѣдѣи*, откуда *гостеи*, *костицѣ*, *трицѣ*, *сѣдѣи*); въ формахъ 1 лица ед. наст. вр. при соединеніи ихъ съ вин. п. мѣстоименія *и*: ц.-слав. *дами и*, изъ *дамѣи* и (при древне-русск. *ведети и*, *ведяшети и*, *ведуги и*, *ведяхуги и*, 3 л. ед. и мн.; рядомъ ц.-слав. *дамѣи* и, др.-русск. *ведеть и*, и т. п.); въ формахъ глаголовъ въ родѣ *пѣѣ*, *бѣѣ*, *сѣѣти*, изъ *пѣ-јѣ*, *бѣ-јѣ*, *сѣѣти* (рядомъ: ц.-слав. *пѣѣ*, *бѣѣ*, русск. повелит. *пей*, *бей*; ц.-слав. *сѣѣти* Кл. Сб. 9, малорусск. *сѣѣти* = **сѣѣти*), а также въ производныхъ отъ вышеуказанныхъ именъ и глаголовъ, въ родѣ *змиинѣ*, *вино-пѣѣ*, *убиѣство* (сравн. въ Зогр. Ев. и въ др.-русск. Галицкомъ Ев. 1144 г., 34: *убиѣство*). Позже иногда *и* изъ *ѣ* слилось съ слѣдующимъ *и* въ одинъ звукъ.

Переходъ ѣ въ и. Тотъ *ѣ*, который ведетъ свое начало изъ дифтонга *аі* и который развился изъ этого дифтонга уже на славянской почвѣ (вѣроятно, уже послѣ того, какъ исчезли въ обще-славянскомъ языкѣ конечные согласные), въ двухъ формахъ, находясь въ исходѣ ихъ, перешелъ въ *и*. Эти формы—1) имеп. мн. муж. р. *раби*, *вѣлци* и т. п. и 2) 2-го и 3-го л. ед. повел. наклон.

бери, рыци и т. п. Сравни съ первую изъ нихъ греч. λύκοι, лит. vilkai, со второю -- греч. желательн. φέροις, φέροι. Причина этого перехода совершенно неясна, такъ какъ въ другихъ, сходныхъ формахъ ъ изъ того же ai сохранился: мѣстн. ед. рабѣ, вълцѣ (сравн. греч. οἴχοι), повел. берите, рыцѣте (сравн. греч. φέροιτε). Кромѣ этихъ двухъ формъ, и, вѣроятно, изъ ъ,—находится въ формахъ 2 л. ед.: ѡси, даси (срв. греч. медіальныя ф. φέρε(σ)αι и т. п.) и въ частицѣ ци, рядомъ съ цѣ (сравн. греч. και). Впрочемъ мы должны отмѣтить имен. мн. облацѣ, вразѣ С. Ис. 29, 201.

Есть мнѣніе, что въ раби, бери и образовалось непосредственно изъ дифтонга ei. Это мнѣніе не можетъ быть принято, въ виду и въ вълци, рыци, которое, какъ увидимъ ниже, могло явиться только передъ звукомъ ъ или и изъ ai и на мѣстѣ котораго мы имѣли бы ч, если бы и въ названныхъ формахъ произошло изъ ei.

Обще-славянское и въ двухъ формахъ им. ед. ц.-сл. и др.-р. мати и ц.-слав. дѣшти, др.-р. дѣчи, на мѣстѣ ъ изъ ē (сравн. лит. motė, duktė), не имѣетъ никакого отношенія къ переходу ъ въ и. Оно перешло въ эти формы изъ довольно многочисленныхъ формъ им. ед. женск. р. на и, въ родѣ пустыни, давѣши, больши.

Отжествление двухъ ъ. Какъ мы видѣли, ъ изъ ē и ъ изъ ai имѣли въ обще-славянскую эпоху различную судьбу: j+ъ изъ ē дало jā, j+ъ изъ ai дало ju; слѣдовательно, они были различными звуками. Но въ концѣ обще-славянской эпохи они слились въ одинъ звукъ. Въ однихъ говорахъ обще-славянскаго языка—именно въ предкахъ церковно-славянскаго съ ново-болгарскимъ и польскаго, этотъ звукъ былъ ē открытое, близкое къ a (откуда переходъ его въ a); въ другихъ, напротивъ, онъ былъ ē закрытое, близкое къ и (откуда переходъ его въ и въ русскомъ-новгородскомъ, сербскомъ, чешскомъ). Отдѣльные славянскіе языки въ своей исторіи уже не знаютъ различія между ъ изъ ē и ъ изъ ai: судьба того и другаго въ нихъ постоянно одинакова.

Тотъ ъ, который образовался на обще-славянской почвѣ (въ бръгъ и т. п., въ формахъ род. ед., им.-вин. мн., въ нѣсмь) и который первоначально отличался отъ ъ изъ ē и отъ ъ изъ ai, съ теченіемъ времени также слился съ ними.

Стяженіе гласныхъ. Случаи стяженія гласныхъ въ обще-славянскомъ языкѣ были немногочисленны; они должны относиться къ позднѣйшей эпохѣ его существованія.

Это—стяженіе группы *eje*, черезъ *ee*, въ ѣ, т. е. въ *ē*: ц.-сл. и др.-р. нѣсмь (1 л. ед.), нѣсте, изъ не ѣсмь, не есмь; соврем. русск. нѣ-тъ. Въ другихъ случаяхъ группа *eje* сохранилась.

Далѣе,—стяженіе группы *yje* (съ неудараемымъ *e*) въ одинъ долгій гласный, происшедшее послѣ выпаденія *j* (срв. въ Остр. Ев. небесъ-нѣемь и т. п.) и взаимной ассимиляціи *z* и *e*. Въ трехъ примѣрахъ его, находимыхъ нами въ церк.-славянскихъ памятникахъ, этотъ гласный—*o*, въ сербскомъ и русскомъ языкахъ также—*o*, въ главныхъ западно-славянскихъ языкахъ—*e*: церк.-слав. живого (Савв. Ев. 41), изъ живъ-его, сербск. живого, русск. живого, чешск. *dobrého*, польск. *dobrego*; ц.-слав. небесъному (Син. Тр. 86); святому (Л. Унд.), изъ сватъ-ему, ср.-болг. святому, сербск. светому, русск. святому, чешск. *svatému*, польск. *świątemu*. Это стяженіе въ падежныхъ формахъ именъ прилагательныхъ и мѣстоименій членныхъ въ обще-славянскую эпоху было обязательно; по крайней мѣрѣ группа *yje* не встрѣчается въ нихъ ни въ церковно-славянскомъ, ни въ другихъ славянскихъ языкахъ. Въ другихъ образованіяхъ (въ формѣ, напримѣръ, 2 л. мн. ч. *крьете* = русск. *кроете*, вѣроятно, вслѣдствіе вліянія формъ 1 л. ед. и 3 л. мн. (*кръж*, *кръжтъ*), стяженіе *ѣе* неизвѣстно.

Кстати замѣтить, что группа *oje* въ обще-славянскую эпоху нигдѣ не подверглась стяженію.

Стяженіе группы *yje* въ *e* не имѣетъ себѣ примѣровъ въ церковно-славянскихъ памятникахъ, но о существованіи его въ церковно-славянскомъ языкѣ можно говорить на основаніи существованія стяженія *yje* въ *o*. Оно извѣстно въ средне-болгарскомъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ: ср.-болг. *синему*, сербск. *синѣму*, русск. *синему*, чешск. *siněmu* и т. д. Это стяженіе въ обще-славянскихъ падежныхъ формахъ прилагательныхъ и мѣстоименій членныхъ должно было быть обязательнымъ. Въ другихъ образованіяхъ (въ формѣ *быете* и т. п.) оно неизвѣстно.

Сверхъ того, вѣроятно, въ обще-славянскомъ языкѣ произошло стяженіе трехъ гласныхъ въ два, наблюдаемое въ формахъ именъ прилагательныхъ и мѣстоименій членныхъ, именно стяженіе:

группъ *ыјеја*, *дјеја* въ *ыи*, *аи* въ формахъ род. ед. женск. р.:
ц.-сл. добрыи, доблѣи, др.-р. добрыѣ;

группъ *ѣјеи*, *ијеи* въ *ѣи*, *иѣи* въ формахъ дат.-мѣстн. ед. женск.
р.: ц.-сл. и др.-р. добрыи, ц.-сл. доблѣи;

группы *ујею* въ *ую* въ формахъ род.-мѣстн. дв.: ц.-сл. добрую.

Во всякомъ случаѣ формы въ родѣ добрыи, добрыи, добрую
до насъ не дошли.

Количество обще-славянскихъ гласныхъ. Различіе между гласными по количеству, повидимому, сохранялось въ теченіе всего обще-славянскаго періода. Въ обще-славянскомъ языкѣ въ послѣднее время его существованія должны были быть: 1) гласные болѣе долгіе, образовавшіеся на обще-славянской почвѣ путемъ стяженія; 2) гласные менѣе долгіе — потомки обще-индо-европейскихъ гласныхъ долгихъ; 3) гласные краткіе — производные обще-индо-европейскихъ гласныхъ краткихъ, и 4) гласные очень краткіе — неударяемые *ъ* и *ь* и происшедшія изъ нихъ *ы* и *и*. Относительно долготы первыхъ — болѣе долгихъ — гласныхъ надо сказать, что они сохранили до нашего времени свою долготу въ тѣхъ славянскихъ языкахъ, которые еще имѣютъ долгіе гласные, — въ сербскомъ, въ чешскомъ. Что до вторыхъ — менѣе долгихъ — гласныхъ, то изъ нихъ одинъ несомнѣнно сохранялъ нѣкоторое время свою долготу въ разныхъ славянскихъ языкахъ; это — *ъ*, который былъ долготъ въ древне-русскомъ (какъ показываютъ, между прочимъ, его современныя производныя — малорусскіе дифтонги въ родѣ *іе*, *іѣ*) и, вѣроятно, въ древне-сербскомъ языкѣ. Сохраненіе этимъ звукомъ долготы (долѣе, чѣмъ другими долгими гласными), быть можетъ, находится въ связи съ сравнительно позднимъ образованіемъ *ъ* изъ дифтонга *аі*. Впрочемъ менѣе долгіе гласные едва ли особенно рѣзко отличались отъ просто краткихъ гласныхъ. Наконецъ, относительно сравнительно значительной краткости четвертыхъ гласныхъ можно сказать, что она перешла изъ обще-славянскаго языка въ отдѣльные славянскіе языки и въ этихъ послѣднихъ (во всѣхъ безъ исключенія) привела къ одному и тому же результату — къ исчезновенію большей части этихъ гласныхъ (*ъ*, *ь*, *и*).

2. С о г л а с н ы е.

Переходъ с въ х. Обще-славянское *с* изъ обще-индо-европ. *s* (а также изъ до-славянск. *ts* и обще-славянскаго *ks*) во многихъ случаяхъ перешло въ *х*.

Этотъ переходъ особенно часто имѣлъ мѣсто въ серединѣ словъ между двумя гласными (кромѣ юсовъ): ц.-сл. и русск. *духъ*, изъ *дусъ* (сравн. лит. *dausas*); ц.-сл. и др.-р. *въз-дѣхъ*, изъ *дѣсъ* (сравн. лит. *dušas* вздохъ); *снѣха*, изъ *снѣса* (сравн. санскр. *snūṣa* сноха, лат. *purus*, *r* изъ *s*); *ветѣхъ* (сравн. лат. *vetus veteris*, съ *r* изъ *s*, лит. *vėtušas* старый); *быхъ*, 1 л. ед. аор. (сравн. греческ. ἔβουα и т. п.); *рѣхъ*, 1 л. ед. аор., изъ *рѣк-съ* (сравн. греч. ἔδειξα); *вълцѣхъ*, мѣстн. мн. (сравн. санскр. *vṛkēṣu*, мѣстн. мн.); *мышь*, изъ *мышъ*, *мышь* (сравн. лат. *mūs mūris*, изъ *mūsis*). Но онъ не былъ обязательнымъ, и въ цѣломъ рядѣ словъ обще-слав. *с* между двумя гласными сохранило свой древнй звукъ: *носъ* (сравн. лат. *nares*, *r* изъ *s*); *роса* (сравн. лит. *gasa* роса); *по-ясъ* (сравн. лит. *jūsti* опоясывать), *бѣсъ* (сравн. лит. *baĩsus* страшный), *небесе*, род. ед. (сравн. греч. νέφεος изъ νέφεσσος).

Далѣе, *х* изъ *с* нерѣдко въ началѣ словъ, какъ передъ гласными, такъ и передъ согласными (особенно передъ губнымъ *ѳ*): ц.-слав. *хѣтити*, *худъ*, *хулити*, *хватати*, *хвратиѣ*, *хромъ*—*храмѣж* (сравн. санскр. *grāmas* хромой), *шесть*, изъ *хестъ* (сравн. лат. *sex*). Но столь же нерѣдко или даже болѣе часто здѣсь и старое *с*: *сынъ*, *соль*, *сѣмя*, *сѣсти*, *себѣ*, *са*, *свои*, *свинья*; а передъ *т*, *п* мы его видимъ даже постоянно: *стати*, *стыдъ*, *страна*, *стелѣж*, *спѣти*. Есть слова, гдѣ является то *х*, то *с*: ц.-слав. и русск. *шагати* (*ш* изъ *х*) и *сагати*, ц.-сл. *шѣръсть* и *сѣръсть*, ц.-сл. и др.-р. *шара* (краска, изъ *хѣра*) и *сѣра*, русск. *хмурь* и *смурь*. Сравни русск. *трязати*, *трязнуть* при *трясу*, *труса* при *трусѣти* и т. п.

Наконецъ есть небольшое количество словъ, гдѣ *х* находится между согласнымъ (или юсомъ) и гласнымъ или между гласнымъ (даже юсомъ) и согласнымъ въ серединѣ словъ: *върхъ*, *прахъ* (изъ *пѣрхъ*), *брашно* (изъ *бѣршно*), *благо-жхати*, *рухло*, *драхъ* (при *драселъ*), *-дѣхнѣти*, *гѣхнѣти* и т. п. Въ послѣднихъ словахъ при-

существо *x* можетъ быть объяснено вліяніемъ на нихъ другихъ, родственныхъ съ ними словъ: сравни дѣлѣти и душь, -дѣль, глѣлѣти и глушь. Слово вѣлѣть (ц.-сл. и русск.) имѣетъ *x* между двумя согласными; оно, быть можетъ, принадлежитъ къ числу заимствованныхъ словъ.—Но обыкновенно *s* между согласнымъ и гласнымъ или между гласнымъ и согласнымъ сохраняется, хотя бы согласный вошелъ въ составъ *ж*, *л* или исчезъ: гжсь, изъ гѣнсь (ср. лит. *gąsis*), жсь, изъ жем-сь (1 л. ед. аор.); оса, изъ опса (лит. *varpa*) и т. п.

Быть можетъ, обще-слав. *s* изъ обще-индо-европ. *k* небнаго также кое-гдѣ перешло въ *x*; но мы не въ состояніи представить достовѣрныхъ примѣровъ этого перехода изъ памятниковъ церковно-славянскаго языка. Русск. прохаты при ц.-слав. просити (сравн. лат. *prosecor* и др) и т. п., по нашему мнѣнію, могутъ быть новообразованиями (сравн. русск. тряхать при трясу и т. п.).

Трудно сомнѣваться въ томъ, что переходъ *s* въ *x* принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ обще-славянскихъ измѣненій въ области согласныхъ: онъ совершился ранѣе того времени, когда начались измѣненія согласныхъ подъ вліяніемъ мягкихъ гласныхъ или *j* (такъ называемыя смягченія).

Кромѣ *x* изъ *s*, въ обще-славянскомъ языкѣ есть нѣсколько словъ нѣмецкаго происхожденія, гдѣ *x* = готск. *h*: хлѣбъ = готск. *hlaiþs*, хлѣвина, хлѣвъ = готск. *hlaiws*.

Первое смягченіе гортанныхъ. Гортанные согласные подверглись въ обще-славянскомъ языкѣ такъ называемому смягченію и перешли *g* — въ мягкое *ж*, *k* — въ мягкое *ч*, *x* — въ мягкое *ш*, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда за ними слѣдовалъ одинъ изъ мягкихъ гласныхъ: *e*, *i*, *ь*, *ь* изъ обще-индо-европ. *ē*, *yo* изъ обще-индо-европ. *ei*, *l* (если опъ уже существовалъ) или согласный *j*; при этомъ *j* слился съ *ж*, *ч*, *ш*. Напримѣръ: ц.-слав. и др.-русск. жена (изъ гена, сравн. прусск. *gana*), живѣ (сравн. лит. *gīvas*), жьньж, жати (сравн. лит. *gīnu, gīnti*), жарѣ, жарь (изъ жѣрь, гѣрь, сравн. гор-ж), жюж (сравн. греч. γέυ-ματι), кожа, кожа (изъ кожа, срв. р. ко-оть); вѣлче (зват. ед.; срав. лит. *vilke*, зв.), чисть (срв. лит. *kīstas*), -чьнж-чати (сравн. кон-), чюдо (сравн. др.-русск. кудо, греч. κεύθος), тжча (изъ тжѣја); душе (зв. отъ душь), крушити (сравн. кръжа), слышати (изъ —хѣти), душа, душа (изъ дуѣја).

Время, когда совершилось смягченіе гортанныхъ въ мягкія *ж, ч, ш*, можно опредѣлять относительно. Оно принадлежитъ той эпохѣ жизни обще-славянскаго языка, когда дифтонгъ *ai* еще не перешелъ въ *ē* и былъ твердымъ звукомъ, неспособнымъ быть причиною смягченія. Вслѣдствіе этого слова съ *ъ* или *и* изъ дифтонга *ai* не знаютъ смягченія гортанныхъ въ шипяціе.

Процессъ, которымъ *г* измѣнилось въ *ж, к* — въ *ч, х* — въ *ш*, трудно опредѣлить. Несомнѣнно, въ числѣ промежуточныхъ звеньевъ между *г* и *ж* не было ни *дж*, ни мягкаго *д*, хотя и было *дж* (съ мягкимъ *д*), подобно тому какъ между *к* и *ч* было *тш* (съ мягкимъ *т*), откуда, черезъ сліяніе согласныхъ, — *ч*. Это *дж* измѣнилось въ *ж*, т. е. ассимилировало свою первую часть со второю, еще въ обще-славянскую эпоху, и изъ обще-славянскаго языка не перешло въ отдѣльные славянскіе языки (малорусское *дж* вмѣсто *ж* въ *джерело* и др. и ново-болгарско-македонское *дж* въ *мъджъ* = *мжъ* и др., — вѣроятно, новообразованія).

Гортанные передъ перечисленными выше гласными смягчились всѣ безъ исключеній (*к* передъ *ъ* въ др.-русск. *скърбь*, *скербь* и передъ *е, ъ* въ др.-русск. *скепати*, *скъпати* Слово о полку игоревѣ и т. п. можно считать перешедшимъ въ эти слова изъ родственныхъ словъ въ родѣ *скърбь*, *скопити* и т. п., гдѣ *к* не должно было смягчиться). Разумѣется, они смягчились и въ тѣхъ случаяхъ, когда передъ *к* и *х* находилось *с*, а передъ *г* — *з*; при этомъ *с* и *з* подверглись ассимиляціи съ звуками, происшедшими изъ *к* и *г*, и въ свою очередь оказали на нихъ нѣкоторое вліяніе.

Группа *ск* перешла въ обще-славянскомъ языкѣ въ *шч*, откуда съ одной стороны, черезъ переходъ *ч* въ мягкое *т*, церк.-слав., сербск., отчасти чешск. *шт* (съ мягкимъ *т*), съ другой, при сохраненіи *ч*, — др.-русск., словинск., польск., лужицк. (отчасти чешск. и ново-болг.) *шч* или *шч*; такимъ образомъ получилось: изъ *искетъ* (сравн. *искж*, 1 л. ед.) — ц.-слав. *иштеть*; изъ *скадити* (или *скендити*, сравн. *сждѣ*) — ц.-слав. *штадити*, др.-русск. *шадити*; изъ *пискъль* (сравн. *пискати*) — ц.-слав. *пишталь*, др.-русск. *пищаль*; изъ *попърискъје*, *попърискъо* (сравн. суффиксъ въ польск. *ognisko*) — ц.-слав. *попърште*, др.-русск. *попърше*, и т. п. Это измѣненіе было испытано группою *ск* и въ томъ случаѣ, когда ея первый звукъ (изъ *з*) принадлежалъ предлогу-префиксу, а вторымъ начиналось имя или

глаголь; такъ, бес-кисльнъ (сравн. число) дало ц.-сл. *бештисльнъ*, бес-кадь (сравн. чѣдо) — *бештадь*, бес-кисла — *бе-штисла* (др.-р. *бешисльнъ*, *бешцѣдъ*, *бе-щисла*, и-Щърнигова Сказ. о Бор. и Гл. XII в. 14 об.). Впрочемъ, иногда мы находимъ въ церк.-слав. памятникахъ, вмѣсто *шт*, одно *ч* или *сч*: *ичистити* (Савв. Ев. 47), *ичезвѣти* (Свн. Пс. 220), *ичѣтена* (С. Тр. 115), *ичрѣва* (Зогр., Асс., Мар. Ев.), *бечѣстьнъ* (Супр. р. 336), *бе-чѣсти* (С. Тр. 1), *бесчивнънъ* (Супр. р. 296). Случаи употребленія *сч*, вѣроятно, — позднѣйшее явленіе. Они — или результатъ стремленія къ этимологизации: срв. изъ *чрѣва* Остр. Ев. 74 об., безчисменными, безъчиніе, безъчинство, безъ чипу др.-р. Златоструй XII в.; или — слѣдствіе употребленія предлоговъ *изъ*, *безъ*, *съ* з на копѣ.

Группа *зи* перешла въ обще-славянскомъ языкѣ въ *ждж*, откуда съ одной стороны, черезъ переходъ конечнаго *дж* въ мягкое *д*, — ц.-слав., сербск., чешск. *жд* (съ мягкимъ *д*), съ другой, черезъ переходъ *дж* въ *ж*, — русск. *жж*; такимъ образомъ получилось изъ розьѣ (ср. роза) — ц.-слав. *рождѣе*, др.-русс. *рожжѣе*, откуда малор. *рожжѣе*, новгор. *рожжѣе*, изъ *мозѣнъ*, *мозити* (сравн. *мозѣ*) — ц.-слав. *можданъ*, *мождити*, русск. *можежить*. Въ польскомъ яз. группа *ждж* сохраняется: *móźdzek*.

То же измѣненіе было испытано группою *зи* и тогда, когда съ первый звукъ принадлежалъ предлогу-префиксу, а вторымъ пачиналось имя или глаголь, съ тою разницею, что здѣсь въ древне-русскомъ языкѣ *жж* — если не перешло въ *жч*, *жз* — стѣнулось въ *ж*; такъ, *из-женж* (сравн. *женж*) дало въ церковно-славянскомъ языкѣ *ижденж*; *из-живж* (сравн. *живж*) дало *иждивж*; *вѣз-ждатиса* (сравн. *ждждж*) дало *вѣждатиса* (др.-русс. *ижснѣ* при *ижчснѣ*, *ижснѣ*; *иживнѣ*; *вѣжсѣлѣти* при *вѣжсѣлѣти*; въ Остромировомъ Ев.: *вѣжжж-дѣтсѣ* 30 об., въ Минеѣ 1095 г.: *ражжжс*, *ражжжжжс* 25, *ражжжжжс* 26, *вѣжжжжжс* 31, — ѣль 33 и т. п., въ Словахъ Кирилла Иерусал. XI—XII в.: *ражжжжжс*, въ Прологѣ 1262 г.: *ижснѣ* 30 об., — еть 5,8 об., —уть 101 об., *чжжжжжс* 99 об., —епыхъ 109, *ражжжжжс* 74 и друг.; впрочемъ возможно, что древне-русскія *ижчснѣ*, *ижснѣ* и т. п. — не пародныя формы, а книжныя передѣлки ц. слав. *ижденж*: срв. *рожжжжжснѣ* = др.-р. *рожжжжжснѣ*, *рожжжжжснѣ*, — пыхъ Минея 1095 г. 179, 181, 183, духъ нужьныи Минея 1096 г. 57).

Группа *сх* была известна въ обще-славянскомъ языкѣ только въ тѣхъ случаяхъ, когда *с* (изъ *э*) принадлежало предлогу-префиксу, а *х* — имени или глаголу. Въ большинствѣ случаевъ она дала *ш*; такимъ образомъ изъ бес-хюма (сравн. шюмъ) въ церковно-славянскомъ языкѣ, какъ и въ древне-русскомъ и въ другихъ славянскихъ, получилось бе-шюма, изъ ис-хъдъ (сравн. шьдъ) — ишьдъ, изъ рас-хирити — раширити и т. п. Въ меньшинствѣ случаевъ на мѣстѣ *сх* мы видимъ *ш*: ишьдъше Остр. Ев. 99. Это *ш* изрѣдка встрѣчается изъ древнихъ памятниковъ только въ русскихъ и едва ли не принадлежитъ къ числу позднѣйшихъ явленій, какъ и *сч* изъ *ск*.

Не излишне замѣтить, что переходъ гортанныхъ въ шипящiе въ нѣсколькихъ случаяхъ совершился въ обще-славянскомъ языкѣ даже тогда, когда гортанный не находился непосредственно передъ мягкимъ гласнымъ или *ј*, а былъ отдѣленъ отъ него согласнымъ *в*: вльиве (зв. отъ вълхвъ), вльивение, вльивьба (др.-р. Кормчая XII в. Син. Б. № 227, л. 59 об.), ливьвникъ (др.-р. Пандекты Антіоха XI в. 25), ливьвънъ (ibid. 30; сравн. ливва). Здѣсь роль мягкаго гласнаго сыграло мягкое *в*.

Второе смягченіе гортанныхъ. Тѣ же *г, к, х*, которыя смягчились въ *ж, ч, ш*, въ нѣкоторыхъ случаяхъ смягчились въ мягкія *дз* (*с*, откуда *э*), *ц, с*. Это второе смягченіе гортанныхъ было двухъ видовъ и произошло 1) подъ вліяніемъ послѣдующихъ мягкихъ гласныхъ и 2) подъ вліяніемъ предъидущихъ мягкихъ гласныхъ.

Смягченіе 1-го вида имѣло мѣсто передъ *н* изъ дифтонга *ai* и передъ *и*, развившимся изъ этого *н* (если это *и* успѣло уже развиться): вразѣ (мѣстн. ед., сравн. греч. οἶχοι) носѣ (дат.-мѣстн. ед.; срв. греч. χαμαί), зѣлѣ (сравн. лит. gailus жесткій), жьзѣте, жьзи (повелит. н. отъ жезж; сравн. греч. φέρσιτε, φέρσις), врази (им. мн., сравн. греч. οἶχοι, лит. vilkai), вльиѣ (мѣстн. ед.), ржиѣ (дат.-мѣстн. ед.), цѣвна (сравн. лит. kaina), рьцѣте, рьци (отъ режж), дусѣ (мѣстн. ед.), дуси (им. мн.). Сверхъ того, смягченіе *к* въ *ч* 1-го вида произошло въ одномъ словѣ передъ *а*. Это — ц.-слав. цата, др.-р. цята, которое есть не что иное, какъ готск. kintus, измѣнившееся въ звукахъ на обще-славянской почвѣ.

Это смягченіе имѣло мѣсто въ обще-славянскую эпоху уже послѣ того, какъ закончилось смягченіе гортанныхъ въ шипящiе, тогда,

когда изъ дифтонга *ai* образовалось *ē* и нѣмецкая семья языковъ стала оказывать вліяніе на славянскую.

Процессъ, которымъ *z* измѣнилось въ *dz*, *κ* — въ *ц*, *χ* — въ *с*, трудно опредѣлить. Несомнѣнно, въ числѣ промежуточныхъ звеньевъ между *z* и *dz* не было ни *dj*, ни мягкаго *d*. Звукъ *dz*, вѣроятно, сохранился въ обще-славянскомъ языкѣ до конца его самостоятельнаго существованія, и изъ него перешелъ въ отдѣльные славянскіе языки, изъ которыхъ въ однихъ (въ польскомъ, отчасти церковно-славянскомъ и ново-болгарскомъ) онъ сохранился, въ другихъ (въ русскомъ, сербскомъ, словянскомъ, чешскомъ, отчасти въ церковно-славянскомъ и ново-болгарскомъ) утратилъ *d* и превратился въ *z*: русск. *ворозѣ*, *нозѣ*, *зѣло*, *жъзѣте*, *жъзи*, *ворози*.

Гортанные передъ *η* и *ι* изъ *ai* смягчились, между прочимъ, и тогда, какъ передъ *κ* находилось *с*, а передъ *z* — *з*; при этомъ *с* и *з* оказали нѣкоторое вліяніе на звуки, получившіеся изъ гортанныхъ.

Группа *ск* перешла въ обще-славянскомъ языкѣ въ *си* (съ мягкими *с* и *и*), откуда съ одной стороны, черезъ переходъ *и* въ мягкое *т*, — обще-слав. мягкія *ст*, съ другой — обще-слав. мягкія *си*: ц.-слав. и др.-р. *стѣнь* (вѣроятно, изъ *скѣнь*; сравн. *схiá*); *дѣстѣ* и *дѣсиѣ* (отъ *дѣска*); *людѣсти* и *людѣси* (отъ *людѣскъ*, им. мн.). Большая часть церковно-славянскихъ памятниковъ имѣетъ въ окончаніяхъ надежныхъ формъ (не въ корняхъ) и *ст*, и *си*; меньшая — только *си* (Савв. Ев., Син. Тр., Кд. Сб.). Переходъ группы *ск* въ *си* (часто) и *ст* (рѣдко) совершился и въ тѣхъ случаяхъ, когда *с* (изъ *з*) принадлежало предлогу-префиксу, а *κ* — имени или глаголу: ц.-слав. и др.-р. *ис-цѣлити* (Мар. Ев.) и ц.-сл. *ис-тѣлити* (Супрасл. рукп. 86 и др.; Син. Пс. 80). Рядомъ, очень часто (въ Син. Требникѣ постоянно): ц.-слав. и др.-р. *и-цѣлити* (напр. Савв. Ев. 15, 23), *и-цѣркѣве* (напр. Остр. Ев. 9) и т. п.

Группа *зи* перешла въ обще-славянскомъ языкѣ въ *зди* (*з* и *д* мягкія), откуда съ одной стороны обще-слав. *зд* (*з* и *д* мягкія): ц.-слав. *дроздѣ* (дат.-мѣстн. отъ *дроза*, Супр. р. 9), — съ другой обще-слав. *дрозѣ*, др.-р. *дрозѣ*. Форма съ *зс* не засвидѣтельствована памятниками.

Кромѣ перехода *z*, *κ*, *χ* въ *с* (*з*), *и*, *с* непосредственно передъ *η* и *ι*, мы знаемъ нѣсколько случаевъ, гдѣ этотъ переходъ совершился передъ *в* съ слѣдующимъ *η*, *ι* и вообще мягкимъ глас-

нѣмъ. Это: вѣлси (им. мн. отъ вѣлтъвѣ); церк.-слав. звѣзда, звѣзда; сербск., слов., русск. звѣзда (сравн. польск. gwiazda, чешск. и луж. hvězda); ц.-слав. *звиздати, звиздати (позвиждеть др.-р. Пандекты Антіоха XI в. 84 об., звизданіе Лѣствица XII в. Рум. М. 206 об.), словинск. zvizdati, русск. звизнуть (польск. gwizdać, чешск. hvizdati); ц.-слав. и др.-р. цвѣлити (польск. kwiecić, чешск. kviliti, в.-русск. квелить, квелкой, малор. квілити); ц.-слав., сербск., русск. цвѣтъ (сравн. польск. kwiat, чешск. květ, малор. квітъ, квітка); ц.-сл. и др.-р. цвѣтъ, цвѣль, цвисти (сравн. польск. kwte, чеш. kvu, изъ kvtu, kvísti). Сравни ц.-сл. и др.-р. сквърна. Не подлежитъ сомнѣнію, что *с*, *z*, *ц* въ приведенныхъ словахъ развились на обще-славянской почвѣ, но изъ нихъ *z* и *ц* были усвоены только частью говоровъ обще-славянскаго языка, другая часть которыхъ (по преимуществу предки современныхъ западно-славянскихъ языковъ) сохранила древнія *z* и *к*.

Смягченіе гортанныхъ 2-го вида произошло передъ твердыми гласными, повидимому, вслѣдствіе вліянія на гортанные находившихся впереди ихъ мягкихъ гласныхъ, особенно *ь* и *и*. Сперва оно состояло въ томъ, что *z*, *к*, *х* имѣя передъ собою мягкіе гласные, въ известныхъ случаяхъ получили мягкое произношеніе, т. е. изъ гортанныхъ превратились въ небные и стали звучать *z* — какъ *z* мягкое (въ *zя*), *к* — какъ *к* мягкое (въ *кя*), *х* — какъ *х* мягкое (въ *хя*). Такимъ образомъ прежде всего произошло то явленіе, которое нерѣдко въ современныхъ славянскихъ языкахъ: великор. чайкю, копѣйкя, на верьхю, ново-болгарск. банькя, свинькя (Периодич. Списан. XIX—XX, 150—151) језикъ, језикя (Arch. f. sl. Ph., IV, 694) и т. п. Потомъ неорганическое смягченіе гортанныхъ закончилось тѣмъ, что неорганически смягчившіяся *z*, *к*, *х* перешли, какъ и *z*, *к*, *х* передъ *ь* и *и* изъ дифтонга, — въ мягкія *dz* (*z*, *э*), *ц*, *с*.

Такимъ образомъ обще-слав. польза (сравни лытъкъ, соврем. русск. польза) сначала, повидимому, подъ вліяніемъ *ь* передъ *z*, перешло въ пользя, потомъ дало польза, откуда ц.-слав. польза, польза; обще-слав. вѣнькъ сначала дало вѣнькъ (*z* послѣ мягкаго *к* перешло въ *ь*), потомъ вѣньць; обще-слав. смизатиса сначала перешло въ смизятиса, потомъ въ смизатиса, смизатиса.

Случаи, въ которыхъ имѣло мѣсто неорганическое смягченіе гортанныхъ, довольно многочисленны. Это—

- 1) слова, перешедшія въ славянскій языкъ изъ нѣмецкаго, съ

окончаниемъ -агъ (= нѣмецк. -ing-): *кѣнагъ (готск. *kuningas), *гѣнагъ (нѣмецк. pfening), *кѣлдагъ (готск. *kaldings), откуда ц.-слав. кѣнасъ, гѣнасъ, кѣлдасъ;

2) глаголы съ окончаніями -иати, -лати, -ршати въ формѣ неопред. накл.: двииати, мииати, сииати, таиати, тьриати, откуда ц.-слав. двисати, по-мисати, о-сисати, съ-тасати (чешск. tásatí), тьрсати;

3) имена существительныя на -ѣкъ (= лит. -ikas): *вѣнѣкъ, *жьрьѣкъ, *носѣкъ, *отѣкъ, *творѣкъ и т. п. (сравн. лит. vainikas вѣнокъ, degikas обжигальщикъ, kasikas копальщикъ, pešikas носильщикъ и т. п.), откуда ц.-слав. и др.-р. вѣнѣчь, жьрьѣчь, -носѣчь, отѣчь, творѣчь;

4) имена существительныя, прилагательныя и мѣстоименія на -икъ (немногія): *агникъ, корабликъ, *никъ, *сикъ (сравн. мѣст. какъ, такъ и т. п.), откуда ц.-слав. агничь, корабличь, ниць, сиць;

5) имена существительныя уменьшительныя на ѣка (= лит. ika, ikė): *овѣка, двьрька, мышѣка, *клепѣка (сравн. лит. avikė овечка, mergikė дѣвушка, rankikė ручка и т. п.), откуда ц.-слав. и др.-р. овѣца, двьрьца, мышѣца, клепѣца;

6) имена существительныя и мѣстоименія на -ика: *дѣвика, *двьрьники, *пьяника, троика, *сика, откуда ц.-сл. и др.-р. дѣвица, двьрьница, пьяница, троица, сица;

7) имена существительныя на -ѣко: *сѣльѣко, *сѣрдѣко, *винѣко, *словѣко, откуда ц.-слав. и др.-р. сѣльѣце, сѣрдѣце, русск. вино, словцо;

8) имена существительныя и мѣстоименія на ико: *лико, *јајико, *сико, откуда ц.-слав. и др.-р. лице, яице, сице;

9) глаголы на -икати, -пкати, -лкати, -ршкати: кликати, *рикати, *тикати, сѣкати, брѣкати, лѣкати, *зрѣкати, мьркати, откуда ц.-слав. клицати, па-рицати, не-тицати, прѣ-спѣцати (Ряз. Кормч. 1284 г.), прѣ-сѣцати, брѣцати, на-лѣцати, сѣ-зрѣцати, мьрцати (Син. Тр. 60);

10) глаголы на -ихати: смихатисѣ, откуда ц.-сл. на-смисатисѣ.

Кромѣ того, мы имѣемъ *z* (*z*) и *u* въ словахъ полься, стѣса (сравн. -стигати), зьрѣало (польск. zwierciadło), мѣсѣць и въ нѣ сколькихъ глаголахъ съ твердымъ гласнымъ передъ обще-слав. *k*, вмѣсто котораго явилось *u* едва ли не подъ влияніемъ глаголовъ на -ицати: помѣцати (Ламанскій, О нѣкоторыхъ рукописяхъ въ Бѣл-

градѣ, 32), тѣлцати, навыцати, притыцати, съмыцати. Последніе, кажется, не были извѣстны древне-русскому языку.

Наконецъ мы имѣемъ *зд* въ брѣздати (др.-р. Толстовская Псалтырь XI—XII в.; срв. русск. брѣзнуть), *си* и *ст* въ блицати (Зогр. Ев. 101, Остр. Ев. 283 об., Мар. Ев., Син. Пс. 29) — блистати (сравни блѣскъ) и въ ристати (сравни рискати, рыскати).

Смягченіе гортанныхъ 2-го вида далеко не было обязательнымъ для всѣхъ словъ обще-славянскаго языка, въ которыхъ передъ гортаннымъ находился мягкій гласный. Мы имѣемъ: рядомъ съ кѣназь — др.-р. шьялиз (= нѣмецк. schilling); рядомъ съ тѣрзати — др.-русск. вѣс-тѣрзати; рядомъ съ вѣнць — русск. конекъ, мужичокъ (изъ — вѣз); рядомъ съ агниць — грѣшникъ, великъ; рядомъ съ овьца — тѣчка, рѣчка; рядомъ съ агница — ближика; рядомъ съ клицати — кликати; рядомъ съ зьрцало — русск. зьрцало (Жит. Саввы Освящ. XIII в. 14 об.); рядомъ съ блицати, блистати — блискати (блискаашеса Свят. Сборн. 1073 г. 120 об., ц.-слав. блискъ С. Тр. 62, малор. блискавка) и т. п.

Время, въ которое совершилось въ обще-славянскомъ языкѣ смягченіе гортанныхъ 2-го вида, безъ сомнѣнія, совпало съ временемъ, въ которое совершилось смягченіе гортанныхъ передъ *н* и *и* изъ дифтонга. Процессъ этого смягченія былъ также тождественъ съ процессомъ органическаго смягченія.

Конечно, смягченіе 2-го вида въ именахъ могло имѣть мѣсто только въ тѣхъ формахъ, въ которыхъ за гортанными слѣдовали твердые гласные. Въ другихъ формахъ неорганическое смягченіе совпало съ органическимъ (передъ *н* и *и* изъ *ai*). Въ третьихъ, съ окончаніемъ *e*, неорганическое смягченіе не могло произойти, такъ какъ гортанные, прежде чѣмъ началось смягченіе 2-го вида, успѣли уже перейти въ *ж*, *ч*. Таковы формы зват. пад. кѣнаже, отьче, творьче и т. п., получившія свои шипящія еще въ то время, когда имен. ед. къ этимъ формамъ звучалъ кѣназь, отькъ, творькъ. Таковы древнія формы косвенныхъ надежей личесе, личеси и т. д. (отъ лице), развившія свои шипящія еще тогда, когда им. ед. звучалъ лико. Подобнымъ образомъ въ производныхъ отъ словъ, гдѣ произошло смягченіе 2-го вида, мы часто находимъ не свистящія, а шипящія. Такъ, производныя отъ кѣназь, отькъ звучатъ кѣнажь, кѣнажьскъ, кѣнажьство, отьчь, отьчьскъ, отьчьство (изъ кѣнаг-ѣ, -ьскъ, -ьство); производныя отъ богородица звучатъ богородичинъ

(между прочимъ, Остр. Ев. 283), богородичьнъ (изъ -родик-инъ, -инъ); отъ троица звучитъ троицьскъ; отъ сълвѣце звучитъ сълвѣчьнъ. и т. д. (русск. богородицѣинъ, троицѣинъ—новообразованія).

Ц въ *ц*сарь, *ц*есарь, *оц*тъ и друг. перешло въ языкъ южныхъ славянъ или изъ латинскаго языка римскихъ колонистовъ Балканскаго полуострова, или изъ народнаго греческаго (= лат. *Casar*, *acetum*).

Смягченіе свистящихъ. Свистящія *з* (не изъ *s*) и *с*, подвергшись смягченію, перешли въ обще славянскомъ языкѣ въ мягкія *ж* и *ш* въ тѣхъ случаяхъ, когда за ними слѣдовалъ *ј*: ц.-сл. и др.-русск. *лижж* изъ *лиз-јж* (сравн. *лиз-ати*), *-ражж*, *-ражати* изъ *раз-јж*, *-јати* (сравн. *раз-ь*, *раз-ити*), *ножж* изъ *ноз-јж* (сравн. *-нъз-ити*, русск. *за-ноза*), *пишш* изъ *пис-јж* (сравн. *пис-ати*), *ношшж*, *ношша* изъ *нос-јж*, *-ја* (сравн. *нос-ити*).

Кромѣ того, въ небольшомъ количествѣ случаевъ *ж* и *ш* образовались изъ *з* и *с* передъ мягкими *л*, *н*, за которыми въ древности слѣдовалъ *ј*; при этомъ *з* могло принадлежать предлогу-префиксу, а согласные *л*, *н* находятся въ началѣ имени, мѣстоименія, глагола. Таковы *ж* и *ш* въ ц.-сл. *въжлюблж* изъ *въз-лјуб-*, *съ-блажнјати* изъ *блаз-нјати* (при *блаз-нити*), *у-пражнјати*, русск. *порожній* изъ *празнј-* (сравн. ц. сл. *празпъ*, *празникъ* Савв. Ев. 76, 74 и др.), *на-трыжнѣнїе* изъ *трызнј-* (сравн. *трызна*, *тризна*); *иж-него*, *безж-него*, изъ *из-*, *бъз-нјего*; *по-мышлјати* изъ *мыс-лјати* (*умышлш* Остр. Ев. 247 об., *помышлшше* др.-р. Учит. Ев. Копставтина Болг. XII—XIII в. 122, при *мыс-лити*), *у-яшнјати* (*уяшпјаютъ* др.-р. Минся Тип. Б. XII в. N 235, л. 115), *утѣшнјати* (*утѣшнено*, др.-р. Златоструй XII в.); сравн. др.-русск. *кажню*, совр. русск. *дражню*, *вешній*. Рядомъ съ этими *ж* и *ш* мы иногда видимъ также *з* и *с*: *въз-люблж*, *из-него*, *утѣснјати*.

Принадлежность этого смягченія обще-славянскому періоду не подлежитъ сомнѣнію. Процессъ измѣненія *з*, *с* въ *ж*, *ш* не вполне ясенъ, но несомнѣнно, что онъ произошелъ вслѣдствіе взаимной ассимиляціи свистящихъ и *ј*. Вѣроятно, *зј*, *сј* превратились сначала въ *ш*, *сл*, затѣмъ въ *жж*, *шш* и уже отсюда въ *ж*, *ш*.

Учебныя грамматики церковно-славянскаго языка говорятъ также о смягченіи *ц* и приводятъ примѣры его въ родѣ *отъчъ*, *отъчьскъ*.

Первое слово произошло изъ отъ-жъ, второе изъ отъ-ъство; въ томъ и въ другомъ ч существовало прежде, чѣмъ въ славянскомъ языкѣ развился звукъ *и*. Въ виду этого должно признать, что смягченія *и* (какъ и *с*) въ обще-славянскомъ языкѣ никогда не было.

Смягченіе зубныхъ. Зубныя *д* и *т* подверглись смягченію только въ тѣхъ случаяхъ, когда за ними слѣдовалъ *ј* (не мягкій гласный), сверхъ того, не во всемъ обще-славянскомъ языкѣ. Сербскій, отчасти словинскій и болгарскій языки выдѣлились изъ обще-славянскаго языка и вступили въ самостоятельную жизнь еще съ группами *дј*, *тј*, которыя дали у сербовъ—*ј*, *ћ* (изъ *дј*) и *ћ*, или мягкія *з* и *к*, у словинцевъ—*ј* (изъ *дј*) и *ћ*, или мягкія *з* и *к*, у болгаръ—мягкія *д* и *т*, *ћ* и *ћ*, *к* и *з* (сравни въ малорусскихъ говорахъ переходъ мягкихъ *д* и *т* въ *з* и *к*: *зідъ* = *дѣдъ*, *зімъ* = *домъ*, въ *хамі* = въ *хатѣ* и т. п.). Церковно-славянскій, русскій и западно-славянскіе языки выдѣлились изъ обще-славянскаго языка одни съ шипящими согласными на мѣстѣ *дј* и *тј*, другіе, западно-славянскіе, — съ свистящими, и мы находимъ изъ *дј* и *тј* въ церковно-славянскомъ языкѣ—*жд*, *шт* (первоначально съ мягкими *д* и *т*), въ русскомъ—*жс* (откуда иногда *дж*) и *ч* (изъ *ти*), въ западно-славянскихъ—*дз*, *з* и *и* (первоначально мягкія; въ польскомъ изрѣдка *ч*). Кромѣ того, въ ново-болгарскихъ говорахъ мы нерѣдко находимъ на мѣстѣ *дј* и *тј*—*жд* и *шт* (откуда *шч*), въ словинскомъ языкѣ на мѣстѣ *тј*—*ч*.

Такимъ образомъ обще-слав. *медју* (мѣстн. ед. отъ имени съ основою на *з*, родственнаго съ санскр. *madhjas*, греч. *μέσος*, *μέσος* изъ *μέδjos*, лат. *medius*) перешло: 1) въ сербск. *меју*, *међю* или *мею* (сравни у Константина Багрянороднаго передачу сербскаго мѣстнаго названія *Међуреч* черезъ *Μεγυρέτους*), въ словинскомъ—въ *меји*, *мејџи*, въ болгарскихъ говорахъ—въ *медю*, *међю*, *мею*, 2) въ церк.-слав. *междю*, русск. *межю*, др.-чешск. *mezju*, польск. **miedziu* (соврем. *miedzi*, *miedz*); обще-слав. *нудја*—въ ц.-слав. *нужда*, въ русск. *нужа*; обще-слав. *радјати*—въ ц.-слав. *раждати*, русск. *ражати*. Подобнымъ образомъ обще-слав. *свѣтја* перешло: 1) въ сербск. и словинск. *свѣћа* или *свѣмя*, въ ново-болг. *светя*, *свећа*, *свека*; 2) въ ц.-сл. *свѣшита*, въ русск. *свѣча*, въ польск. *świeca*, въ чешск. *svíce*; обще-слав. *хотјж*—въ ц.-слав. *хонитж*, русск. *хочу*, польск. *chcę*, чешск. *chci*; обще-слав. *тјудјѣ*—въ ц.-слав.

итюждь, въ русск. *чюжь*, польск. *ciężu*, чешск. *ciži*; обще-слав. *бержѣа* (род. ед.)—въ ц.-слав. *бержита*, др.-русск. *беруча* (род. ед.).

Но въ тѣхъ случаяхъ, когда передъ *д* въ обще-славянскомъ языкѣ было *з*, а передъ *т* — *с*, смягченіе зубныхъ было одинаково во всѣхъ славянскихъ языкахъ: они перешли въ шипящіе. Послѣдніе ассимилировали съ собою *з* и *с* и вмѣстѣ съ ними образовали тѣ же звуковыя сочетанія, которыя получились изъ *зи* и *ск*. Вслѣдствіе этого обще-слав. *ѣздѣж* дало въ церк.-слав. *ѣждж*, *аждѣж*, въ русск. *ѣждю* (въ др.-русск. также *ѣждю* Ипат. сп. лѣт. 320, 347, 420), въ польск. *jeździe*; обще-слав. *ѣздѣти*—въ русск. *ѣждѣти*, въ чешск. *-jízďeti*; обще-слав. *гнѣздѣ* (прич. прош.)—въ ц.-сл. въ-гнѣждь-са С. Требн. 103; обще-слав. *пустѣж*—въ ц.-слав. *пуштѣж*, въ русск. *пуцю*, въ польск. *puszcze*, въ др.-чешск. *pušćiu*, обще-слав. *тълстѣти*—въ ц.-слав. *-тълтити*, въ русск. *-тлщѣти*; обще-слав. *чистѣти*, *крѣстѣти*—въ ц.-сл. *-читити*, *крытити*, въ русск. *-чищѣти*, *крыщѣти*.

Подобно тому, какъ *г* и *к* въ нѣкоторыхъ словахъ смягчились вслѣдствіе дѣйствія на нихъ не прямо мягкихъ гласныхъ, а согласныхъ съ мягкими гласными, такъ точно *д* и *т* (а равно *ст*) коегдѣ смягчились передъ *ѣ* (откуда иногда ц.-слав. *ва*) и *ѣ*. Такъ, *мъртѣти* дало въ ц.-слав. *у-мъритѣти* (Син. Тр. 46), *мѣдрѣти*—*прѣ-мѣдрѣти* (Супр. р. 16), *хытрѣти*—*у-хытѣти*, *съмотрѣти*—*съмоитѣти*, *изостѣти*—*изоитѣти*, *испѣтрѣти*—*испытѣти* (но: *съматѣти* С. Тр., *съматѣти* Супр. ркп. 66, *упѣтрѣти* др.-р. Миней 1097 г. 449). Въ русскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ въ историческое время ихъ существованія подобныя слова не были извѣстны (русскія *умерщвѣти*, *ухищреніе* и т. п.—заимствованія изъ церковно-славянскаго языка).

Несомпѣнно, смягченіе зубныхъ (безъ предъидущихъ *з* и *с*) совершилось на обще-славянской почвѣ, вѣроятно, въ ту эпоху жизни обще-славянскаго языка, когда изъ него уже выдѣлились отдѣльные говоры и когда уже было близко распаденіе обще-славянскаго языка. Процессъ перехода *д* и *т* въ *дж* (откуда русск. *ж*) и *тш* (откуда русск. и слов. *ч*), хотя мало ясенъ, но все таки можетъ быть приблизительно опредѣленъ: онъ состоялъ въ ассимиляціи *ј* съ *д* и *т* и въ переходѣ его въ мягкія *г* и *х*, откуда *ж* и *ш*. Но процессъ образованія ц.-слав. *жд* и *шт* представляется труднымъ

для объясненія. Можно принять безусловно лишь то одно, что *dj* и *tj* на пути въ *жд* и *шт* одно время звучали *дж* и *тш*, и сверхъ того, можно допустить, что *дж* и *тш* сначала, вслѣдствіе ассимиляціи *d* и *t* съ *ж* и *ш*, превратились въ *жж*, *шш*, что потомъ между двумя одинаковыми звуками произошла диссимиляція и *жж* превратилось въ *ждж*, а *шш* въ *шч*, откуда *жд* и *шт* (съ мягкими *d* и *t*). Что до перестановки звуковъ въ *дж* и *тш*, откуда будто бы *жд* и *шт*, то о ней, по нашему мнѣнію, не можетъ быть рѣчи.

Смягченіе группы *кт*. Группа *кт*, образовавшаяся какъ изъ древней группы *кт*, такъ изъ группъ *тк*, *хт*, имѣя послѣ себя мягкой гласный, подверглась тѣмъ самымъ измѣненіямъ, которыя произошли въ группѣ *тj*. Такимъ образомъ въ церковно-славянскомъ языкѣ на мѣстѣ *кт* явилось *ктт*, въ русскомъ и словянскомъ—*ч*, въ западно-славянскихъ языкахъ—*ц*, въ сербскомъ—мягкое *т*, послѣ перешедшее въ *ћ* и *к*: ц.-сл. *ношть*, русск. *ночь*, зап.-слав. *нос*, сербск. *ноћ*, изъ *нокть* (сравн. греч. *νόξ*, *νοχτός*, лат. *nox*, *noctis*, лит. *naktis* *ночь*); ц.-слав. *пешть*, русск. *печь*, зап.-слав. *рес*, сербск. *пећ* (ст.-сербск. *пекъ*), изъ *пекть* (сравн. *пекж*); ц.-слав. *мошти*, русск. *мочь*, зап.-сл. *пос*, сербск. *моћи*, изъ *мошти*, *мошти* (сравн. *мож*).

Время смягченія группы *кт*, вѣроятно, то же, что и смягченія зубныхъ. Процессъ измѣненія *кт* представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ. Группа *кт* (съ мягкимъ *t*), вслѣдствіе ассимиляціи *k* съ *t*, прежде всего перешла въ *тт* (оба *t* мягки), откуда, вслѣдствіе диссимиляціи двухъ тождественныхъ звуковъ, — *тj* (сравн. сербск.-черногорск. *нојца*, изъ *ношца*, *ноћца*, польск. *ojca*, род. ед., изъ *ośca*, *отца*, русск. *назойливъ*, изъ *назолливъ*). Эта новая группа *тj*, конечно, послѣдовала въ своихъ измѣненіяхъ древней группѣ *тj*.

Переходъ *j* въ *л*. Согласный *j*, находясь послѣ губныхъ *b*, *b*, *m* и губно-носового *m*, перешелъ въ мягкое *л*. Этотъ переходъ, если онъ совершился въ корнѣ словъ, былъ свойственъ всему обще-слав. языку: ц.-слав. *блюдж*, изъ *блудж* (*ju* изъ обще-индо-европ. *ei*), русск. *блюду*; ц.-сл. *плюж*, *пльвати*, изъ *пљуж*, *пљвати* (лит. *pliauti*, *spiauti*), русск. *плюю*, польск. *pluć*, *plwać*, чешск. *plíti*, *plívati*; ц.-

слав. блюдь, блюдо (слово заимствованное изъ готскаго языка, = готск. *bīuds*), русск. и сербск. блюдо, пол. *bluda*, чешск. *bĭdo*. Если же онъ совершился въ основѣ слова и *j* принадлежитъ суффиксу, онъ свойственъ тѣмъ только говорамъ обще-славянскаго яз., изъ которыхъ послѣ образовались языки русскій, сербскій и словинскій; западно-славянскіе языки (соврем. польск. *grobla, kropia, grable, ziemia* и др.—руссизмы: сравн. др.-польск. *grobia, kropia*) сохранили *j*, а церковно-славянскій въ однихъ и тѣхъ же словахъ имѣеть то *л*, то *ј*.

Такъ, въ церковно-славянскомъ языкѣ мы находимъ рядомъ и *л* вмѣсто *ј*: люблѣж, възлюбленъ, явлѣж, являти, куплѣж, купля, ѣмлѣж, земля, и *ј*: любѣж (*ь = j*), възлюбѣенъ и възлюбенъ, явлѣж, купѣж, земѣя или земя, изъ любѣж и т. д. (но нѣтъ бѣюдѣж, пѣвати, бѣюдо). Всѣ церковно-славянскіе памятники (кромя Остромирова Ев.) имѣють и *л*, и *ј*, но въ однихъ (въ большей части, особенно въ Сян. Требникѣ) преобладаетъ *л*, въ другихъ (въ Супрасльской рук.)—*ј*. Современные ново-болгарскіе говоры почти не знаютъ *л*, а слова въ родѣ земля, сабѣя въ нихъ большая рѣдкость; обыкновенно мы въ нихъ находимъ или *ј*, или мягкій согласный, принявшій въ себя *ј*: земѣя или земя, сабѣя или сабя.

Переходъ *ј* въ *л* въ началѣ корня (послѣ предлога-префикса *об*) ни въ церковно-славянскомъ, ни въ другихъ славянскихъ яз. неизвѣстенъ: *об-емлѣжть* Мар. Ев. 20 и др., изъ *об-јемлѣжть* (не *обл-*).

Несомнѣнно, переходъ *ј* въ *л* произошелъ въ обще-славянскій періодъ. Возможно, что переходъ *ј* въ корняхъ совершился ранѣе, чѣмъ переходъ *ј* въ суффиксахъ; послѣдній, по нашему мнѣнію, долженъ быть относимъ къ концу обще-славянскаго періода. Переходъ *ј* въ мягкое *л* самъ по себѣ не представляетъ ничего страннаго. Звуковая близость *ј* и мягкаго *л* столь велика, что замѣна *ј* черзъ *л* и на оборотъ—явленіе въ ядно-европейскихъ языкахъ нерѣдко; сравни, напримѣръ, итал. *fiore, fiume, riu* и т. п. и лат. *florem, flumen, flus*: здѣсь итал. *ј* послѣ губныхъ развилоса изъ лат. *l*.

Ассимиляція согласныхъ. Одни изъ согласныхъ звуковъ ассимилировались съ другими во всемъ обще-славянскомъ языкѣ, другіе — только въ той части его говоровъ, которая дала начало южно-славянскимъ и русскому языкамъ.

Къ числу явленій ассимиляціи общихъ всѣмъ славянскимъ языкамъ принадлежатъ слѣдующія, находимыя нами въ церковно-славянскомъ языкѣ.

1. Ассимиляція губныхъ *б, в, п* съ слѣдующими *н, с, т*; она закончилась отождествленіемъ губныхъ съ слѣдовавшими за ними согласными и затѣмъ исчезновеніемъ одного изъ двухъ тождественныхъ согласныхъ. Вслѣдствіе этого мы имѣемъ:

ц.-сл. и русск. *гънжти*, изъ *гъб-нжти*, *гън-нжти*; *льнжти*, изъ *льн-нжти*; *камжти* (Сян. Пс. 136), изъ *кап-нжти*; *усъмжти*, изъ *усъп-нжти*; *съмъ*, изъ *съп-мъ* (сравн. *σπνος*); *коть*, изъ *коб-нь* (сравн. *коб-ыла*, ст.-чешск. *коб-ой*). Надо замѣтить, что въ цѣломъ рядѣ глаголовъ мы находимъ губныя передъ *н*: ц.-слав. *гыбнжти*, *-збнжти* (въ церк.-славянскихъ памятникахъ постоянно, такъ что ни *гымжти*, ни *зъмжти* не встрѣчается), ц.-сл. *топнжти* (*истопнжша* Супрасл. ркп. 145, русск. *топнуть*); ц.-слав. *усъпнжти* (*усъп'неши* Свят. Сборн. 1073 г. 152); ц.-слав. *льпнжти* (*съльпнеться* Лѣствица Рум. Муз. XII в. 94); соврем. русск. *гибнуть* (при др.-русск. по-гымути Пантсеймоново Ев. XII—XIII в., Р. Правда по сп. XIII в., соврем. *гннуть*), *збнуть*, *лпнуть*, *капнуть* и т. п. Здѣсь, безъ сомнѣнія, мы имѣемъ дѣло съ позднѣйшимъ явленіемъ — съ восстановленіемъ утраченнаго кореннаго согласнаго;

ц.-сл. и русск. *оса*, изъ *вобса* или *вопса*, *восса* (срв. лит. *varpa*), *осина*, изъ *оис-* (сравн. лит. *arišis*, латышск. *arpe*), *грѣсь*, *чрѣсь*, 1 л. ед. аор., изъ *грѣбсь*, *чрпсь* (сравн. *греб-ж*, *чърп-ж*);

ц.-слав. и др.-русск. *гребти*, *тепти*, *супти*, ц.-сл. *чрѣпти*, др.-р. *черепти*, изъ *гребти*, *тепти*, *супти*, *чрппти*, *гребтпн* и т. д.; *непти*, ст.-польск. *nieć*, изъ *нептии* (сравн. санскр. *parī*, греч. *ἀνεπίος*, изъ *ἀνεπτ-*, лат. *перов*, *перотіс*); русск. *долото*, изъ *делото* (сравн. *дълби-ти*). Надо думать, что формы несопр. п. въ родѣ *гребти* утратили одно изъ двухъ *т* раньше того времени, когда образовались два *т* изъ *кт*, и что поэтому результаты ассимиляціи *бт* и *кт* другъ отъ друга рѣзко отличаются. Русскія (малорусскія) *гребти* и т. п. — новѣйшія образованія.

Ассимиляція губнаго *б* съ слѣдующими *н, с, т* (а также, вѣроятно, съ *ж, з, м, п, х, ц, ч, ш*) имѣла мѣсто, между прочимъ, въ предлогѣ-префиксѣ *об*, который, благодаря ей, превратился въ *о*. Конечно, *о* изъ *об* первоначально употреблялось только въ такихъ со-

четаніяхъ, какъ о насъ, осѣнѣти, отагъчѣти, о томъ (еще въ ожи-
дати, озарѣти, омыти, опать, охота и т. п.), по потомъ о стало упо-
требляться во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ и об, даже передъ гласными:
о очищеніи Остром. Ев., и на оборотъ,— об появилось передъ и и
друг.: обнаженъ.

2. Ассимиляція в съ предыдущимъ б; она закончилась отоже-
ствленіемъ в съ б и затѣмъ исчезновеніемъ одного изъ двухъ б: ц.-
слав. облако, изъ об-лако, облѣкати, изъ об-влѣкати, область, изъ
об-власть; можетъ быть, бѣгъ, изъ бѣгъ (сравн. φεύγω, лат. fugio
и т. п.), бѣхъ изъ бѣхъ (сравн. обще-индо-евр. кор. bhū); впро-
чемъ въ корняхъ ассимиляція в съ б могла произойти въ славяно-
литовскомъ языкѣ: сравн. бѣгъ и лит. bėgu (бѣгу).

3. Ассимиляція зубныхъ д и т съ слѣдующими м и с закончи-
лась исчезновеніемъ зубныхъ:

ц.-слав. и др.-русск. вѣмь, дамь, ѣмь, 1 л. ед., вѣмь и т. д., 1 л.
мн., изъ вѣд-мь, дад-мь и т. д. (корни вѣд-, дад-, ср. дад-ать, ѣд-);
ц.-слав. румѣнъ, русск. румянь, изъ рудм- (кор. руд- въ русск. руда;
сравни рѣд-ѣти и т. п.); русск. вымя, изъ в-нд-ма (сравн. санскр.
ūdh-ag вымя, греч. οὔθ-αρ); ц.-слав. и русск. осмь, изъ остмь (сравн.
греч. ὄκτω, лат. octo, лит. aštas осмой). Исчезновеніе д въ группѣ
dm мы находимъ также въ литовскомъ языкѣ: dūmi, изъ dod-mi (даю,
1 л. ед.), ėmi, изъ ėd-mi (ѣмь), жмудск. gaumi (воплю) и т. п., вслѣд-
ствие чего можно было бы относить его не къ обще-славянскому, а
къ славяно-литовскому періоду (въ другихъ пвдо-европейскихъ язы-
кахъ d передъ m сохраняется: санскр. vidmanē = греч. Fίδμεναι).
Но литовскій языкъ имѣетъ рядомъ съ ėmi, gaumi — ėdmi, ėdme
(1 л. мн.), gaudmi, и нельзя рѣшить, которая изъ этихъ двухъ формъ—
арханизмъ и которая — возникшее на литовской почвѣ новообразо-
ваніе.

Ц.-слав. седьмь, русск. седьмой (при др.-русск. семь Святосл.
Сборн. 1073 г., семыи Остром. Ев., соврем. семь, семьей) является
исключеніемъ изъ правила объ ассимиляціи д съ м. Повидимому, д
обязано здѣсь своимъ сохраненіемъ тому обстоятельству, что нѣкогда
передъ д находилось б (первоначальная форма звучала себдмь; сравн.
гр. ἑβδόμενος), которое удержало д отъ ассимиляціи, но которое по-
томъ само ассимилировалось въ d и исчезло.

Ц.-слав. и русск. вѣѣ, ѣѣ (дв. ч.) не могутъ быть считаемы за образовавшіяся изъ вѣдѣ путемъ ассимиляціи *д* съ *в*. Послѣдніе звуки ни въ обще-славянскомъ языкѣ, ни позже не ассимилировались другъ съ другомъ, какъ показываютъ слова въ родѣ *дѣбрь*, *дѣоръ*, *дѣнгати* (сравни *творити*, *молитва* и т. п.). Формы вѣѣ и пр. — обще-славянскія новообразованія, по образцу вѣмь, вѣмъ, безъ *д*.

Ц.-слав. и др.-русск. вѣси, даси, ѣси (2 л. ед.), изъ вѣд-си и т. д.; ц.-слав. блюсь, басъ, чисъ (1 л. ед. аор.), изъ блюд-сь (сравни блюд-ж), бад-сь (сравни бод-ж, бод-ати), чит-сь (срв. чит-ати); ц.-слав. и русск. число, русск. прясло и т. п., изъ чит-сло, прат-сло (окончаніе -сло = лат. -culum, -culum въ *periculum*, *obstaculum* и т. п., лит. -klas въ *arklas* плугъ, *irklas* весло и т. п.); ц.-слав. и др.-русск. гжсли, ясли, изъ гжд-сли, яд-сли (окончаніе -сь родственно съ литовскимъ окончаніемъ словъ женск. рода -klė: au-klė обувь, dū-klė дань и т. п.); ц.-слав. чисма, изъ чит-сма (окончаніе -сма родственно съ окончаніемъ лат. -smus въ *gēsmus*, изъ *gēt-smus*, лит. -smas въ *gėk-smas* крикъ, *verk-smas*, *valk-smas* и т. п.); ц.-сл. и др.-р. остѣпати, остати (напр., С. Пс. 94, 180, Остр. Ев. 95, 230, Ипат. сп. лѣт. 369), изъ от-стѣпати и при отѣстѣпати, современн. русск. оставить, остаться. Переходъ группъ *дс* и *тс*, вѣроятно, совершился въ древнѣйшую эпоху жизни обще-славянскаго языка, въ нѣкоторыхъ словахъ прежде, чѣмъ началось измѣненіе слав. *с* въ *х*. Поэтому на мѣстѣ древнихъ группъ *дс* и *тс* мы иногда находимъ обще-славянское *х* (откуда *ш*): ц.-слав. и русск. шѣшь, русск. пѣхота изъ рѣдс- (сравни лит. *rėda* нога, лат. *pes pedis*); ц.-сл. съмахъ, съмаша (Асс. Ев. 52 и др.), аор. отъ -матж, — изъ -матс-; русск. пряжа, неряха, свага, ляжъ и т. п., изъ прадса, -радса, сватса, ладсъ (сравни прилаг. лад-сьскъ); ц.-слав. и др.-р. оходити, ошьдъ = *отх-*, *отш-*; о тождѣшихъ = *от х-* др.-р. Златоструй XII в. 67. Возможно, что нѣкоторые случаи ассимиляціи зубныхъ и *с* совершились еще въ славяно-литовскій періодъ: лит. *vesiu*, *mesiu* (1 л. ед. будущ. вр. отъ *vedu*, *metu*), изъ *vedsiu*, *metsiu*; *švėsa* (свѣтъ), *švėsus* (свѣтлый), изъ *švėts-*, корень *švėt-*, слав. свѣт-, свѣт-.

4. Ассимиляція гортаннаго *к* съ слѣдующими *н*, *с* и твердымъ *т* закончилась исчезновеніемъ *к*:

ц.-слав. и др.-р. бльсмжти, изъ бльсмжти (сравни блѣскъ), др.-р. прыснути (Слово о п. игор.), изъ прыскнути (ср. прыскаю). Ассими-

ляція *к* и *н* имѣла мѣсто исключительно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ передъ *к* былъ *с* (т. е. въ группѣ *скн*). Во всѣхъ другихъ случаяхъ, въ родѣ *у-мѣлжжти*, — *к* сохранилось;

ц.-слав. *рѣсте*, *тѣсте* (2 л. мн. аор.), изъ *рѣк-сте*, *тѣк-сте* (корни тѣ же, что въ *-рѣк-ати*, *-тѣк-ати*), ц.-слав. и др.-русск. *плексти*, изъ *плекс-ти*. () переходѣ группы *кс* въ *с* можно сказать то же, что сказано выше о переходѣ группъ *дс*, *тс* въ *с*. *С* изъ *кс* въ общеславянскомъ языкѣ между гласными перешло въ *х*; отсюда *рѣхъ*, *рѣхомъ*, *рѣша* и т. п.;

ц.-слав. и др.-русск. *лѣмати*, русск. *лѣтъ*, изъ *лѣк-т-*, *лек-т-* (сравн. лит. *lėk-ti*); ц.-слав. и русск. *плетж*, изъ *плек-тж* (сравн. греч. *πλέχω*, лат. *plecto*); ц.-сл. и др.-р. *чърта*, изъ *чърк-та* (сравн. русск. *черкнуть*, *почеркъ*); ц.-сл. и русск. *пять* (сравн. лат. *quinque*, лит. *penki* *пять*, *penktas* *пятый*). Изъ формъ неопред. накл. *лѣмати* и 1 л. ед. наст. вр. *плетж т* перешло въ другія формы тѣхъ же глаголовъ, гдѣ группа *кт* имѣла мягкое *т* (какъ въ **нокть* и т. п.) и потому должна бы была дать въ ц.-слав. языкѣ *шт*, въ русск. *ч* и т. д.: *летиши*, *летишь*, *плетеша*, *плетемъ* и т. п. Слово *пять* обязано своимъ *т* вліянію слова *пять*; первоначально оно должно было звучать въ общеславянскомъ языкѣ *пачь* = лит. *penki*.

5. Ассимиляція мягкихъ плавныхъ *л* и *р* и носоваго *н* съ слѣдующимъ *ј* имѣла результатомъ исчезновеніе *ј*-та: ц.-сл. и др.-р. *воля*, изъ *воляја*; ц.-сл. и др.-р. *бурия*, изъ *бурияја*; ц.-сл. и др.-р. *синь*, изъ *синья*. Сравни малор. *весіа*, *весіля*, *каміня*, *каміння*, изъ *вєсьяе*, *камѣняе*.

Къ числу явленій ассимиляціи, свойственныхъ не всѣмъ славянскимъ языкамъ, но только части ихъ, принадлежитъ, между прочимъ, ассимиляція зубныхъ *д* и *т* съ слѣдующими *л* и *н*. Она имѣла мѣсто въ той части общеславянскаго языка, которая дала начало церковнославянскому (съ ново-болгарскимъ), сербскому и русскому языкамъ, и закончилась въ нихъ исчезновеніемъ *д* и *т*:

ц.-слав. и русск. *паль*, *пшьль*, *яль* или *ѣль*, *пльмь* и т. п., изъ *падль*, *пшьдль*, *ядль*, *плетль*, *палль* и т. д.; ц.-слав. и русск. *рамо*, *жало*, русск. *мыло*, *шило* и т. п., изъ *радло*, *жадло* и т. д. (окончаніе *-дло* = греч. *-δλον*, лат. *-blut*, *-bulum*); ц.-слав. и русск. *се-лнті*, *вѣсеменная*, изъ *седлнті* (корень тотъ же, что въ *сед-ьло*); ц.-

слав. и русск. молити, изъ модл- (корень *мод-*; сравн. лат. *meditari, mod-estus* и т. п.). Западно-славянскіе языки въ приведенныхъ словахъ и имъ подобныхъ сохраняютъ (хотя и не вездѣ) *д* и *т*: польск. *radł, szedł, jadł*, чешск. *mečł*, польск. *gadło, mydło, modlić*, чешск. *modliti*; въ пражскихъ глаголическихъ отрывкахъ XI—XII в. (моравскаго извода) мы читаемъ: *въседлѣса, модлѣтва*. Не излишне замѣтить, что группы *дл, тл*, исчезнувшія на нѣкоторое время въ обще-славянскомъ языкѣ, потомъ, послѣ перестановки плавныхъ, явились въ немъ вновь и потому нерѣдки въ славянскихъ языкахъ, въ томъ числѣ и въ церковно-славянскомъ (по преимуществу въ началѣ словъ): *длань, тлѣшти* и т. п., изъ *дълнь, телѣти*;

ц.-слав. и др.-русск. *въз-бѣнѣти, вѣнѣти, вѣс-прѣнѣти, свѣнѣти*, изъ *бѣдн-, вѣдн-, прѣдн-, свѣтн-, бѣнн-* и т. д. (корни *бѣд-, вѣд-, прѣд-, свѣт-*); ц.-слав. *гачаниѣ* (Син. Пс. 166), изъ *гачн-*; ц.-сл. *плѣница*, изъ *плѣтн-*. Западно-славянскіе языки обыкновенно сохраняютъ здѣсь *д* и *т*: чешск. *vadnŭti, radnŭti*. Глаголы въ родѣ ср.-болгарск. *-паднѣти, -метнѣти* (Сборникъ 1345 г.), русск. *метнуть* принадлежатъ къ числу позднѣйшихъ новообразованій.

Рядомъ съ явлениями ассимиляціи и послѣдовавшего за нею исчезновенія согласныхъ, мы должны упомянуть объ измѣненіи группъ *зз* и *сс* (все равно, какого бы происхожденія ни были *з* и *с*)—въ *з* и *с*. Эти группы особенно часто встрѣчались при соединеніи именъ и глаголовъ, начинавшихся съ *з* и *с*, съ префиксами *без-, въз-, из-, раз-* (*роз-*), или при соединеніи именъ, начинавшихся съ *з* и *с*, съ предлогами *без, въз, из*; но группа *сс* была извѣстна также въ серединѣ словъ. Измѣненіе *зз* и *сс* въ *з* и *с*, если не вездѣ, то въ большинствѣ случаевъ должно было совершиться въ обще-славянскій періодъ, послѣ того времени, когда образовалось *ж* изъ *с*; вслѣдствіе чего мы не знаемъ случаевъ перехода *с* изъ *сс* въ *ж*. Оно наблюдается въ ц.-слав. и др.-русск. *безълобыжъ, безаконіѣ, бе-закона* (Супр. р.)=*без-з-*; *бестуднѣжъ, бе-студа, бе-страха, бе-сына*, др.-русск. *п-Смоленска* = *бес-с-, ис с-*; ц.-сл. и др.-русск. *ѣси*, изъ *ѣс-си* (сравн. лит. *essi*), *пасъ, васъ, вѣроятно*, изъ *нас-сь, вас-сь* (сравн. тѣжъ изъ *тѣ-сь*), *масло, весло*, изъ *мас-сло, вес-сло* (корни *маз-, вѣз-, суффиксъ -сло*), от-вѣсѣ. *сѣ-трѣса* (3 л. мн. аор. отъ *вѣрѣжъ, трѣсѣжъ*, С. Тр. 93, Мар. Ев. 113 и др.), изъ *-вѣрѣс-са, -трѣс-са*.

Неорганические согласные въ началѣ и серединѣ словъ. Согласные, возникшіе въ обще-славянскомъ языкѣ въ началѣ словъ передъ гласными, — *в* и *ј*.

Неорганическое *в* постоянно находится передъ *з* и *ы*: ц.-слав. и др.-русск. *въ*, *вън-* (предлогъ-префиксъ), изъ *з*, *зн-*, сравн. греч. *ἀνά*, *ἀν-*, лат. *an-*; *въз-* (предлогъ-префиксъ), сравн. лит. *už*; *въп-*ити, при *въз-*зпяти; *выдра*, изъ *ыдра*, сравн. греч. *ὕδρα*, лит. *ūdra* (выдра); *выкнѣти* (Супр. р.), сравн. *учити*; русск. *въмя*, сравн. санскр. *ūdhag*, греч. *οὐδάρ*, лат. *uber*; русск. *въшь*, сравни лотышск. *ūris* филинъ. Сверхъ того, есть одно обще-славянское слово, гдѣ неорганическое *в* находится передъ *о*: *воня*, сравн. ж-хати, греч. *ἄν-εμος*, лат. *animus* и т. п.

Неорганической *ј* находился почти передъ каждымъ начальнымъ *а*, *е* (и *я*) и безъ исключенія передъ каждымъ начальнымъ *ѣ*: ц.-слав. и др.-русск. *язъ* (изъ *Мар. Ев.*), т. е. *јазъ*, изъ *азъ*, сравн. санскр. *aṅam*, лит. *až*; *язѣ*, *язити*, сравн. санскр. *avis* открыто, лит. *oviję* на *яву*; *яице*, сравн. греч. *ὄβον*, латинск. *ō-vum*; *единъ*, изъ *единъ*, сравн. русск. *одинъ*; *ѣсень*, сравн. русск. *осень*, прусск. *asapis*; *ѣсмь*, *ѣсть* и т. д., сравн. санскр. *asmi*, *asti*, лат. *est*, лит. *esmi*, *esti*; *ѣма*, изъ *ѣма*, *ѣма*, сравн. прусск. *emens*, и т. п. Въ послѣдствіи *единъ* изъ говоровъ обще-славянскаго языка, предокъ церковно-славянскаго языка, утратилъ во многихъ словахъ *ј* передъ *а*. Союзъ *а* повидимому всегда былъ безъ *ј* (ни одинъ славянскій языкъ не знаетъ его съ *ј*), а также могло быть нѣсколько словъ, начинавшихся съ *е* и не привнявшихъ *ј*: сравн. русск. *э-то*, *э-но* и т. п. и сербск. *е-то*, *е-но*.

Кромѣ того, неорганической *ј* находился: 1) передъ *ь*, который подъ его влияніемъ перешелъ въ *а*: ц.-сл. и др.-русск. *ядъ*, *ясли*, изъ *јьдъ*, *јьсли*; ц.-сл. и др.-русск. *язва*, рядомъ съ др.-русск. *язва* (Сказ. о Бор. и Гл. по сп. XII в.; Новгородск. лѣт. XIV в.), и т. п.; 2) передъ *ж*: *ж-родъ*, ср.-болг. *л-родъ* (*л* изъ *ж*), русск. *ю-родивый*, рядомъ съ *ж-родъ*, русск. *у-родъ*, срв. отрицательную частицу санскр. *an-*, греч. *ἀν-*; *ж-доль*, средн.-болг. *л-дolie*, русск. *ю-доль*, рядомъ съ *ж-доль*, сравн. греч. *ἀνά*, *ἀν-*; *жза* Святославовъ Сборн. 1073 г., ср.-болг. *лза*, др.-русск. *юзникъ*, совр. союзъ, при *жза*, *юзникъ*, сравн. греч. *ἄγχω*, лат. *angustus*, лит. *ankštās*; *жтрынь* Святослав. Сборникъ 1073 г., *ютроба* сербск. Волканово Ев. XII

в. 5, вънутриному Слѣпченск. Ап. XII в. 14 об., жтроба Болонск. Псалт. XII—XIII в., польск. областн. *jętżznica* книшка, чешск. *vnitř*, *vnitř*, при жтроба, русск. внутри, пол. *wpłtż*, сравн. лит. *aptris*; *жхати, ср.-болг. благо-жхати, при жхати; срв. в-она.

Впослѣдствіи обще-славянскій языкъ утратилъ во многихъ словахъ *j* передъ *ъ*, ж.

Древнѣйшій *j* передъ *ъ* не слѣдуетъ смѣшивать съ болѣе новымъ, который развился въ разныхъ славянскихъ языкахъ передъ *ъ*, но не превратилъ *ъ* въ *a*. Съ новѣйшимъ *j* мы имѣемъ дѣло, на примѣръ, въ древне-русскомъ *жъти*, которое пишется съ іотированнымъ *ъ* въ Святославовомъ Сборникѣ 1073 г.

Случаи появленія неорганическаго *j* передъ *ǎ* неизвѣстны (мезеро и т. п. нельзя считать происшедшими изъ *jǎзеро*, *jǎзеро*, въ виду лит. *ežegas*). Причина возникновенія *j*-та передъ ж (точнѣе: передъ *ǎp*, *ǎp*) и невозникновенія передъ *ǎ* (откуда *o*) заключается, вѣроятно, въ томъ, что этотъ *j* появился тогда, когда *ǎ* безъ слѣдующаго носоваго уже перешло въ *o* или приблизилось къ *o*.

Согласныхъ, возникшихъ въ обще-славянскомъ языкѣ въ срединѣ словъ,—не болѣе двухъ; это—*m*, между *s* и *p*, и *d*, между *z* и *p*, явившіяся, вѣроятно, послѣ перехода *s* въ *x* и раньше перестановки плавныхъ.

Первое мы находимъ въ ц.-слав. и др.-русск. *остръ*, сравн. санскр. *aśtris* (уголь), греч. *ἄστρος*, лат. *асег*, *асіс*; въ *пѣстрь*, срв. греч. *πικρός*; въ *струга*, *струя*, *о-стровъ*, срв. санскр. *gṛavati* (течетъ), греч. *ῥέω* изъ **sréFw*, *ἑρρύην* изъ **isrúFην*; *сестра* сравн. лат. *зогор* изъ *zosog*, лит. *sesū*, *sesers* (*сестра*). Литовскій языкъ также имѣетъ *t* между *s*, *s* и *r*: *aśtris* (*острый*), *strovė*, *strovė* (*теченіе*), но вставка *m* въ немъ не выдержана (при *strovė*, на примѣръ, есть *strovė* и *stava* *теченіе*), и потому нѣтъ основанія ставить ее въ связь со вставкою *m* въ обще-славянскомъ языкѣ и возникновеніе ея относить къ славяно-литовскому періоду; должно думать, что *m* между *s* и *p* развилось и въ обще-славянскомъ, и въ литовскомъ самостоятельно (ср. обще-слав. *хромъ*, *хржсть* изъ *sr-*). Надо замѣтить, что сочетаніе *sr*, образовавшееся на славянской почвѣ: ц.-слав. *срамъ*, *срачица*, *срѣда* и т. п., не имѣетъ вставочнаго *m*, за однимъ исключеніемъ, въ которомъ должно видѣть церковно-славянское новообразование: *страмомъ* (Син. Пс. 146).

Что до *д* между *з* и *р*, то его мы находимъ только въ сочетаніяхъ предлоговъ-префиксовъ на *з* со словами, начинающимися съ *р*: ц.-слав. и др.-русск. без-*д*-разума (=безъ разума), из-*д*-рѣкъ (=изъ рукъ), из-*д*-решти, раз-*д*-рушити, раз-*д*-рѣшити и т. п. (из-рѣкы С. Пс. 104, разрушение Мар. Ев. 21—новообразования). Необходимо имѣть въ виду, что сочетаніе *зр*, явившееся на общеславянской почвѣ послѣ перестановки плавныхъ, не имѣетъ вставочнаго *д*: ц.-сл. *зракъ*, при-*зракъ*, у-*зрачїе* (др.-русск у-зорочье).— Постоянно встрѣчающееся въ церковно-славянскихъ и древне-русскихъ памятникахъ Израиль *Исраїл* получило свое *д* уже въ церк.-славянскомъ языкѣ, вѣроятно, по аналогіи съ раздрушити и т. п.

Къ числу неорганическихъ согласныхъ въ серединѣ словъ не слѣдуетъ относить *д* въ ц.-слав. и др.-русск. ноздри (при носъ и лит. *nasgai*) и мздра (сравн. *масо*). Этотъ звукъ принадлежитъ суффиксамъ и находится въ такихъ словахъ, гдѣ о вставкѣ его не можетъ быть рѣчи: въ бе-дро (сравн. корень лат. *fe-tur, fe-men*), русск. пуз-дро при пузо, кж-дрь (сравн. родственные суффиксы греч. -*δρον*, лат. -*brum*, изъ обще-индо-европ. -*dhgam*). Слав. мздра, кромѣ окончанія, въ звуковомъ отношеніи тождественно съ лат. *metz-brum* (изъ *metz-brum*).

Исчезновеніе начальныхъ согласныхъ. Согласный *j*, находившійся передъ *a*, *ъ*, *y*, *ж* въ началѣ словъ, въ общеславянскомъ языкѣ во многихъ случаяхъ (но не всегда) исчезъ, безразлично, былъ ли это древній *j*, или образовавшійся на общеславянской почвѣ.

Опущеніе *j* передъ *a* встрѣчается почти исключительно въ церковно-славянскомъ языкѣ (а вмѣстѣ съ нимъ и въ ново-болгарскомъ). Мы имѣемъ ц.-сл. *акы*, *амо*, изъ *якы*, *јамо* и рядомъ съ *якы*, *яко*, *ямо* и т. п.; ц.-сл. *азъ*, изъ *язъ* и рядомъ съ *язъ* (*язъ* Мар. Ев.), др.-р. *язъ*; ц.-сл. *аице*, *авити*, *агньць*, *агода*, изъ *ја-* и рядомъ съ *я-*. Но также мы имѣемъ др.-р. (обычное въ Лаврент. сп. лѣт.) и кашебск. *ако* = *яко*, сербск. *ако* (если), чешск. *vajse* изъ *ajse* = *яйце*.

Опущеніе *j* передъ *ъ* совершилось въ общеславянскомъ языкѣ въ огромномъ количествѣ случаевъ (наименьшее количество ихъ имѣлъ церковно-славянскій языкъ): ц.-сл. и русск. *ъ-дж*, *ъ-хати*, изъ *jъ-*, рядомъ съ ц.-сл. *ядж*. *яхати* (сравн. лит. *jo-ti*); *ъмь*, изъ *jъмь*.

рядомъ съ ц.-сл. *ямь*, русск. *ядь*, *ясли*; *язва*, изъ *язва*, рядомъ съ *язва*.

Опущеніе *j* передъ *y* особенно распространено въ церковно-славянскомъ и русскомъ яз.: ц.-слав. и др.-русск. *y*, *y*-же, польск. обл. *uż*, чешско-словацк. *už*, изъ *ю* и рядомъ съ ц.-слав. *ю*, сербск. *јур*, польск. *już*, при литовск. *јац*; *унъ*, изъ *юнъ* и рядомъ съ *юнъ*, при лат. *juvenis*, лит. *јаunas*; *утро*, изъ *ютро*, рядомъ съ ц.-сл. *ютро*, сербск. *јутро*, пол. *jutro*; русск. *уха*, рядомъ съ сербск. *јуха*, польск. *jucha*, при санскр. *juśas* уха, лат. *jus*, лит. *jušė*.

Опущеніе *j* передъ *ж* мы знаемъ только въ одномъ достовѣрномъ примѣрѣ: ц.-сл. *жду* (между проч. Остром. Ев. 85), изъ *жду*, рядомъ съ *яду* (корень тотъ же, что въ мѣстоименіи *и*, въ *яко* и др.); но трудно сомнѣваться въ томъ, что это явленіе было значительно распространено.

Время опущенія *j* (по крайней мѣрѣ передъ *ъ*) можно опредѣлить приблизительно: оно произошло тогда, когда группа *ju* еще не перешла въ *ja*, и потому при опущеніи *j* передъ *ъ* получился *ъ*, а не *a*.

Согласный *e*, находившійся передъ *o* въ обще-славянскомъ *оса* (сравн. лит. *varsa*), также исчезъ изъ произношенія, и это слово во всѣхъ славянскихъ языкахъ обыкновенно начинается съ *o*.

Исчезновеніе конечныхъ согласныхъ. Всѣ согласные, находившіеся въ концѣ словъ и не вопедшіе, подобно *m* и *n*, въ составъ носовыхъ гласныхъ, въ одну изъ эпохъ обще-славянскаго періода (едва ли въ очень древнюю) исчезли изъ произношенія, и такимъ образомъ всѣ слова обще-славянскаго языка стали оканчиваться на чистые или носовые гласные: ц.-слав. и др.-русск. *вълкъ* стало оканчиваться на *ъ*, вмѣсто *с* (*вълкъс*), сравн. санскр. *vṛkas* (*волкъ*, им. ед.), греч. *λύκος*, лат. *lupus*, лит. *vilkas*; ц.-слав. и др.-русск. *небо* — на *o* вмѣсто *с* (*небоc*), сравн. санскр. *nabhas* (*небо*, им.-вин. ед. ср. р.), греч. *νέφος*, лат. *genus*; ц.-слав. и др.-русск. *небо* ? (род.) — на *e* вмѣсто *с* (*небесес*), сравн. санскр. *nabhasas* (род. ед.), греч. *νέφε(σ)ος*, лат. *genetis*; ц.-слав. и др.-русск. *веде* (2 и 3 л. ед. аор.) — на *e*, вмѣсто *с* и *т* (*ведес*, *ведет*), срв. санскр. *abhasas*, *abhasat* (имперфектъ, 2 и 3 л. ед., = *несъ*), греч. *ἔφερες*, лат. *ferebas*, *ferebat*; ц.-слав. и др.-русск. *ю* (3 л. ед. наст. вр. отъ *юсмь*) — на *e* вмѣсто *ст*,

сравн. лат. *est*; др.-русск. *я* (при ц.-слав. *азъ*, др.-русск. *язъ*)—на *а* вмѣсто *з* (= *яз), сравн. лит. *азъ*, латышск. *ez*.

Но нѣсколько словъ обще-славянскаго языка сохранили свои конечные согласные. Это — предлоги *безъ*, *възъ*, *изъ*, употребляющіеся постоянно въ самой тѣсной связи со слѣдующими за ними именами и мѣстоименіями и составляющіе какъ бы часть этихъ послѣднихъ; въ нихъ мы нерѣдко находимъ ихъ конечный согласный ассимилированнымъ съ начальнымъ согласнымъ слѣдующаго слова; сверхъ того, древне-русскія нотныя книги въ огромномъ большинствѣ случаевъ пишутъ ихъ безъ *з*: *изъ* истыльнѣня, *изъ* усть, *изъ* утробы, *изъ* гроба, *безъ* мужа, *безъ* печали. Родственные языки показываютъ, что отсутствіе въ этихъ предлогахъ *з*-ра исконно: сравн. *безъ* съ латышск. *bez* (литовск. *be* соотвѣтствуетъ нашему *бе*: *бе* грѣха Свят. Сб. 1073 г. 57; *бе*-успѣшна др.-р. Слова Григор. Бог. XI в. стр. 190; *бе* раздѣленія др.-р. Слова Кирилла Іерус. XI—XII в. 40; *бе* псалтырнаго пѣнія др.-р. Уставъ церк. XII в. Син. Б. N 330, 5 об.); *възъ* — съ лит. *uz*, латышск *uz*; *изъ* — съ лит. *iz*. Впрочемъ, рядомъ съ *безъ*, *изъ* мы встрѣчаемъ изрѣдка также *безъзъ*, *изъзъ* (почти исключительно при слѣдующемъ словѣ съ начальнымъ твердымъ гласнымъ), какъ въ церковно-славянскихъ памятникахъ: *безъзъ* осужденіѣ, *изъзъ* основаніѣ С. Тр. 30, 100, *безъзъ* отьца Супр. р. 7, такъ и въ древне-русскихъ нотныхъ книгахъ: *безъзъ* отьца, *безъзъ* огня Стихирарь ок. 1163 г. 14, 30 об., *изъзъ* утробы, *изъзъ* очю Трїодъ Саввина до 1226 г. 163, 164. Сверхъ того, встрѣчается даже *безо*, *изо* (при слѣдующемъ словѣ съ начальнымъ *о*): *безо* отьца, *изо* облака Зогр. Ев. 13, 101; *безо* отьца, *изо* обожъ др.-р. Слова Григор. Бог. XI в. стр. 111, 115; *изо* олгара Сказ. о Бор. и Гл. по сп. XII в. 11 об. Здѣсь *о*, вѣроятно, изъ *зъ*, слѣдствіе ассимиляціи *зъ* съ *о* (хотя мы постоянно читаемъ: *въ* оно вѣрма, *въ* отьца, *къ* отьцю и т. п., а не *во* оно...).

Если эти предлоги, имѣющіе известную долю самостоятельности въ рѣчи, сохраняютъ свой конечный согласный, то конечно, они сохраняютъ его и тогда, когда употребляются въ значеніи префиксовъ. Здѣсь имъ слѣдуютъ также другіе префиксы: ц.-слав. *разъ-*, *отъ-*, *объ-* (др.-русск. нотныя книги: *избавити*, *изволивъ*, *изгнать*, *излияти*, *изнуривъ*, *възвратити*, *въздържаніе*, *безгрѣшнъ*, *разбойникъ*, *распяти*, *отрокъ*, *обнаженъ*, *обновити*, *облакъ*, *облѣкъ*, *обрѣсти*, *обращю*).

Впрочемъ надо замѣтить, что предлоги - префиксы *отъ* и *объ* нерѣдко имѣють *з*: *отъзѣща* Остр. Ев. (всегда съ *з*, при *отвързохъ* и т. п. почти всегда безъ *з*), *отъстѣпати* Остр. Ев. (чаще, чѣмъ *ост-*), *отъмати* Асс. Ев. 168, Остр. 269 об., *объимъ* Остр. и др. *Рядомъ* съ *отъ* и *объ* встрѣчаются *оти-*, *объ-*, *оби-*: *оби-ходъ*, *обиходити* С. Тр. 162, *Богословіе* Іо. Дам. XII в. 152. Конечный *з* въ *объ*, *отъ*, вѣроятно, ведетъ начало изъ древности (такъ что *от* и *отъ* въ обще-славянскомъ языкѣ равно древни: срв. лит. *at-* и *ata-* *от-*); что же до *з* въ *безъ*, *взъ* и пр., то оно едва ли не возникло на славянской почвѣ, прежде всего вслѣдствіе стеченія согласныхъ и отсутствія ассимиляціи между ними.

Предлогъ-префиксъ *ц.-слав. чрьсь*, *др.-русс. чересь* (въ древности всегда съ *с*) въ памятникахъ церковно-славянскаго языка обыкновенно пишется съ *з*.

Что до предлоговъ-префиксовъ *съ*, *съ* (рядомъ съ *сж-* въ *сжсѣдъ* и т. п., лит. *сам-*, и съ *ж-* въ *ждоль* и т. п.), то они въ древности оканчивались на *н*, который въ однихъ случаяхъ исчезъ, въ другихъ — вошелъ въ составъ носоваго гласнаго, въ третьихъ — сохранился. Его мы видимъ въ сочетаніяхъ этихъ предлоговъ-префиксовъ съ мѣстоименіемъ *и* и вообще съ словами, начинающимися гласнымъ, особенно мягкимъ, или *ј*: *съм-имъ* (твор. ед. отъ *и*), *съм-имати*, *съм-орити* (др.-р. Слова Кирилла Іерус. XI—XII в. 50 об.); *въм-ь* (вин. ед.), *въм-емь* (мѣстн. ед.), *въм-уші* = въ уши (вин. дв., Сян. Пс. 28), *въм-ихъ* же рѣку (С. Пс. 49), *въм-его* любви (Остр. Ев. 169), *въм-егда*, *въм-имати*, *въм-ушити* и т. п. Это *н* мало по малу перешло въ сочетанія другихъ предлоговъ-префиксовъ съ мѣстоименіями и глаголами, такъ что въ церковно-славянскихъ и древнерусскихъ памятникахъ мы находимъ: *отъ-н-его*, *къ-н-ему*, *по-н-емь* (мѣстн.), *объ-н-емь*, *по-н-имати*, *до-н-ьдеже* (рядомъ: *доудеже*), даже: *сквозъ-н-а* (С. Тр. 83), *има н-ихъ* (Сян. Пс. 23).

VI. Церковно-славянскія измѣненія звуковъ.

Здѣсь мы будемъ говорить о тѣхъ звуковыхъ измѣненіяхъ, которыя претерпѣлъ церковно-славянскій языкъ послѣ выдѣленія своего изъ обще-славянскаго языка и до перехода въ языкъ средне-болгарскій. Одни изъ нихъ совершились въ самомъ церковно-славянскомъ языкѣ; другія, по преимуществу новѣйшія, произошли въ отдѣльныхъ болгарскихъ говорахъ, которыми говорили писцы дошедшихъ до насъ церковно-славянскихъ памятниковъ. Часть церковно-славянскихъ звуковыхъ измѣненій имѣла мѣсто въ до-историческую эпоху, закончившуюся временемъ Кирилла и Меѳодія и ихъ ближайшихъ учениковъ; часть относится къ исторической эпохѣ, которая можетъ быть названа также эпохою послѣ-кирилло-меѳодіевскою. Она закончилась временемъ написанія извѣстныхъ намъ церковно-славянскихъ памятниковъ.

I. Измѣненія звуковъ въ до-историческую эпоху.

Звуки церковно-славянскаго языка до-исторической эпохи мало отличались отъ звуковъ эпохи исторической. Въ эту эпоху, вѣроятно, совершились:

исчезновеніе древнихъ долгихъ гласныхъ (древніе долгіе *a*, *y*, *ы* и др. стали произноситься по количеству одинаково съ древними краткими—*e*, *o*, ударяемыми *z*, *ь* и др.);

переходъ *ъ* въ *a* съ предъидущимъ мягкимъ согласнымъ (т. е. въ *я*): слова *дѣло*, *цѣль* и т. п., прежде имѣвшія открытое *e*, стали произноситься *дѣло*, *цѣль*;

измѣненіе обще-славянскихъ носовыхъ *o* и *e* въ тѣ звуки, которые въ церковно-славянскихъ памятникахъ изображаются *ж* и *л*;

измѣненіе обще-слав. *ъ*, тождественнаго или близкаго по качеству къ современному русско-польск. грубому *ъ* (*ѣ*),—въ среднее *ъ* (исторія славянскихъ языковъ, особенно чешскаго, показываетъ, что среднее *ъ* развилось въ нихъ изъ грубаго *ъ*);

исчезновеніе *ј* въ серединѣ словъ всего чаще передъ *а* и *ж*: древнія *имаѣамъ*, *дѣлаѣихъ*, *несѣѣихъ* (срв. современн. ново-болг. *живѣяхъ*, сербск. *несѣяхъ*) превратились въ *имаамъ*, *дѣлаахъ*, *несѣахъ*; *даѣати*, *сѣѣати* — въ *даати*, *сѣати*; *добраѣа* (им. ед. женск., им.-вин. мн.)—въ *добраа*; *гонениѣа* (род. ед.)—въ *гонениа*; *женоѣж* (твор.) — въ *женож* и т. п.; срв. ново-болг. западн. *оваа* = *овая*, *пеалъ* = *пѣаль*, *пѣлъ*, *живеалъ*, *даваатъ* = *давактъ*, *неа* = *иж* и т. п. Исчезновеніе *ј*-та не было обязательнымъ; поэтому, рядомъ съ *даати*, *добраа*, *гонениа*, мы находимъ въ церк.-славянскомъ языкѣ (равно какъ и въ ново-болгарскихъ западныхъ говорахъ) — *нерѣдко даѣти* (*даѣти*), *добраѣа* (*добраѣ*), *гонениѣа* (*гонениѣ*) и *женоѣж*; мы встрѣчаемъ изрѣдка даже *видѣѣихъ*, *растѣѣихъ*, *бѣѣихъ* и т. п. (Супрасл. р. 13, 19, 34; *имаѣамъ*, *имаѣамъ* и *дѣлаѣихъ*, *дѣлаѣихъ* неизвѣстны). Сверхъ того, *ј* долженъ былъ исчезнуть въ формахъ членныхъ прилагат. и мѣстоименій въ родѣ *добра-ѣего*, *добра-ѣему*, *добраѣ-ѣемъ*, *добраѣ-ѣимъ*, *добраѣ-ѣимъ*.

Наконецъ, къ до-исторической эпохѣ могутъ относиться слѣдующіе случаи *ассимиляціи* и *стяженія гласныхъ*.

Группа *аѣе* (черезъ *ае*) перешла въ *аа*, откуда получилось одно *а*. Это имѣло мѣсто въ формахъ 1) род. ед. муж.-ср. р. членныхъ именъ прилагательныхъ и мѣстоименій и 2) настоящаго времени глаголовъ на *ати*, особенно 3 л. ед.

Большая часть церк.-славянскихъ памятниковъ имѣетъ формы род. п. исключительно съ окончаніемъ *ааго* (*ѣаго*) или *аго*: *добрааго*, *добраго*; такъ, Саввино Ев. имѣетъ формы род. па *аго*, Ассеманово и Остромирово Ев., Синайскій Требникъ, Супрасльская рук., Клоцовъ Сборникъ — на *ааго* и—рѣдко—на *аго*, древне-русскія потныя книги постоянно—на *ааго*; въ стихотвореніи Константина Болгарскаго мы читаемъ: *живѣѣптаго*. Но рядомъ съ этими окончаніями мы находимъ окончаніе *аею*, не подвергнувшееся ассимиляціи: Зографское Ев. имѣетъ обыкновенно формы род. па *аею* (*добраею*); они попадаются изрѣдка также въ Синайской Псалтыри, Маріинскомъ

Ев. (рядомъ съ формами на *ааю*) и нѣкоторыхъ средне-болгарскихъ памятникахъ (особенно часто въ Парижскомъ Стихирарѣ XIII в.).

Одна часть церк.-славянскихъ памятниковъ (и съ ними древне-русскія нотныя книги) совсѣмъ не знаетъ глагольныхъ формъ съ *аа* изъ *аје*; другая имѣетъ ихъ—исключительно 3 л. ед.—въ самомъ ограниченномъ количествѣ (Зографское, Саввино, Ассеманово Ев.): *съкънъчаатъса*, *подобаатъ*, *прѣжаатъса* Зогр. 2, 100, 101; третья, напротивъ, богата подобными формами 3 л. ед. ч., изрѣдка формами 2 л. ед. и 2 л. множ. Это—Супрасльская рук. и Маринское Ев.: *умираатъ*, *съпрѣбываатъ*, *подобаатъ* Супр., *събираатъ*, *разумѣваатъ*, *растачаатъ* Мар., *прѣбывааши* Супр. 36, *познаате*, *даате*, *гнѣваатеса* Мар. (рядомъ формы на *аеть* и т. п.). Отмѣтимъ въ Хиландарскихъ Листкахъ форму *въстааши*, въ Син. Псалтыри формы *обладатъ*, *повѣдаши* 43, 106. Можно было бы думать, что глагольныя формы на *аатъ* и т. п. отличаются отъ формъ на *аetz* не присутствіемъ ассимиляціи *e* съ *a*, а глагольными суффиксами, и что въ формахъ на *аатъ* мы имѣемъ дѣло съ глаголами типа *имаамъ*, 3 л. ед. *имаатъ*, если бы церковно-славянскіе памятники, гдѣ, въ которыхъ часты формы въ родѣ *събираатъ*, не имѣли постоянно формъ глагола *имаамъ* со стяженіемъ звуковъ: *иматъ* (ни разу: *имаатъ*), и если бы различіе звуковъ въ формахъ *събираатъ* и *иматъ* не указывало на различіе ихъ образованія.

Стяженіе *аа* (изъ *аја*) въ *a* обычно въ формахъ имперфекта и въ глаголѣ *имаамъ*. Церковно-слав. памятники (кромя Остромирова Ев.) имѣютъ имперфектъ и на *ахъ* (обыкновенно), и на *аахъ* (древне-русскія потныя книги исключительно на *аахъ*), а глаголъ *имаамъ* постоянно, съ однимъ *a* (потныя книги имѣютъ въ этомъ глаголѣ также постоянно одно *a*). Сравни въ ново-болгарскомъ яз. рядомъ: *знаамъ* и *знамъ* (знаю), *викаатъ* и *викатъ* (изъ *викатъ*, 3 л. мн.; Arch. f. sl. Ph. XIII, 544, 546).

Группа *ъје* (черезъ *ъе*) перешла въ *ъь*, *ъа*, откуда *ъ*. Это имѣло мѣсто въ формахъ 1) мѣстн. ед. муж.-ср. р. членныхъ прилагательныхъ и мѣстоименій и 2) глаголовъ на *ъти*.

Изъ церковно-слав. памятниковъ одна Супрасльская рук. имѣетъ очень часто формы мѣстн. ед. на *ъьмъ*: на дрѣвѣ *кръстьньъьмъ* и т. п., и одно Ассеманово Ев. часто формы на *ъамъ*: *друзъамъ* и т. п. Остальные церк.-славянскіе памятники имѣютъ здѣсь окончаніе

или *нѣмь* (Зогр., Остр., Мар. Ев., Син. Пс.), или *нѣмь* (С. Тр.); нотныя книги—за самыми ничтожными исключеніями (Стихирарь Ак. Н. XII в.: о видимѣмъ 106 об.)—окончаніе *нѣмь*.

Большая часть церк.-славянскихъ памятниковъ не знаетъ глагольныхъ формъ на *нѣтъ* и т. п., но они нерѣдки въ Маріинскомъ Ев.: *успѣать*, *сѣблажнѣать* (рядомъ съ формами на *нѣтъ*). Супрасльская рукоп. имѣетъ нѣсколько разъ форму 2 л. ед. *дѣньши* 225, 227, 231, 232, 256; Маріинское Ев.—небольшое количество формъ 2 л. мн.: *имѣате*, *умѣате* и т. п. Въ Зографскомъ Ев. мы находимъ: *ицѣлѣтъ*, *напалѣтъ* 94, 112, = *-нѣтъ*.

Сверхъ того, въ Маріинскомъ Ев. встрѣчается форма сравнител. степ. *добрѣа* 61, 62, 99.

Стяженіе *на* (изъ *нѣа*) въ *нѣ* обычно въ формахъ имперфекта; о немъ должно сказать то же, что сказано выше о стяженіи въ тѣхъ же формахъ *аа* въ *а*.

Группа *иѣ* перешла въ *и*, откуда *и*, въ формахъ мѣстн. ед. муж.-ср. р. членныхъ прилагательныхъ и мѣстоименій. Это *и* мы видимъ сравнительно рѣдко: на послѣднѣмъ мѣстѣ Зогр. 113, въ заутрѣннѣмъ сѣвѣтѣ С. Тр. 90 и т. п. Обыкновенное окончаніе мѣстн. ед. въ церковно-слав. памятникахъ и постоянное въ нотныхъ книгахъ—*иѣ*.

Группа *уѣ* (черезъ *уе*) перешла въ *уу*, откуда *у*. Это имѣло мѣсто въ формахъ 1) дат. ед. муж.-ср. р. членныхъ прилагательныхъ и мѣстоименій и 2) 3 л. ед. ч. настоящ. вр. глаголовъ на *овати*.

Одна часть церк.-славянскихъ памятниковъ имѣетъ формы дат. ед. съ окончаніями *уууму* (*юуму*) и *уму* (*юму*): *добрѣууму*, *добрѣуму*; другая (Савв. Ев., Син. Тр., Клоц. Сб.)—только съ окончаніемъ *уму*; древне-русскія нотныя книги знаютъ эти формы лишь съ окончаніемъ *уууму* (или съ его видоизмѣненіями — *уому*, *оому*); стихотвореніе Константина Болгарскаго имѣетъ рядомъ: *просаштуууму* и *прѣсвѣтуууму*. Только Зографское Ев. обыкновенно употребляетъ формы на *ууму*: *добрѣууму*, да такія же формы изрѣдка встрѣчаются въ Син. Псалтыри и Маріинскомъ Ев.

Одно Маріинское Ев. имѣетъ нѣсколько формъ 3 л. ед. на *уутъ*: *вѣруутъ*, *трѣбуутъ*, *радуутъ*сѣ.

Стяженіе *ѣји* (черезъ *ѣи*) въ *ѣ* и *ѣји* (черезъ *ѣи*) въ *ѣ* произошло въ значительномъ количествѣ случаевъ въ формахъ им.-вин. ед. муж. р., твор. ед. муж.-ср. р., дат.-тв. дв., род., дат., тв., мѣстн. мн. членныхъ прилагательныхъ и мѣстоименій, а также въ рядѣ другихъ именныхъ и мѣстоименныхъ формъ, въ формахъ повелит. накл. и т. п.

Формы им.-вин. ед. муж. въ родѣ мадры, прѣвы, крѣпли мене Зогр., чи есть сынъ Мар. въ церковно-славянскихъ памятникахъ нерѣдки; изъ нихъ нѣкоторые (Савв. и Мар. Ев., С. Тр.) имѣють ихъ очень часто. Рядомъ съ ними мы находимъ въ церк.-славянскихъ памятникахъ формы на *ѣи* и *ѣи* (добрѣи), *ѣи* и *ѣи* (добрѣи), *ѣи* и *ѣи* (доброи). Нотныя книги и стихотвореніе Константина Болгарскаго не знаютъ формъ на *ѣ* и *ѣ*.

Формы тв. ед., дат.-тв. дв. и другихъ падежей въ родѣ добрымъ, добрыхъ, крѣпльшимъ — въ церк.-славянскихъ памятникахъ явленіе обычное; рядомъ съ ними, то въ большемъ, то въ меньшемъ количествѣ, въ тѣхъ же памятникахъ находятся формы на *ѣимъ* (добрѣимъ), *ѣимъ* (добрѣимъ), *ѣимъ* (крѣпльшимъ) и т. п. Нотныя книги знаютъ только не стяженные формы — на *ѣимъ* и т. д. У Константина Болг. при трехъ формахъ безъ стяженія: видимѣимъ, невидимѣимъ, живѣптимъ, мы видимъ одну со стяженіемъ: шестокрылатыхъ.

Формы въ родѣ: о *ѣи* = о *ѣи* Зогр. 63, *ѣи* = *ѣи* (повелит. накл.) Зогр. 6, мѣни (им. ед.) Зогр. 35, бали, сѣди Кл. Сб. 15, 22, въ орѣжи, братѣ моеи (дат.) С. Пс. 174, 139, въ цѣсарствѣ Л. Унд., о вскрѣшени, на распѣтихъ Мар. 81, 15, убимъ (повел. н.) Мар. 77, уби (пов.) С. Пс. 122, чловѣкоубица Зогр. 152, убица Мар. 78, примѣ С. Пс., особенно: *ѣи* = *ѣи*, — нерѣдки въ церк.-слав. памятникахъ и находятся въ нихъ рядомъ съ формами безъ стяженія, съ сохраненіемъ *ѣи* (*ѣи*), *ѣи* (*ѣи*). Несомнѣнно, они получили начало прежде, чѣмъ произошло исчезновеніе *ѣ*, *ѣ* и *ѣ*, т. е. прежде, чѣмъ явились формы *ѣи*, *ѣи*ца и т. п. Нотныя книги знаютъ стяженіе только въ глаголѣ *ѣи*, который въ нихъ пишется всегда съ однимъ *ѣ*.

Сравни ново-болгарскія и сербскія формы им. ед. членныхъ прилагательныхъ въ родѣ добри (*ѣ* изъ *ѣ*), злати, вели, сербск. формы род. мн. въ родѣ речи (= рѣчей) и т. п.

Наконецъ, въ кирилло-меѳодіевской эпохѣ могутъ относиться слѣдующія явленія въ заимствованныхъ изъ греческаго яз. словахъ:

вставка глухаго (з или ъ) между двумя согласными: анггелъ, псалмъ (откуда позже псаломъ), псалтырь, Капернаумъ. Въ древнерусскихъ нотныхъ книгахъ эти з и ъ имѣютъ надъ собою нотные знаки: Вакъхъ, Таръхъ, Викторъ, талантъ Стихирарь XII в. Акад. Н. 30 об., 32, 49, 68, и т. п.;

переходъ о въ е подъ вліяніемъ j: Иерданъ Ἰορδάνης, Иивъ Ἰώβ (согласный j здѣсь и въ Ияковъ, Июда, точно также какъ з въ Измаилъ, и въ аллилуи, Евя Еѳъ и др., вѣроятно, перешелъ въ церк.-славянскій яз. изъ греческаго);

переходъ е въ о послѣ е, ѣ подъ вліяніемъ отсутствія j: геона γέοννα, Виѳлеомъ Βηθλεέμ. Съ этимъ переходомъ находится въ связи то обстоятельство, что слова въ родѣ архіерѣи, иудеи въ церк.-славянскихъ памятникахъ обыкновенно имѣютъ формы твор. ед., дат. тв. дв., дат. мн. съ окончаніями формъ твердаго склоненія: архіерѣомъ и т. п. (также прилагат. архіерѣовъ, дат. ед. архіерѣови; срв. род. дв. архіереу Асс. и др.).

2. Измѣненія звуковъ въ историческую эпоху.

Исчезновеніе глухихъ гласныхъ. Глухія з и ъ, а также чистое и, въ кирилло-меѳодіевскую эпоху сохраняли гласное произношеніе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они слышались въ обще-славянскомъ языкѣ.

Эпоха послѣ-кирилло-меѳодіевская началась исчезновеніемъ глухихъ и и въ концѣ и середнѣй словъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они были безъ ударенія и гдѣ стеченіе согласныхъ не требовало сохраненія между ними гласнаго. Такимъ образомъ исчезли з въ богъ, множь, ъ въ конъ, все, и въ мои и т. п. и приведенныя слова стали звучать бог, множь, кон', все, мой. Сверхъ исчезновенія несударяемыхъ глухихъ и и, кое-гдѣ исчезли глухіе и и ударяемые: въ формахъ им.-вин. ед. въ родѣ бѣдръ (срв. лит. būdrūs), мѣстн. ед. въ родѣ сынѣхъ (ср. лит. sūnūsì), томъ (срв. лит. tamè), въ им. ед. муж. р. мои (срв. ударенія въ русск. им. ед. женск. и ср. р. мой, мое). Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ вліяніемъ большаго

числа формъ лишившихся неударяемаго глухого или *и* на немногія однородныя формы съ ударяемымъ глухимъ или *и*. Впрочемъ нѣсколько словъ, благодаря особымъ условіямъ, пѣкоторое время, кажется, сохраняли конечныя ударяемыя глухіе; это — мѣстоименіе *въсь* и существительныя *въсь* и *дѣмь*. Мы читаемъ: *въсь* миръ, *въсь* градъ, *въсь* народъ, съборъ *въсь* Савв. Ев. 2, 16, 39, 87 и т. п., *въсь* миръ Зогр. 19 и т. п., въ *въсь* Савв. 85, Зогр. 102 и т. п., въ прочи *д'мь*, на в'сѣкъ *д'мь* Зогр. 101, 105 и т. п. Сверхъ того, глухіе въ концѣ словъ сохранились (или перешли въ чистые), когда за словами слѣдовали мѣстоименія *мз*, *съ*, *и*, т. е. въ случаяхъ въ родѣ рабъ-тъ, рабъ-съ, видитъ-и.

Въ то время, къ которому относятся дошедшіе до насъ церковно-славянскіе памятники, *з*, *ь* и *и* какъ гласныя звуки уже очень часто не существовали. Всѣ памятники имѣютъ нѣкоторое количество словъ съ опущеніемъ *з* и *ь* (*и* обыкновенно сохраняется, но означаетъ *ј* и потому не составляетъ слога), но въ однихъ памятникахъ это опущеніе встрѣчается рѣже (въ Зогр., Савв. Ев., особенно въ Остр. Ев.), въ другихъ очень часто (особенно въ Асс. Ев.). Если мы возьмемъ Зографское Ев., то въ самомъ началѣ его найдемъ: съкончати *вм*. съконъч-, всѣж *вм*. въс-, о всемъ *вм*. о въс-, колми, пцѣтеса, никто же, многа, колиждо, мака, псано, оправдса и др. Въ Ассемановомъ Ев. мы читаемъ, рядомъ съ многочисленными случаями отсутствія *з* и *ь* въ родѣ съказаетса, все,—также случаи въ родѣ: сих ли не вѣси 6, градт къ нему 8, чѣтжт сына, правѣден естъ, градет година, имат живогъ 11, Моси даст вам хлѣб с небесе 16, кров мовъ 19. Кромѣ того, изъ тѣхъ *з* и *ь*, которыя мы видимъ въ памятникахъ, конечно, многія не означаютъ уже никакого звука. Такъ, въ *множъ*, рядомъ съ *множ*, или въ *въсе*, рядомъ съ *все*, *з* и *ь* — буквы, лишеныя всякаго звуковаго значенія, которыя перешли въ церк.-слав. памятники изъ ихъ древнихъ оригиналовъ, написанныхъ еще тогда, когда *з* и *ь* означали звуки.

Понятно, если *з* и *ь* нерѣдко были только буквами безъ всякаго значенія, писцы могли ставить ихъ тамъ, гдѣ звуки *з* и *ь* никогда не слышались. Такое *з* мы не разъ находимъ въ Зографскомъ Ев. и другихъ памятникахъ въ словѣ сѣребро (потныя книги всегда: сребро, безъ *з* или *ь* послѣ *с*); здѣсь мы имѣемъ дѣло едва ли не съ попыткою писцовъ осмыслить это слово; такія же *з* и *ь* мы нахо-

димъ въ алкати, въ кожда, вьнегада, осзнавалъ С. Пс. 3, 9, 108, 281, вскръснеть Савв. 36 и т. п.

Переходъ глухихъ въ чистые. Значительное количество словъ церк.-слав. языка имѣло по два глухихъ или глухой и и въ слѣдующихъ одинъ за другимъ слогахъ: сѣнз, вѣнз, вѣсь, силнз, вѣрнз, шѣз, живзи и т. п. Исчезновеніе глухаго или и во второмъ (послѣдующемъ) слогѣ повело къ проясненію глухаго въ первомъ слогѣ и къ переходу его въ соотвѣтствующій чистый, т. е. къ переходу з въ о, ъ въ е; так. обр. сѣнз превратилось въ сон (пишется въ памятникахъ по традиціи — сонъ), вѣсь въ вес' (пишется по традиціи — весь или весъ), силнз въ силен, живзи = живзи (им. ед.) въ живој. Примѣры: праведнымъ, сжчець, темьницѣ, бѣсенъ, подобенъ Зогр. Ев.; крѣпокъ, пѣсокъ, сонъмомъ (дат.), ложь, правденъ, буренъ, непороченъ, честьж, конецъ, телець, морескъ, день (им.-вин.), весъ, сънемъ Син. Пс.

Можно отмѣтить, между прочимъ, слѣдующіе случаи перехода глухихъ въ чистые:

въ префиксахъ и предлогахъ: вонъми (изъ вѣнми), возвахъ (изъ вѣзвахъ), солъгаша, во спасенъе (изъ въ сѣп-), во сѣмръти, подо множ, прѣдо мьнож, ото всѣхъ Син. Пс., во тѣ часъ Мар. Ев. и т. п.; въ послѣднихъ примѣрахъ о изъ з принадлежитъ предлогу, а исчезновеніе глухаго произошло въ началѣ слѣдующаго слова;

въ формахъ им.-вин. ед. существительныхъ съ мѣстоименіями *тз* и *сѣ*: дне-сѣ, родо-сѣ, позоро-сѣ Зогр. 5, 35, 133, ученико-тѣ, народо-сѣ, образо-сѣ Асс. 39, 40, 57 и т. п.; здѣсь конечный глухой существительнаго перешелъ въ чистый подъ вліяніемъ исчезновенія з или ъ въ мѣстоименіи;

въ формахъ им.-вин. ед. муж. р. прилагательныхъ, причастій и мѣстоименій, по преимуществу членныхъ: огнь негашштеі, вѣкъ градштеі Зогр. 64, 65, грѣшьной, нечѣстивоі, прѣподобьной, лж-кавоі, истрыгоі (прич.), изведоі, сздавоі, вышьней, нищеі, велеі и т. п. Син. Пс.; въ Син. Требникѣ всѣ формы им. ед. причастій прошедшаго времени, кромѣ одной, оканчиваются на *еи*: явлені;

въ формахъ род. мн. существительныхъ: людсі, печалси, плътеи, скръбеи, свѣдѣнеи, знаменсі, спасенсі Син. Пс., дѣтеі, врачєі, трєі Асс. 52, 144, 41;

въ формахъ 3-го л. ед. и мн. ч. наст. вр. и 3-го л. ед. аориста въ соединеніи съ мѣстоименіями *и* (вин. п.) и *съ* (имен.): съмѣрито-и, избавито-и, спасето-и, въсхвалато-и, полато-и Сян. Пс. 16, 40, 143, 175; лежито-съ Асс. 159;

въ формахъ 1-го л. ед.: прѣдаме-и Мар. Ев. 48;

въ формахъ 1-го л. мн.: убіймо-и Асс. 58; пожрѣхомо-и Сян. Пс. 72.

Кромѣ этихъ случаевъ, замѣчательно употребленіе *е* вм. ѣ въ формахъ косвенныхъ падежей мн. ч. причастій: посылавъшеимъ, глагольштеихъ Зогр., искжштеихъ, сьгрѣшажштеимъ С. Пс., ѣдшеимъ, понесъшеимъ Мар.; рядомъ съ подобными формами съ *е* вм. ѣ (срв. величающымъ др.-р. Путятина Миняя XI в. 100 об.), въ древнѣйшихъ русскихъ спискахъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ — въ Евгеніевой Псалтыри, въ Путятиной Миней XI в. и т. п. — мы находимъ формы съ *о* вм. ѣ въ родѣ вѣрнымъ Пут. Мин. 54; это показываетъ, что *е* формъ косвенныхъ падежей или образовалось изъ ѣ, такъ что ѣдшеимъ = ѣдшеимъ, ѣдшеймъ, или — скорѣе — перепло въ эти формы изъ другихъ формъ (вин. ед. на *ей* или им. мн. на *еи*). Сравни форму мѣсти. мн. каменейхъ Мар. Ев. 42 (отъ каменьѣ?) и другую странную ф. того же пад. людеихъ Зогр. 159 (рядомъ: на съборициихъ Остр. Ев. 80).

Наконецъ можно отмѣтить *о* и *е* въ во-инж (= выну) Сян. Пс. 72 и въ заимствованныхъ словахъ: псаломъ, псаломъ, Таверъ С. Пс. 20, 159, 197, Петеръ Асс. 175, Павелъ Кл. Сб. 8 и др., оцетъ С. Тр. 92.

Переходъ ѣ въ *е* въ нѣсколькихъ случаяхъ послужилъ причиною замѣны *и* черезъ *е*. Глаголь *имж* съ родственными словами въ общеславянскую эпоху имѣлъ *и* въ корнѣ (изъ *ѣ*), если передъ корнемъ (въ префиксѣ) не было согласнаго, и ѣ, если передъ корнемъ былъ согласный: *имж*, *имъше*, *приимж*, *заимодавъць* и *възмж*, *възмъ*, *сънъмъ*. Этотъ ѣ иногда перешелъ въ *е* и такъ обр. получилось *вземъ*, *снемъ*. Последнія слова передали свое *е* тѣмъ словамъ того же корня, въ которыхъ былъ гласный *и*, вслѣдствіе чего явились слова *къмъше* Супр. 29, *поемы-и* (прич.) Мар. 143, *приемъ* (прич.), *наемъ-никъ*, *богоприемца* Асс. 4, 8, 78, 85, 160, *заемодавъць* С. Пс. 246, *лихоемость* 267, даже: *емати* Савв. Ев. 27, *приемати* Асс. 8, *приемаста* Супр. р. 335 (въ тѣхъ же памятникмахъ: *къмъше*, *наимъникъ*

и т. п.). Точно также суффиксъ *имз* (съ *и* иъ *ѣ*) употреблялся рядомъ съ суфф. *ымз*: *достомпъ*, *гномпъ* и т. п.—*силънъ*, *бурънъ* и т. п. Звукъ *е*, образовавшійся въ *силенъ* и друг., былъ переданъ этими словами словамъ въ родѣ *достомпъ*, и въ послѣднихъ стало слышаться *е*: *недостоепъ* С. Тр. 127 и др.

Цѣлый рядъ церк.-слав. словъ и формъ звучалъ то съ *ъ*, то съ *и*: *явленѣ* и *явленіе*, *люди* и *людии*. Понятно, чистый, образовавшійся въ словахъ съ *ъ* вслѣдствіе исчезновенія этого *ъ*, явился въ тѣхъ же словахъ и тогда, когда въ нихъ было *и* и когда въ нихъ не могло имѣть мѣста исчезновеніе глухаго. Напримѣръ, *е* развилось изъ *ъ* въ цѣсарствѣ, *безденѣ*; оно перешло изъ этихъ словъ въ ихъ варианты съ окончаніемъ *-имѣ*: *цѣсарствимѣ*, *безденія* Супр. р. 14, 57, и т. н.

Другой рядъ церк.-слав. словъ звучалъ въ однихъ формахъ съ *о*, *е* иъ *ъ*, *ь*, въ другихъ безъ этихъ звуковъ, съ опущеніемъ нѣкогда существовавшихъ здѣсь *з*, *ѣ*: *любовъ*, иъ *любъвъ*, и *любве*, *любви* и т. д., иъ *любъве*. Послѣднія формы въ церк.-слав. языкѣ эпохи памятниковъ (какъ и въ современномъ русскомъ языкѣ) подверглись вліянію первыхъ формъ и приняли въ себя изъ нихъ *о*, *е*; такимъ образомъ мы читаемъ: *пришелець* Ассем. Ев. 3 (*е* перешло изъ *пришельца*), *конѣца* С. Пс. 149 (*е* перешло изъ *конѣць*), *смокови*, *любови* С. Тр. 64, 195 (сравн. русск. *любви* при *любви*).

Переходъ *з* въ *о* и *ѣ* въ *е*, кажется, не былъ обязательнымъ; по крайней мѣрѣ мы не имѣемъ права сказать, что рядомъ съ *сонъ*, *весь* въ эпоху памятниковъ уже не существовало *сэнъ*, *всь* или *взсь*. Употребленіе въ памятникахъ *з* и *ѣ*, т. е. *сэнъ*, *всь*, конечно, ничего не доказываетъ: оно можетъ быть объяснено какъ традиціонное; но *о* и *е* иъ *з* и *ѣ* — обычное явленіе въ современномъ болгарскомъ языкѣ, и ново-болгарскіе говоры, имѣющіе *о* и *е*: *сонъ*, *весь*, *чоляко-тъ*, имѣютъ рядомъ съ ними и глухой: *сэнъ*, *взсь*, *чолякъ-тъ*.

Въроятно, въ связи съ переходомъ глухихъ въ чистые находится небольшое количество ошибокъ въ церк.-слав. памятникахъ, состоящихъ изъ употребленія *з*, *ѣ* вм. *о*, *е* или на оборотъ: *приобрѣтъхъ*, *оцьтъ* *размѣпъпъ* Зогр. 37, 43, *людъмъ* *помыпльѣжцьмъ* Савв. 144, *слъвеса*, *въстахъмъ* С. Пс. 31, 37, *імо* = *имъ* (дат.) С. Пс. 226, *подъбънъ* С. Тр. 82 и т. п.—*Марко* *Асс.* 89—не ошибка или описка,

а особое образованіе, развившееся подъ вліяніемъ уменьшительныхъ на *ю*; сравн. современн. русск. и сербск. Марко.

Образованіе плавныхъ гласныхъ. Обще-славянскія группы *зр*, *зл*, *ър*, *ъл* + согласный въ кирилло-меоодіевскую эпоху еще сохранялись, какъ показываютъ древне-русскіе кондакари, въ которыхъ *з* и *ь* нерѣдко повторяются (плавные гласные не могутъ повторяться). Въ послѣ-кирилло-меоодіевскую эпоху, въ то время, когда церк.-слав. глухіе начале исчезать изъ произношенія, или даже нѣсколько раньше, названныя группы превратились въ плавные гласные: *зр*, *ър* — въ гласный *р*, *зл*, *ъл* — въ гласный *л*, безразлично, находились ли они подъ удареніемъ, или были не ударяемыми. Эти плавные гласные стали обозначаться въ письмѣ черезъ *рз*, *лз* (рѣже *ръ*, *ль*), и этотъ способъ передачи ихъ сдѣлался настолько употребителенъ, что въ церковно-славянскихъ памятникахъ (кромѣ Остромирова Ев.) древнія *зр*, *ър* и пр. совсѣмъ не встрѣчаются (описки и т. п. не въ счетъ), и мы въ нихъ встрѣчаемъ постоянно *рз*, *лз*. Такимъ образомъ обще-слав. *зрдъ* превратилось въ *рдъ*, *рд* и стало изображаться черезъ *рздь*; обще-сл. *сѣмрътъ* дало *сѣмрътъ*, *сѣмрт'* и стало писаться *сѣмрзтъ*, и т. д. Впрочемъ изрѣдка въ памятникахъ мы не находимъ при *р*, *л* буквы *з* или *ь*, т. е. видимъ написанія въ родѣ *сѣмрътъ*, которыя вполнѣ убѣждаютъ насъ въ томъ, что въ *грдъ*, *сѣмрътъ* мы имѣемъ дѣло не съ плавными согласными + глухой, а съ плавными гласными, въ родѣ тѣхъ, какіе въ настоящее время слышатся во многихъ болгарскихъ говорахъ.

Обще-славянскія группы *рз*, *ръ*, *лз*, *ль* + согласный имѣли нѣсколько иную судьбу. Въ тѣхъ случаяхъ, когда за этими группами въ слѣдующихъ слогахъ были чистые гласные, *рз*, *ръ*, *лз*, *ль* образовали плавные гласные *р* и *л*; так. обр. дат. п. *крѣви* сталъ звучать *креи*, дат. п. *плѣти* сталъ звучать *плти*. Но въ другихъ случаяхъ, тамъ, гдѣ послѣ *рз* и пр. былъ слогъ съ глухимъ или съ *и*, исчезнувшимъ изъ произношенія, *рз* перешло въ *ро*, *ръ* въ *ре*, *лз* въ *ло*. Так. обр. имен.-вин. ед. *крѣвь*, *плѣть*, по исчезновеніи конечнаго *ь*, стали звучать *кров'*, *плот'*. Примѣры: *кровь* Син. Пс. 172 и др., *поскрежь-щеть* 76, 253, *плоть* 127 и др., *слезь* (род. мн.) 84 и др., *слезьна* 179, *углебь* 138 и т. п.

Обще-славянск. группы *зръ, зрь, зрь* и т. п. + согласный иногда (конечно, при ударении на второмъ глухомъ) слѣдовали группамъ *ръ, рь* + согл. Мы читаемъ бренье С. Пс. 33, 140, С. Тр. 160, Мар. Ев. 353 и др. (при др.-русск. *брьные, берные*). Но они могли давать также (при ударении на первомъ глухомъ) *ор, ер* и т. п., даже *еро: умерьшам* С. Тр. 23, *умерьшими* Кл. Сб. 21 и др., *умерошъ* (вин.) Мар. 221.

Употребленіе плавныхъ гласныхъ было настолько распространено въ церковно-славянскомъ языкѣ эпохи памятниковъ, что заимствованныя изъ греческаго слова съ группами: гласный + плавный согласный, или плавный + гласный, иногда получили вмѣсто этихъ группъ плавные гласные: грѣцкы = *γραιός* Остр. Ев. 220 об., хрѣсти Остр. 145 об., Хрѣсти, Хрѣстови = *Χριστός* Мар. Ев. 170, 152, змръна *σμίρνα* С. Пс. 97, трѣπεζа = *τράπεζα* Син. Пс. 168, трѣторь, трѣторьскъ = *τάρταρος* С. Тр. 100, 94, 98, Хрѣсостомъ = *Χριστόστομος* Кл. Сб. М. 10. Срв. ново-болг. *трѣpezъ, тьрѣpezъ*.

Церк.-слав. *църьковъ* С. Пс. 176, *църкѣвъ* др.-р. Слова Григорія Бог., *хрибетъ* С. Пс. 32, 39, 141, 181, рядомъ съ *цръкы, хръбетъ, хръбѣта*, не имѣютъ никакого отношенія къ переходу глухихъ въ чистые. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ древними явленіями, существовавшими рядомъ въ обще-славянскомъ языкѣ, какъ показываютъ словинск. *siřkva* (при сербск.-чакавск. *siřkva*), моравск. *křibet*, верхне-луж. *khřibjet*, польск. областн. *chrzybiec* (Wisła 1889 г. III, 743), и потому *и* въ *църковъ, хрибетъ* нельзя считать образовавшимися изъ *ь* въ *църкѣвъ, хръбѣтъ*.

Отжествленіе ь съ з. Звуки *з* и *ь*, не перешедшіе въ *о* и *е*, въ эпоху памятниковъ въ большей части говоровъ церк.-слав. языка стали звучать тожественно; иначе говоря, ь сдѣлался глухимъ звукомъ одного качества съ *з*. Одни памятники (главнымъ образомъ Зографское Ев., отчасти Саввино Ев. и Супрасл. рук.) еще сохраняютъ по мѣстамъ традиціонное, послѣдовательное употребленіе *з* и *ь*, но другіе ихъ смѣшиваютъ. Такъ, Ассеманово Ев. не различаетъ *з* и *ь*, и мы въ немъ читаемъ много разъ *ь* вм. *з*: тъкьмо 2, тъжде 3, сътъника 14, кьждо 104, вьнъзі, сънъмштихъ 115, ученикъ-тъ 120, зьль глаголь 127 и т. п.; срв. *крьвь, врьтъпъ* Зогр. 42, 67, *възъмъ, пришъдъ* Савв. 32, 34, *козълъ* Супр 111 (при ко-

земь С. Пс. 105) и т. п. Листки Ундольскаго совѣтъ не знаютъ ѣ и въ нихъ вездѣ стоитъ з: вѣсь мирь. Остромирово Ев., памятникъ русскаго происхожденія, въ большинствѣ случаевъ употребляетъ з и ѣ по-русски.

Однимъ изъ слѣдствій отождествленія ѣ съ з было то, что коегдѣ, вмѣсто е изъ древняго ѣ, появилось о: врьтопъ С. Пс. 118, С. Тр. 16 (при врьтъпъ Зогр. Ев., Мар. Ев.), сждобъ, род. мн., С. Пс. 102, 215, 265, 266, 275.

Впрочемъ должно имѣть въ виду, что глаголическая буква з чрезвычайно близка по виду къ глаголической буквѣ ѣ и что эти буквы въ памятникахъ различаются съ большимъ трудомъ.

Измѣненія согласныхъ. Согласные, нѣкогда отдѣленные другъ отъ друга глухими, послѣ исчезновенія этихъ послѣднихъ соприкоснулись и оказали взаимное воздѣйствіе. Результатомъ его было прежде всего ихъ отвердѣніе и смягченіе.

Согласные мягкіе, соприкоснувшись съ послѣдующими согласными твердыми, во многихъ случаяхъ отвердѣли; на оборотъ, согласные твердые, соприкоснувшись съ послѣдующими мягкими, смягчились. Эти измѣненія отразились въ церк.-слав. памятникахъ, особенно въ Зографскомъ Ев., Саввиномъ Ев. и Супрасльской рук. (Остромирово Ев. не можетъ идти здѣсь въ счетъ), сохранившихъ остатки правописанія того времени, когда з и ѣ еще различались. Такъ, въ Зографскомъ Ев., гдѣ твердость согласныхъ нерѣдко означаетъ буквою з (не звукомъ), а мягкость буквою ѣ, мы читаемъ: гумѣно, правѣдж, възѣмжъ 1, бѣсъныи, правѣды 2, мѣзда 3, распустѣныи 4, тѣмѣно, тѣма, сельныхъ 6, изѣмж, брѣвно 7; вѣселѣж, възѣде, кротѣци 2, вѣняти 3, възѣти 4 и т. п. То же въ Супрасльской рук.: дарѣствуи 3, крестѣныи 4, подѣстѣлавъ 5, сѣзда 6; вѣпяи 2, възѣ 3, въ лице, съ ними 5 и т. п. Между прочимъ отвердѣніе согласнаго имѣло мѣсто въ словѣ вѣдова (ср. санскр. vidhava-, лат. vidua), и оно является въ ц.-сл. памятникахъ постоянно въ видѣ вѣдова (но въ др.-русскихъ памятникахъ нерѣдко: вѣдова).

Сверхъ того, мы видимъ въ памятникахъ небольшое количество случаевъ полнаго измѣненія согласныхъ, а иногда также и опущенія. Это—бѣство Зогр. 71, Мар. 88, 169 и др., бѣсство Асс. 99, изъ бѣжѣство, розѣство Кл. Сб. 23, Мар. Ев. 48, изъ рождѣство, невѣзѣства

С. Пс. 46, изъ невѣждѣства, кѣникъчимъ Мар. 83, изъ кѣникъч—, лѣжка С. Тр., изъ лѣжка, иръноризъцѣ Супр. р. 90, изъ чр—(сравн. соврем. болг. ирънъ, сербск. ирни), що = што Супр. р., изъ чѣто, иръство С. Пс. 43, изъ цѣсарѣство (цѣсарь, рядомъ съ цесарь, цѣсарь, невѣдко въ древне-русскихъ спискахъ съ ц.-слав. оригиналовъ; срв. ново-болг. царь), а также: прѣстоми прѣдъ Богомъ Зогр. 81, прѣстомицимъ Асс. 83, прѣстоми прѣдъ Богомъ Мар. 191, прѣстоми С. Тр. 154 и т. п., изъ прѣдѣст—. Должно замѣтить, что древне-русскія нотныя книги не знаютъ предлога-префикса прѣдъ безъ ѣ и что въ нихъ формы въ родѣ прѣстояти вм. прѣдѣстояти неизвѣстны.

Согласныя мягкіе, сдѣлавшіеся послѣ исчезновенія глухихъ конечными звуками словъ, вѣроятно, во многихъ случаяхъ отвердѣли. Такимъ образомъ древнее дамъ, имѣвшее мягкое ѡ, стало звучать дамъ, съ твердымъ м; древнее чѣсть, съ мягкимъ т, стало звучать честъ, съ твердымъ т, и т. д. Къ сожалѣнію, памятники не позволяютъ намъ съ точностью опредѣлять, въ какихъ именно случаяхъ согласныя мягкіе въ концѣ словъ отвердѣли, но нельзя сомнѣваться въ томъ, что конечное мягкое м (въ формахъ твор. и мѣст. ед., 1 л. ед.) во время написанія такихъ памятниковъ, какъ Ассеманово Ев. и Син. Псалтырь, уже не существовало.

Кромѣ отвердѣнія въ концѣ словъ, многіе согласныя мягкіе отвердѣли передъ гласными. Это 1) тѣ мягкіе, которые были результатомъ смягченія гортанныхъ и зубныхъ, и 2) плавныя л, р и носовыя н, м.

Шипящіе ж, ч, ш отвердѣли всего чаще передъ слѣдующимъ а, затѣмъ передъ ж, рѣдко передъ у; средне-болгарскій языкъ показываетъ, что въ послѣднюю эпоху существованія церковно-слав. языка группы жж, чч, шш, съ мягкими шипящими, еще могли существовать и въ это время перейти въ жд, чд, шд; такъ обр. ц.-сл. душикъ могло перейти въ душа (вин. ед.). Группы жо, чо, шо (тѣмъ болѣе жы, чы, шы) въ церковно-слав. языкѣ были неизвѣстны, и мы встречаемъ ихъ впервые уже въ средне-болгарскихъ памятникахъ: мнѣишому, бывъишому (часто); жыветъ, носиши Слѣпченскій Апостолъ XII в. 14, 16 об.

Группы *жд* и *шт* отвердѣли въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ и шипящія. Въ средне-болгарскомъ языкѣ мы также иногда встрѣчаемъ *вижда*, *хошта* (1 л. ед.) = ц.-сл. *виждѣж*, *хоштѣж*, съ мягкими *жд*, *шт*. Группы *ждо*, *што*, *жды*, *шты* (не изъ *ждо* и т. д.) были неизвѣстны ц.-слав. языку, и мы встрѣчаемъ ихъ уже въ средне-болгарскихъ памятникахъ: *ништому*, *хоташтому*; свѣщы Охридскій Апостолъ XII в. 16 об.

Свистящіе *s*, *z*, *c*, *ц* отвердѣли передъ *а*, *у* и *ж*. Послѣ *s*, *z*, *ц* изъ *і*, *к* мы иногда еще встрѣчаемъ—какъ архаизмъ—*ъ* = *я* (хотя написанія въ родѣ *кнаса*, *кназа*, род. ед., —явленіе обычное), но послѣ *c* изъ *х*, въ случаяхъ въ родѣ *насмисатиса*, —*ъ*, *я* въ памятникахъ совсѣмъ неизвѣстны. Группы *су*, *зу*: пѣнасу Асс. 161, Мар. 70, пѣназу Зогр. 12 и т. п., —обычны; но группа *цу* — сравнительно рѣдка (обыкновенно: *цу*). Въ средне-болгарскихъ памятникахъ мы встрѣчаемъ иногда *маза*, *троица*, вин. ед., что указываетъ на возможность сохраненія въ церковно-слав. языкѣ послѣдней эпохи нѣкотораго количества мягкихъ свистящихъ передъ *ж*, въ родѣ *мажь*, *троицѣж*.

Отвердѣніе мягкихъ, происшедшихъ изъ горганныхъ и зубныхъ, должно было совершиться въ послѣднюю эпоху существованія церковно-славянскаго аз., какъ показываетъ присутствіе въ церк.-слав. памятникахъ древнихъ формъ склоненія словъ на *жь*, *чь*, *шь*, *жа*, *ча*, *ша*, *же*, *зь*, *ждь* и т. п.: формы съ отвердѣвшими согласными въ родѣ *кнази*, *кназу*, еще не успѣли ввести эти слова въ склоненіе твердыхъ основъ. Такъ, мы имѣемъ въ церк.-слав. памятникахъ формы род. ед. въ родѣ *маза* (не *мазы*, какъ жены; исключеніе: *мазы* С. Тр. 111), дат. *мази* (не *мазь*), вин. мн. *кназа*, твор. мн. *кнази* (не *кназы*).

Кромѣ *c* изъ *х*, подверглось отвердѣнію также древнее *c* въ формахъ мѣстоименія *всь* и въ родственныхъ съ нимъ словахъ. Мы нерѣдко читаемъ въ ц.-слав. памятникахъ *вса* (мн. ч. ср. р.), *всажъ*, *всж* (м. проч. Зогр. Ев.)—рядомъ съ *вса*—*всь*, *всякъ*—*вськъ*, *всж*. Сверхъ того, въ Зографскомъ Ев. мы находимъ *саное* 18 = *сьное*—*сѣяное* (при съвѣпному Зогр., *стх*, аор., Савв., *слти* С. Тр., не *слта* нива Супр.).

Отвердѣніе плавныхъ *л* и *р* (т. е. переходъ мягкаго *л* въ среднее *л*) совершилось сравнительно въ небольшомъ количествѣ случаевъ. Твердое *л* вмѣсто мягкаго мы всего чаще находимъ передъ *ж*: *люблж*,

рѣдко передъ *а*, еще рѣже передъ *у*: помышлаахъ С. Пс. 71, на-
сладшиши = наслѣдиши С. Пс. 184, приключышюся Мар. 136. Твердое
р встрѣчается несравненно чаще, особенно передъ *ж*, затѣмъ передъ
а и *у*, а также въ концѣ словъ: мору Савв. 21, твораста Супр. 18,
бура 57, Остр. Ев. 244 об., врама=врѣма С. Пс. 183 и т. п.

Конечно, написанія въ родѣ *риба* Савв. произносились съ твер-
дымъ *р*, т. е.: рыба. Отвердѣніе *р* въ формахъ *кесара*, *кесару* и т.
п. иногда повело къ переходу словъ мягкаго склоненія въ твердое;
такъ, въ Маріинскомъ Ев. мы находимъ дат. *кесарови* и прилагатель-
ное *кесаровъ* 164.

Отвердѣніе носоваго *н* произошло также только въ нѣкоторыхъ
говорахъ ц.-слав. языка, всего чаще передъ *ж*: съблажмж, грѣдымж,
рѣдко передъ *а*: съблажнаеть Зогр. 4,—аахъ Мар. 135, огна, род.,
С. Пс. 55. Отвердѣніе *м* очень рѣдко: срамажса — срамляжса
Савв. 51.

Сравни ново-болг. *кошула*, *земла*, *луди*, *луба* (рядомъ съ *кошула*
и пр.), *отворж*, *говорж*, *робинж* (рядомъ съ *отворжк*, *робинжк*).

Наконецъ, въ концѣ исторической эпохи должно было совершиться
то явленіе, которымъ закончилось существованіе церковно-славян-
скаго языка и началось существованіе языка средне-болгарскаго. Это—
переходъ послѣ *ј* и мягкихъ согласныхъ съ одной стороны *л* въ *ж*,
съ другой—*ж* въ *л*. Церковно-славянскіе памятники имѣютъ лишь
незначительное количество случаевъ этого перехода (изъ которыхъ
часть похожа на описки); мы ограничимся указаніемъ седмиа (твор.)
Зогр. 60, лъждаште Асс. 127, до душж С. Пс. 134, прокаженыж
Кл. Сб. (Микл.) 18.

Ново-болгарскіе говоры нашего времени нерѣдко имѣютъ *с*
(иногда носовое) на мѣстѣ ц.-слав. *ж*, ср.-болг. *л*: макед. паенкъ =
ц.-сл. пажкъ, ср.-б. пажкъ; гледаетъ, гледасшти = ц.-сл. гладыжтъ,
гладыжшти, ср.-б. гладыатъ, гладыашти и т. п.

Изъ литературы предмета.

Амфилохій архим. О вліянні греческой письменности на славянскую (Труды 1-го Археологическаго Съѣзда, т. II. М. 1871).—Бемъ. Историко-филологическое изслѣдованіе Супрасльскаго рукописи (Филологич. Записки 1869 г.).—Bergaigne. Du prétendu changement de *bl* en *m* en paléoslave, en lithuanien et en gothique (Mémoires de la Société de linguistique de Paris, II).—Böthlingk. Ein Paar Worte gegen die altslovenischen Wurzeln mit silbenbildenden *r* und *l* (Bulletin Acad. Nauk, т. XXII, 1876 г.).—Бодуэнъ-де-Куртенэ. Глоттологическія (лингвистическія) Замѣтки. Выпускъ I. Воронежъ, 1877. — Подробная программа лекцій въ 1877—78 учебномъ году. Казань—Варшава, 1881.—Бодянский. О времени происхожденія славянскихъ письменъ. М. 1855.—Ворр. Vergleichende Grammatik des Sanscrit, Send, Griechischen, Lateinischen Litauischen, Altslavischen, Gothischen und Deutschen. Dritte Ausgabe. Berlin, 1869—1871.—Брандтъ. Грамматическія замѣтки. Томъ I. Изд. 2-ое. Спб. 1886.—Brugman. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Три книги. Strassburg, 1886—1890.—Zur Frage nach den Verwandtschaftsverhältnissen der indogermanischen Sprachen (Techmer's International Zeitschrift für allgem. Sprachwiss., I).—Будде. Къ вопросу о надстрочныхъ знакахъ въ древне-славянскихъ и русскихъ рукописяхъ (Филологич. Записки 1887 г. № 5).—Будиловичъ. Начертаніе церковно-славянскои грамматики, примѣнительно къ общей теоріи русскаго и другихъ родственныхъ языковъ. Варшава, 1833 (срв. Журн. М. Нар. Пр. 1883 г. № 5).—Бѣляевъ. Исторія алфавита и новое мнѣніе о происхожденіи глаголицы. Казань, 1886.—Vondrák. Zur Kritik der altslovenischen Denkmale. Wien, 1886.—Востокъ. Разсужденіе о славянскомъ языкѣ: (Труды Общ. любит. рос. словесности, ч. XVII, 1820 г. Перепечатано въ «Филологическихъ Наблюденіяхъ А. Х. Востокова», Спб. 1865). — Hassencamp. Ueber den Zusammenhang des letto-slavi-

schen und germanischen Sprachstammes. Leipzig, 1876.—H a t t a l a. De contiguarum consonantium mutatione in linguis slaviciis. Prag, 1865.—Г е б а у э р ъ. Etymologie von книга (Kuhn's Beiträge z. vergleich. Sprachforsch., VIII).—G e i t l e r. Euchologium, glagolski spomenik manastira Sinai-brda. U Zagrebu, 1882.—Psalterium, glagolski spomenik manastira Sinai-brda. U Zagrebu, 1883 (срв. Arch. f. slav. Phil., VII; Listy filologické a paedagogické, XI; Филолог. Зап. 1885 г., вып. 3).—Starobulharská fonologie, ze stalým zřetelem k jazyku litevskému. V Praze, 1873. — Die albanesischen und slavischen Schriften. Wien, 1883.—Г о л о в а ч е в с к і й. Ueber den Lautwerth des glagolitischen њ (Arch. f. sl. Ph., IV).—H ü b s c h m a n n. Das indogermanische Vocalsystem. Strassburg, 1885.—Д а н и ч и њ. Диоба словенских језика. Из лекција. У Биограду, 1874.—ћ и ћ у istoriji slavenskih jezika (Rad Jugoslav. Akad., I).—D e l b r ü c k. Einleitung in das Sprachstudium. Zweite Auflage. Leipzig, 1884.—D o b r o w s k y. Institutiones linguae slavicae dialecti veteris. Vindobonae, 1822 (русскій переводъ: «Грамматика языка славянскаго по древнему нарѣчю», Спб. 1833—34).—Д ю в е р н у а. Система основныхъ элементовъ и формъ славянскихъ нарѣчій. М. 1872.—Z a w i l i ŋ s k i. O stosunku pokrewieństwa języków aryo-europejskich. W Krakowie, 1885.—З е л е н е ц к і й. О языкѣ первоно-славянскомъ, его началѣ, образователяхъ и историческихъ судьбахъ. Одесса, 1846.—K i r s t e. Zum slavischen Palatalismus (Arch. f. slav. Ph., V).—Die Entstehung der Präpositionen безъ, азъ, изъ und разъ (ib., VIII).—К о з л о в с к і й. Zur Geschichte des slavischen Consonantismus (ib., XI).—K o l á ř. O Zografském Evangelium a jeho berlinském vydání. V Praze, 1879.—К о р и т а r. Glagolita Clozianus, id est codicis glagolitici inter suos facile antiquissimi... λειψανον... Vindobonae, 1836.—К о т л я р е в с к і й. Объ изученіи древней русской письменности (Филолог. Зап. 1879—1880 гг.). — К о ч у б и н с к і й. Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій. Основная вокализация плавныхъ сочетаній конс. + л, р + з, в + конс. Два выпуска. Одесса, 1877—78. — Итоги славянской и русской филологіи. Од., 1882.—K r e k. Einleitung in die slavische Literaturgeschichte. Akademische Vorlesungen, Studien und kritische Streitzuge. Zweite Auflage. Graz, 1887.—К р у ш е в с к і й. Къ вопросу о гунѣ. Изслѣдованіе въ области старославянскаго вокализма (Русск. Филол. Вѣстн. 1881 г. № 1, и отд., Варш., 1881).—К р ы н с к і й. О носовыхъ звукахъ въ славянскихъ языкахъ. Варш. 1870. — L a n g. Jazykovědecký rozbor Euchologia Sinajského („Zpráva o s. k. real. a vyšším gymnasii v Příbrami“, 1888 и 1890 гг.).—L e s k i e n. Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen)

Sprache. Grammatik. Texte. Glossar. Zweite Aufl. Weimar, 1886 (русскій переводъ: «Грамматика старославянскаго языка, съ дополненіями по языку Остромирова Ев.». М. 1890).—Die Vocale z und ʒ in den sogenannten altslovenischen Denkmälern des Kirchenslavischen. Leipzig, 1875.—Die Declination im Slavisch-litauischen und Germanischen. Leipzig, 1876.—Ludwig. Ueber einige nasale Formen im Altslovenischen (Sitzungsberichte der k. Böhmisches Gesellschaft der Wiss., 1874 г.)—Mahlow. Die langen Vocale AEO in den europäischen Sprachen. Ein Beitrag zur vergleichende Lautlehre der indogermanischen Sprachen. Zweite Aufl. Berlin, 1888.—Miklosich. Monumenta linguae palaeoslovenicae e codice suprasliensi. Vindobonae, 1851.—Zum Glagolita Clozianus. Wien, 1860.—Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Erster Band (фонетика). Zweite Ausgabe. Wien, 1879 (срв. Arch. f. sl. Ph., III и IV, ст. Лескина).—Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. W. 1886.—Altslovenische Formenlehre in Paradigmen, mit Texten aus glagolitischen Quellen. W. 1874.—Beiträge zur altslovenischen Grammatik. W. 1875.—Geschichte der Lautbezeichnung im Bulgarischen. W. 1883.—Die slavischen Elemente im Magyarischen. Zweite Auflage. Besorgt und eingeleitet von D-r L. Wagner. Wien und Teschen, 1884.—Ueber die Lautverbindung *kt* in den indoeuropäischen Sprachen («Festgruss an von O. Böthlingk zur Doktor-Jubiläum, von seinen Freunden». Stuttgart, 1888).—Glagolitisch (Ersch und Gruber's Encyclopädie).—O slovima s, ʒ (Rad Jugoslav. Akademije, IX, 1869).—М и л е т и ч ъ. Особности-тѣ на езика на Маринскии паметникъ (Периодическо списаніе на Българск. Учен. Др., XIX—XX, 1886).—М и л л е р ъ Всев. Къ вопросу о славянскои азбуцѣ (Журн. М. Нар. Пр. 1884 г. № 3).—Müllenhof. Zur Geschichte der Auslaute im Altslovenischen (Monatsberichte d. k. Akad. d. Wiss. zu Berlin, 1878).—Некрасовъ. Очеркъ сравнительнаго ученія о звукахъ и формахъ древняго церковно-славянскаго языка. Спб. 1889.—Первольфъ. Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи. Томъ II. Варш., 1888.—Polívka. Kterým jazykem psány jsou nejstarší památky církevního jazyka slovanského, starobulharsky, či staroslovansky (Slovanský Sborník, изд. Елинкомъ, 1883).—Paläographische, grammatische und kritische Eigenthümlichkeiten in dem Makedonischen Prax-apostol (Arch. f. sl. Ph., X).—П о т е б н я. Къ исторіи звуковъ русскаго языка. I. Воронежъ, 1876. II—III. Варш., 1880—81.—П у т я г а. Къ теоріи индо-европейскаго вокализма. М. 1881.—Р а з у м о в с к і й. Церковное пѣніе въ Россіи. М. 1867—69.—Rácki. Assemanov ili Vatikanski Evangelistar. U Zagrebu, 1865.—С м о л е н с к і й. Краткое описаніе древняго (XII—XIII в.) знаменнаго Ирмоля, принад-

лежащаго Воскресенскому монастырю. Каз., 1887.—С о б о л е в с к і й. Стихотвореніе Константина Болгарскаго (Русск. Филолог. Вѣстн. 1884 г. № 4).—Греко-славянскіе этюды (ibid. 1883 г.).—Кирилло-меодіевскіе вопросы (Кіевск. Универс. Изв. 1885 г. № 9).—D e S a u s s u r e. Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes. Leipsick, 1879.—С р е з н е в с к і й. Древніе глаголическіе памятники, сравнительно съ памятниками кириллицы. Спб. 1866.—Древніе памятники юсоваго письма. Съ описаніемъ ихъ и съ замѣчаніями объ особенностяхъ ихъ правописанія и языка. Спб. 1868.—Свѣдѣнія и замѣтки о малозвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ (Зап. Ак. Н., XI—XXXIX, и отд. Спб. 1867—81).—Т а у л о г. Ueber den Ursprung des glagolitischen Alphabets (Arch. für sl. Ph., V).—У н д о л ь с к і й. Замѣчанія для исторіи церковнаго пѣнія въ Россіи (Чтенія Общ. ист. и древн., годъ 2-ой, 1846—47 г., II).—F i c k. Die ehemalige Sprachenheit der Indogermanen Europa's. Ein sprachgeschichtliche Untersuchung. Göttingen, 1873.—Ф о р т у н а т о в ъ Phonetische Bemerkungen (Arch. f. sl. Ph. XI—XII).—С р њ і с. Assemanovo izbornô Evangjelje. V Rimu, 1878.—S c h a f a r i k. Ueber den Ursprung und die Heimath des Glagolitismus. Prag, 1858 (русскій переводъ въ «Чтеніяхъ» Моск. Общ. ист. и др. 1860 г. кн. 4. Разборъ В и к т о р о в а въ «Лѣтописяхъ русской литературы и древн.», Тихонравова, 1859—60 гг., кн. 4—5).—S c h l e i c h e r. Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Vierte Auflage. Weimar, 1876.—Die Formenlehre der kirchenslavischen Sprache, erklärend und vergleichend dargestellt. Bonn, 1852.—Ist das Altkirchenslavische—slovenisch? (Kuhn und Schleicher's Beiträge z. vergl. Sprachforsch., I).—S c h m i d t Joh. Zur Geschichte des indogermanischen Vocalismus. I—II. Weimar, 1871—75.—Die Verwandtschaftsverhältnisse der indo-germanischen Sprachen. Weimar, 1872.—Zwei arische *a*-Laute und die Palatalen (Kuhn's Zeitschrift für vergl. Sprachforsch., XXV. Изложеніе въ Русск. Филол. Вѣстн. 1880 г. № 2).—Verwandeln *l* und *m* im Slavischen und Litauischen vorhergehende Dentale in *s*? (Kuhn's Beiträge z. vergl. Spr., VII).—Я г и ч ь (Jagic). Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis, nunc Petropolitanus. Berolini, 1879.—Маріинское Четвероевангеліе, съ примѣчаніями и приложеніями. Спб. 1883. (срв. Götting. Gelehrt. Anzeigen, ст. Мазинга).—Четыре палеографическія статьи. Спб. 1884.—Glagolitica. Würdigung neuentdeckter Fragmente. Wien, 1890 (срв. Кіевск. Универс. Изв. 1890 г. № 11).—Studien über das altlovenisch-glagolitische Zographos-Evangelium (Arch. f. sl. Ph., I—II).—Ueber einige Erscheinungen des slavischen Vocalismus (ibid.,

D.—Weitere Uebergänge aus *s* in *ch* im Slavischen (ib., II).—Wie lautete *ж* bei den alten Bulgaren? (ib. III).—Ueber einen Berührungspunkt des altslovenischen mit dem litauischen Vocalismus (ib.).—Das altslovenische Evangelistarium pop-Sava's (ib., V).—Die Umlauterscheinungen bei den Vocalen *e*, *u*, *o* in den slavischen Sprachen (ib., V—VI).—Jarosiewicz. Ueber das «Euchologium Sinaiticum». Sine loco et anno.

Другія бібліографическія указанія см. въ нашихъ «Лекціяхъ по исторіи русскаго языка», а также въ названныхъ выше трудахъ Бодуэна-де-Куртенэ («Программа...»). Котляревскаго и Кочубинскаго («Итоги...»).

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ

Стран.	строк.	Напечатано.	Должно читать.
41	16	опр'ка номъ	опр'каномъ
74	22 —	ст.	сп.
75	3 —	bhrū-su	bhrū-šū

Сверхъ того, на стр. 31 поставлена глаголическая буква *ъ* вмѣсто глаголической буквы *ь* (последняя отличается отъ первой лишь тѣмъ, что начинается точкою, а не кружкомъ).

UNIVERSITY OF MICHIGAN

3 9015 03040 8499

DM 40. —

0328

730 8947/1

**DO NOT REMOVE
OR
MUTILATE CARD**

